БГ

Для служебного пользования

МЕСЯЦ май № 4 2002 год

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Корпорация «Церковь»

В начале 1990-х руководство Русской Православной Церкви благословило священников на коммерческую деятельность. Что из этого получилось?

Стр. 10–11

Тяжеловозы

Иракский след в уголовном деле бывшего заместителя генерального директора Минского автомобильного завода по внешнеэкономическим связям Александра Яковлева

Стр.3–5

Приговоренные к шизофрении

Сотни «политических больных» могут так и не дождаться реабилитации

Стр. 8–9

ПРОШУ СЛОВА

Крепитесь, люди, скоро лето

Режим ежемесячника не предполагает публикацию коротких новостных заметок, так сказать, хроники. И все-таки хотелось бы обратить ваше внимание на новости, которые буквально одной строкой промелькнули в СМИ, но которые будут иметь далеко идущие последствия.

Так, в начале апреля выяснилось, что Россия во втором квартале значительно снизила поставки на белорусские нефтеперерабатывающие заводы своей нефти. В то же время НПЗ работают с полной загрузкой. Это может означать, что на переработку в Беларусь пошла ближневосточная нефть. По некоторым сведениям, поставщики — частные компании и фирмы Управления делами президента.

Другая тревожная тенденция. По необъясненным причинам в стране впервые за долгие годы отмечены задержки с выплатами пенсий, стипендий, социальных пособий. В апреле в воинских частях наблюдались перебои с поставкой продуктов питания для армии, в том числе хлеба. Без финансирования остаются социальные проекты — деньги с начала года не получили Красный Крест, общества инвалидов, другие социальные организации. Проще всего объяснять происходящее посевной кампанией: деньги сейчас действительно «закапывают» в землю, это правда. Но посевные и уборочные были каждый год, однако впервые государство не смогло обеспечить даже тот критический минимум, который традиционно выделяло для самых обездоленных наших сограждан.

Судя по всему, проблемы с выплатой пенсий специалисты прогнозируют и на ближайшее будущее. Как выяснилось, грядущая пенсионная реформа направлена не на ликвидацию нищенского размера пенсий, а на увеличение пенсионного возраста. Женщин предлагается отправлять на пенсию в 60 лет, мужчин — в 62,5 года. С увеличением продолжительности жизни в стране это, как вы понимаете, не связано. Скорее наоборот.

Новости из разряда жизненно важных для нас в марте-апреле приходили с завидной регулярностью. Не было недели, чтобы российские СМИ не сообщили о задержанных белорусской говядине, молоке или грибах, которые санэпидслужбы России запрещали к продаже из-за несоответствия санитарным нормам. Мы же умилялись грузам гуманитарной помощи, пришедшим в нашу страну к очередной дате чернобыльского юбилея, и спорили, как скоро в свете новых решений ООН белорусскую радиоактивную зону ждет судьба китайского Шанхая. Боюсь, нынешние обитатели зоны до этого счастья не доживут. Хотя Шанхай, действительно, был выстроен в течение десяти лет. И непонятно, почему белорусские чиновники, которые по несколько раз в год ездят перенимать опыт китайских реформ, не обратили внимания на это простое обстоятельство. Мы за прошедшее после распада Советского Союза десятилетие добили все, что имели, и говорим: мол, мало времени прошло... А китайцы за это же время догнали, обогнали и ушли далеко вперед.

Кстати, о Китае. Появились сообщения, что Минский завод колесных тягачей намерен подписать с КНР крупный контракт на поставку своей техники. Новость из разряда фантастики, поскольку, согласно официальной информации белорусского посольства в Пекине, в Китае на более или менее постоянной основе проживает около 30 белорусских специалистов. Из них 20 (если не больше) — это сотрудники посольства и члены их семей. Доходит до анекдотов. Был рейс Минск — Пекин, но авиакомпания «Белавиа» решила поручить представительство своих интересов некоему украинскому гражданину. В результате авиарейс на Минск закрыли, зато рейс на Киев добавили. Удивляет в данном случае только то, как при такой организации работы мы умудряемся еще хоть что-то хоть кому-то продавать. Впрочем, может случиться и так, что сядем мы при своих «МАЗах», тракторах и удобрениях над жизнью думать. В апреле стало известно, что Беларуси грозят очередные санкции — за нежелание впускать в страну нового посланника ОБСЕ. Болезненный удар Европа грозит нанести по нашим чиновникам — их вновь намерены не впускать в западные страны, намекая на составленный «черный список». Но что будут делать заводы, куда и что они будут продавать? Чем пенсии платить будут? И доживем ли до пенсии на своем-то постчернобыльском молоке и мясе?

Редактор Светлана КАЛИНКИНА

РЕЙТИНГ

По весне они проснулись

Кто часто летает самолетами, наверняка обратил внимание, что сейчас все рейсы из Москвы в Минск переполнены. В белорусскую столицу летят стриженые братки, нудные чинуши, шумные новые русские и уткнувшиеся в бумаги эксперты. Более того, по просьбам трудящихся рассматривается вопрос о переориентации на Астану, Челябинск, Алматы освободившихся на европейском направлении рейсов «Белавиа». Что это значит? Это значит, господа, что в нашу страну пошли деньги.

В прошлом месяце Минск с визитами посетили «орлы» российского бизнеса: Михаил Гуцериев («Славнефть»), Владимир Богданов («Сургутнефтегаз»), Игорь Макаров («Итера»), Вагит Алекперов («ЛУКойл»), Таймураз Боллоев («Балтика»). «Записочка» на каждого лежала на столе перед президентом и подготовлена была славным тружеником невидимого фронта, помощником президента по экономическим вопросам, бывшим заместителем министра экономики Сергеем Ткачевым. Этот не очень вежливый человек в последнее время проявляет невиданную активность. Он инициирует реформу страхового рынка, пытается установить новые правила на рынке финансовом, выносит резюме по инвестиционным предложениям.

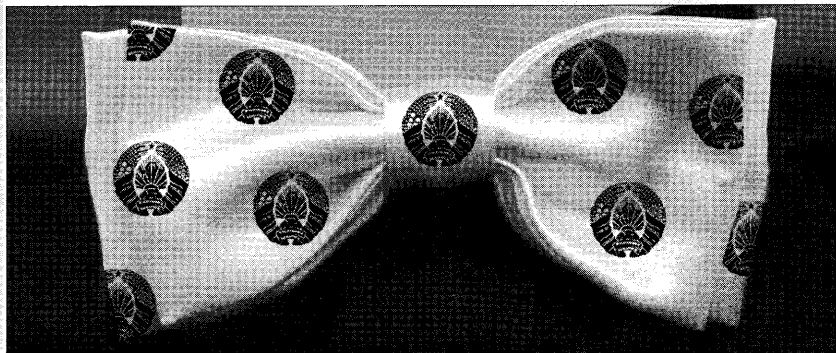
Говорят, Сергей Ткачев работает «по заказу» — в том смысле, что он умеет находить механизм реализации чужих идей и пожеланий. Впрочем, это не суть важно. В контексте анализа наметившихся тенденций нам важно констатировать, что центр экономических инициатив переместился из Минэкономики и правительства в президентскую администрацию. Подписи Ткачева на всяких справках — это формальность. На самом деле последнее слово в вопросах экономики поют дуэтом глава Администрации президента Урал Латыпов и его заместитель по экономическим вопросам Леонид Козик.

Латыпов — мастер тихой игры. Но в марте его недоброжелатели из лагеря Шеймана и президентского Управления делами радовались своей «невиданной победе». Они вроде бы обошли Латыпова, уговорив Лукашенко подписать указ, по которому президентский завхоз Галина Журавкова получила право сама для себя издавать нормативные акты. Представляете, мечта идиота все-таки сбылась: гаишник получил в личное пользование знак «50»!.. Но как радуется Латыпов — теперь ведь коллективной ответственности не будет, теперь за каждый сомнительный контракт будут отвечать лично Журавкова и лично Шейман, контролировавший законность ее распоряжений. А непомерные аппетиты обязательно доведут до сахарного диабета — это закон.

Кстати, законотворческий зуд оказался делом заразным. Хорошо не подумав, теперь просит для себя таких же полномочий командующий Генеральным штабом. Латыпов, конечно, проследит, чтобы «ничего такого» не случилось. Но фигура командующего Генштабом интересна в том смысле, что он является теневым министром обороны. В свое время, уйдя в оппозицию к министру Александру Чумакову, начальник штаба стал концентрировать вокруг себя высших офицерских чинов, недовольных тем, как осуществляется руководство армией. Когда Чумаков был отстранен от должности, многие надеялись, что его заменит генерал Козлов. Но этого не случилось, пришел Мальцев. Причем министр Мальцев первого захода и нынешний отличаются, как «первый сорт» от «сорта второго». Однако под шумок смены руководства новый командующий Гурулев выбил для себя право реально управлять армией, оставив Мальцеву представительские и переговорные функции. Впрочем, реально сложившееся двоевластие сегодня уже не устраивает ни одного, ни второго. И развитие этой ситуации непредсказуемо.

Реальное двоевластие мы сегодня имеем и в нижней палате парламента, где часть депутатов желает видеть на посту спикера не Вадима Попова, а его заместителя Владимира Коноплева. Коноплев — гончая на старте. Но вынужден сдерживать дыхание и убеждать всех, что лучше Попова депутатам спикера не найти. По странному стечению обстоятельств президентскую администрацию на посту спикера больше устраивает именно престарелый Попов, а не президентский друг детства, свойский мужик Володя Коноплев.

И наконец, бенефис. Наш выезд в Москву для принятия очередных судьбоносных решений в жизни белорусско-российского союза. Режиссером-постановщиком выступил, конечно же, российский премьер Михаил Касьянов. Он умеет вести денежные переговоры и теперь может точно сказать, сколько стоит покупка маленького, но гордого суверенного государства. Нас обязали выполнять российские законы и за это пообещали распространить на нашу территорию цены, по которым энергоносители покупают российские заводы. Всем, естественно, известно, что недалека перспектива, когда нефть и газ внутри России будут продаваться по мировым ценам. Всем известно, что Россия твердо намерена вступить в ВТО и все-таки уравняет условия работы своего производителя с западными. Готовясь к этому, россияне переоснащали производство, обновляли технологии, вводили западные деньги. Мы же боролись с мировым империализмом и берегли свою изношенную госсобственность, как старая дева — девственность. Мы опоздали ровно на десять лет. Впрочем, в этом «подвиге» главного героя нет — это труд коллективный. И оценку упущенному десятилетию даст история. Мы же оценивали итоги марта. И можем констатировать, что по весне, наконец, проснулся Урал Латыпов.

СЛУХИ

Говорят, что существует распоряжение о подготовке к проведению в Беларуси референдума. Для того чтобы эта идея понравилась Западу, на референдум предлагается вынести вопрос о моратории на смертную казнь. Чтобы инициативу поддержала Россия — вопрос об интеграции с Российской Федерацией. Однако главная задача референдума — позволить Александру Лукашенко продлить собственный президентский срок. По этому поводу существует несколько мнений: одни утверждают, что на референдум может быть вынесен вопрос о продлении президентских полномочий, другие — что народу будет предложено одобрить изменения в Конституцию, согласно которым президента будут избирать депутаты Национального собрания.

Председатель Центризбиркома Лидия Ермошина эти слухи категорически опровергает.

По некоторым сведениям, российское промышленное и финансовое лобби намерено сделать ставку на экс-премьера Беларуси Владимира Ермошина как на будущего кандидата в президенты Беларуси. В настоящее время предложено назначить Ермошина на пост, который занимает Павел Бородин, чтобы иметь возможность «раскручивать» его кандидатуру через российские СМИ.

Кстати, по слухам, всем промышленникам, гонимым в Беларуси, предложены высокие посты в России. Бывшему министру сельского хозяйства Василию Леонову — пост помощника губернатора одной из областей, бывшему вице-премьеру Валерию Кокореву — руководящий пост в крупной нефтяной компании, бывшему начальнику СИЗО-1 Олегу Алкаеву — пост начальника одной из российских тюрем.

Массовые увольнения из Белтелерадиокомпании самых опытных работников, по слухам, связаны с тем, что в скором времени будет объявлено о ее акционировании. Сейчас руководство компании не продлевает трудовые договоры с теми, кто проработал на телевидении десять и более лет, и, по неофициальной информации, вызвано это нежеланием делиться акциями, положенными трудовому коллективу. Как известно, при акционировании наибольшее число акций получают те, у кого наибольший стаж. Вроде бы, согласно задумке нового руководства, наибольший стаж должен оказаться у тех, кто пришел на телевидение после 1994 года.

Говорят, что составленный спецслужбами на основе анонимных опросов подчиненных некий рейтинг популярности белорусских министров определил двух безусловных лидеров по непопулярности. На первой ступеньке вроде бы министр внутренних дел Владимир Наумов. Считается, что он побил все рекорды по отстранению от должностей региональных руководителей и за это лишился симпатии своих подчиненных. На втором месте — генеральный прокурор Виктор Шейман. Его подчиненные не любят за, извините, некомпетентность и необщительность.

Самый популярный министр, как нам сказали, Михаил Хвостов. Который, по слухам, очень желает получить пост какого-нибудь посла и уехать из Минска к чертовой матери.

Выход в свет Александра Лукашенко в передаче НТВ «Свобода слова» вроде бы сопровождался только одним обязательным условием — чтобы на эфир не был приглашен лидер Объединенной гражданской партии Анатолий Лебедько и чтобы он ни в коем случае не получил микрофон. Лебедько, правда, мелькнул в кадре как случайный прохожий. Но к микрофону его действительно не подпустили.

Следить за развитием

Грязные игры с грязными деньгами

Сергей САЦУК

Польский суд отказался выдать бывшего заместителя генерального директора МАЗа по внешнеэкономической деятельности Александра Яковлева белорусскому правосудию. Отказался на том основании, что в нашей стране независимого следствия и независимого суда быть не может. «Дело Яковлева» теперь будет похоронено в архивах, и мы так и не узнаем, как случилось, что работу в этой стране потерял один из самых преуспевающих белорусских менеджеров. Специалисты говорят, что Яковлев совершил чудо, увеличив экспортные продажи МАЗа до рекордных показателей. Следователи говорят, что их это не интересует и что Яковлев работал не только на предприятие, но и на себя. Кто прав?

Бегство

В пятницу 24 ноября 2000 года, приблизительно в 7.30, водитель Яковлева Дмитрий Радченко, как обычно, забрал своего шефа из дома и отвез его на предприятие. Александр Яковлев не проявлял никаких признаков беспокойства. Однако уже в 9.00 замдиректора связался с Радченко и велел ему в 9.30 быть с машиной у здания заводоуправления. В указанное время служебный автомобиль подъехал к предприятию. Яковлев приказал ехать в головное управление «Инфобанка». От водителя не ускользнуло, что за прошедшие полтора часа что-то произошло: Яковлев заметно нервничал, все время оборачивался назад, словно ожидая погони...

В здании «Инфобанка» он пробыл около двух часов, а когда вышел, приказал водителю вновь рулить к заводоуправлению, но по дороге заехал домой — надо было взять кое-какие вещи. Из своей квартиры на ул.Фрунзе Яковлев вышел с кейсом и вместительным пакетом. По прибытии на завод весь багаж водитель отнес к нему в кабинет, а затем по приказанию шефа отправился оформлять командировочные документы в Пакистан. Когда Радченко вернулся, Яковлева на заводе уже не было. Не появился он на работе и в понедельник 27 ноября. Как потом выяснится, в выходные не было его и дома.

Только в середине декабря на основании полученной из Риги телеграммы стало известно, что Яковлев находится в Латвии на лечении. Замдиректора просил считать его в отпуске по состоянию здоровья (сердце прихватило),и сообщал, что как только поправится вернется на рабочее место.

16 января 2001 года его отпуск продлили еще на две недели. Вновь по состоянию здоровья. Однако уже на следующий день Комитет госбезопасности РБ возбудил в отношении Яковлева уголовное дело.

29 января жена Яковлева принесла на завод заявление своего мужа с просьбой об увольнении, а 1 февраля 2001 года КГБ РБ заочно предъявил Яковлеву обвинение по двум статьям УК РБ: ст.228 ч.1 и ст.235 ч.2. Уже тогда КГБ имел сведения, что Яковлев скрывается в Польше, беглец был объявлен в розыск, а в Польшу за подписью генерального прокурора было отправлено обращение о правовой помощи...

Оперативная разработка

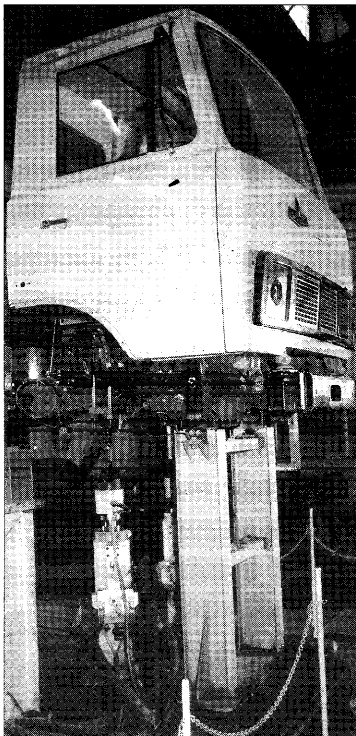
Вне всяких сомнений, Яковлев поехал в Ригу не для лечения: при сердечном приступе ищут самую ближайшую клинику, а не ту, которая находится за сотни километров. Однако 24 ноября о возбуждении уголовного дела в отношении замдиректора МАЗа речь не шла, а Яковлев все-таки уехал. Почему?.. Ответ на этот вопрос можно домыслить, если проследить, как начиналось уголовное дело №01061930001.

Приблизительно в октябре 2000 года Комитету госбезопасности РБ стало известно, что у Яковлева имеется абонированный сейф №101 в варшавском банке PKO S.A., в котором хранятся документы, свидетельствующие, что замдиректора имеет несколько счетов в польских банках на общую сумму около Usd 500 тысяч. Причем, по оперативным данным, Яковлев лично пополнял данные счета, внося наличными довольно крупные суммы в валюте. Само собой, КГБ заинтересовался данным фактом и начал действовать. Чекистам удалось даже получить копии указанных документов.

Как выяснили сотрудники Комитета госбезопасности, в Варшаве Яковлев имел шесть депозитных и один текущий счет на общую сумму Usd 466 787. Наиболее крупными были счета на Usd 196 942.74 и Usd 210 328.86. Кроме вышеперечисленных вкладов у Яковлева, согласно документам, имелись также четыре субсчета в банке PBKS S.A. O/Nowy Dwor Maz, на которых находилось Usd 27 637, и еще один скромненький счет на Usd 5 тыс. в варшавском AMERBANK. Самым интересным в полученных документах чекистам показалось то, что деньги на все вышеуказанные счета вносились наличными (по 10, 20, 30 тысяч) самим Яковлевым, начиная с 1999 года и заканчивая 2000-м. Из этого был сделан вывод, что около Usd 500 тысяч Яковлев вывез из Беларуси. Однако на столь крупные перемещения валюты в обязательном порядке требуются разрешения Нацбанка, и если бы они выдавались, этим фактом уже давно заинтересовался бы КГБ. Следователи предположили, что около полумиллиона «зелени» Яковлев вывез контрабандой.

Чтобы отработать эту версию, сотрудники правоохранительных органов, используя копию польской налоговой декларации от 16 сентября 1999 года, заполненную Яковлевым, проверили, заполнялась ли такая же декларация на п/п «Западный Буг», через который в указанный день Яковлев проезжал на машине. Документы о пересечении Яковлевым границы были на своем месте, но декларация отсутствовала. Другие декларации, которые свидетельствовали бы о легальном ввозе Яковлевым крупных валютных сумм на территорию Польши, тоже не нашлись, как не были обнаружены и разрешения Нацбанка на вывоз указанных сумм (и на таможне, и в банке были найдены лишь декларации и разрешения на вывоз командировочных, выдаваемых Яковлеву в поездки, — на Usd 850, Usd 1250, Usd 2000, но не больше).

И все-таки, по нашим данным, вопрос о привлечении Яковлева к уголовной ответственности даже тогда не ставился. Дело в том, что польское законодательство предоставляет довольно существенные поблажки для частного бизнеса. Поэтому белорусские госпредприятия в Польше довольно часто делают «ход конем»: регистрируют «дочек», открывают и предприятия, и счета на частных лиц. Так, Яковлевым было учреждено в Польше предприятие «Мазавтополанд»,

Конвейер громких дел

100% капитала которого принадлежали РУП «МАЗ». Исходя из этого, одной из рабочих версий происхождения денег было то, что 500 тыс. баксов тоже могут принадлежать заводу или его дочернему предприятию «Мазавтополанд». Оперативники КГБ начали проверять, есть ли у РУП «МАЗ» счета в указанных польских банках. И Яковлев сбежал.

Откуда деньжата?

На данный момент Яковлеву официально предъявлено два обвинения. Первое касается контрабанды Usd 11 564 — польская таможенная декларация на их ввоз была обнаружена сотрудниками КГБ в варшавском банке PKO S.A. Согласно польскому законодательству, чтобы положить в банк крупную сумму наличных, необходим документ, указывающий источник происхождения денег. Поэтому, по мнению КГБ, Яковлев и заполнил польскую декларацию, хотя на самом деле деньги вывезены из РБ контрабандой. Помимо контрабанды Яковлеву официально инкриминируется также отмывание денежных средств, добытых преступным путем. Кроме того, сегодня в уголовном деле №01061930001 (которое, как нам сказали, насчитывает 11 томов) имеется несколько «дежурных» обвинений относительно того, как Яковлев скопил свое состояние. «Дежурных» потому, что для придания обвинениям правового статуса правоохранительным органам не хватает показаний Яковлева, образцов его почерка и подписи, взятых в соответствии с действующими нормами УПК РБ. Только после этого можно будет провести почерковедческую экспертизу и однозначно что-то утверждать. Тем не менее «наработки» следователей нам известны.

Обвинение №1. Согласно данным Комитета госбезопасности, еще в 1996 году Яковлев работал главным инженером треста «Белавтомазремстроймонтаж». По его указанию 30 автомашин «МАЗ», купленных до этого на заводе, были проданы частным лицам и сторонним организациям по ценам, заниженным на 50%. Разница в Byb 25 млрд (в ценах 1996 года) легла на убытки треста.

Обвинение №2. В 1997 году в Великобритании ликвидировался банк BGGI, так как имелись подозрения, что через него отмывались деньги, полученные от продажи наркотиков. При ликвидации банка выяснилось, что у него на счетах еще со времен СССР находятся деньги, принадлежащие РУП «МАЗ» — с процентами это более миллиона долларов США. Надо отметить, что на самом предприятии об этих деньгах ничего не знали: при СССР все поставки техники велись централизованно через Москву, а та уже рассчитывалась с предприятиями. Поэтому когда в 1997 году к гендиректору РУП «МАЗ» обратился представитель фирмы «ЮМО Беларусь» некто Ловков и предложил помощь в возвращении денег, Гуринович просто не поверил ему. Тогда Ловков вышел на Яковлева, и вместе они сумели уговорить генерального на сотрудничество. Само собой, возвращением денег ведал Яковлев. В апреле 1997 года на счет предприятия во «Белвнешэкономбанке» поступил первый платеж на Usd 750 тысяч. Однако остальные Usd 325 тыс. так и не поступили. В январе 2001 года, когда исчез Яковлев, Гуринович лично занялся поисками затерявшейся «зелени». Как оказалось, деньги были перечислены еще 13.01.1999 г. на счет зарегистрированной на Кипре фирмы «Маз Маркетинг ЛТД». К минскому предприятию киприот имел не большее отношение, чем Шура Балаганов к лейтенанту Шмидту. Поэтому Гуринович связался с Ловковым и попросил объяснить, почему деньги ушли налево. В ответ Ловков заявил, что платеж был сделан согласно письму Яковлева, и переслал по факсу копию указанного документа. Проверка исходящей документации на предприятии показала, что данное письмо не было зарегистрировано, то есть являлось поддельным. Поэтому по требованию РУП «МАЗ» Ловкову пришлось вернуть деньги, которые до этого больше двух лет крутились на Кипре.

Обвинение №3. В 1998 году под руководством Яковлева производилась поставка автотехники МАЗ в Ирак. При реализации контракта в адрес ЗАО «Белорусская судоходная компания», которая занималась транспортировкой машин, было перечислено Usd 610 тыс., в то время как стоимость фрахта составляла всего Usd 270 тысяч.

Характеристика

Все бывшие сослуживцы характеризуют Яковлева как хорошего профессионала (во многом именно благодаря его усилиям удалось увеличить экспорт автомобилей с 64 единиц в 1996 году до 811 в 2000-м), но заносчивого, вспыльчивого и высокомерного человека. Он ни с кем из коллег не поддерживал дружеских отношений, не вникал в проблемы сослуживцев, не поддерживал компании. Например, своего водителя Яковлев сразу предупредил, чтобы тот не смел распространяться о его личной жизни, особенно о том, что у него имеется квартира в микрорайоне Уручье, о которой никто не знал и где никто не жил. Данная предосторожность вовсе не случайна. Согласно справке БРТИ, Яковлев приобрел квартиру на ул.Шафарнянской в 1994 году. Это подтвердил и бывший хозяин квартиры Григорий Конон, который продал ее Яковлеву за Usd 18 тысяч. Интересно, что вплоть до 2001 года о приобретенной квартире не знали даже ближайшие родственники Яковлева. Следователи объясняют это тем, что, согласно показаниям соседей Яковлева по ул.Шафарнянской, хозяин появлялся в квартире лишь периодически — в сопровождении разных молодых женщин. Кроме него туда, опять же в сопровождении разных молодых женщин, наведывались и другие мужчины «представительского» типа. В общем, следствие подозревает, что на квартире был притон для VIP-персон.

Нам известно, что Яковлеву передавали просьбу гендиректора МАЗа Валентина Гуриновича, чтобы тот нашел возможность встретиться и объясниться на территории Польши с представителями белорусских правоохранительных органов, так как у последних к нему имеются вопросы. Однако беглец ответил, что этого он делать не будет. Впрочем, на вопросы нашего корреспондента Александр Яковлев ответить согласился.

Продолжение темы на стр.4-5

Допросить с пристрастием

Тяжеловозы

иракский след в уголовном деле Александра Яковлева

Александр БАРНАТОВИЧ, Марат ПЕТРОВ

Каждый директор вам скажет: посадить можно любого из его коллег. Есть директора, которые уже почувствовали занесенный над головой меч и поспешили объясниться с журналистами. В редакции «БДГ» есть несколько таких «чрезвычайных» интервью, условие публикации которых – «если арестуют». Директорам есть чего опасаться: руководители самых успешных белорусских промышленных гигантов — МТЗ и «Атланта» — уже за решеткой и, похоже, еще долго ничего не скажут широкой общественности. Но мы все-таки имеем возможность заглянуть на «кухню» правосудия и с подачи обвиняемых. Заместитель генерального директора Минского автомобильного завода по внешнеэкономическим связям Александр Яковлев сумел избежать ареста, скрывшись в Польше.

— Александр Иванович, есть ли у вас вклады в польских банках? Если да, то на какую сумму, каковы источники их происхождения?

— Да, у меня есть счета в польских банках, но, конечно, это не те суммы, которые называют сотрудники КГБ. Что касается источников происхождения этих денег, то они самые различные. Три года я работал в Иране в то время, когда это государство вело войну с Ираком. Нас несколько раз эвакуировали, дважды иракские танки входили в город... Нам всем тогда за работу в военных условиях заплатили большие деньги. К тому же после смерти деда и отца в 1991 году я унаследовал значительную сумму, и в 1992 году поместил все эти деньги в банки под высокие проценты. Тогда по валюте ставка достигала 34 процентов, а на рублевые вклады — до 600. Набежали проценты и по вкладам в Польше. Причем на все деньги, которые у меня есть, имеются подтверждения, что они честно заработаны, а не украдены, как пытается представить белорусский КГБ. Заканчивая ответ на этот вопрос, хочу сказать, что я вырос и жил в обеспеченной семье, так как мой отец работал директором проектного института. И сам я тоже был и остаюсь человеком обеспеченным. У меня просто не было необходимости воровать, поскольку на абсолютно законных основаниях я мог получать значительные доходы. Поэтому у КГБ нет и не может быть ни одного доказательства того, что я украл какие-то деньги. Ни в тресте, где я работал до прихода на МАЗ, ни на самом МАЗе. Обратитесь на завод, обратитесь в трест — их руководители Гуринович и Гончаров подтвердят, что в этих организациях нет ни одного документа, подтверждающего, что я в период своей работы украл хоть копейку. Я знаю, например, что когда Гуриновичу во время заводской профсоюзной конференции задали вопрос: «Правда ли, что Яковлев украл деньги и сбежал?» — он ответил: «Даю вам честное слово, что Яковлев у завода не украл ни копейки». Во всех этих организациях я имею отличные характеристики и почетные грамоты. И потом, если у КГБ есть доказательства, что я совершил эти преступления, почему они не представили эти доказательства в польский суд, когда решался вопрос о моей экстрадиции? Так что все обвинения в мой адрес — на уровне «одна бабка сказала».

— Если не секрет, на какую сумму тянут ваши сбережения? В КГБ говорят, что у вас — почти полмиллиона долларов.

— Давайте оставим эти коммунистические традиции заглядывать в чужой карман. В цивилизованных странах это не принято.

— И все-таки. Вы утверждаете, что на ваших счетах денег существенно меньше, чем это утверждают в КГБ. Насколько меньше? В десять, в двадцать раз?

— Я сказал то, что сказал. Давайте договоримся так: само по себе наличие денег в нормальной цивилизованной стране преступлением не является. Конечно, есть еще государства, где существует коммунистическая психология, согласно которой надо все отнять у богатых и отдать бедным. Но, как показала история, бедные от этого богаче не становятся. Поэтому я еще раз хочу сказать: если у КГБ есть какие-либо доказательства, что я совершил преступление, то они имели возможность представить эти доказательства в польский суд. Этого сделано не было. Значит, доказательств нет. А от себя добавлю — и не может быть.

— Александр Иванович, я попрошу вас прояснить ситуацию по поводу возврата мазовских денег из английского банка BGGI. По нашим данным, белорусское правосудие готово инкриминировать вам этот эпизод.

— Насколько я понимаю, речь идет о поставках МАЗом автотехники в Саудовскую Аравию по контрактам 1991-1993 годов, которые мы осуществляли через фирму «Автоэкспорт», созданную при Министерстве внешних экономических связей СССР. Деньги в советских рублях за эти поставки МАЗу были перечислены, поэтому никакой задолженности перед МАЗом по нашей бухгалтерии нет и не было. Но далее произошло банкротство банка BGGI, и в нем зависли деньги бывшего Советского Союза, в частности, фирмы «Автоэкспорт». В 1994-1996 годах (я точно не помню, в каком году именно) был образован ликвидационный комитет банка, который и должен был выплатить часть долгов кредиторам. Узнав об этом, МАЗ решил претендовать на долг СССР и обратился за помощью в швейцарскую адвокатскую компанию. Швейцарцы, как я помню, отказали нам, так как завод не мог представить доказательства, что имеется задолженность по этим контрактам. Однако МАЗу удалось заключить договор с «Автоэкспортом» о возврате части этих денег по мере поступления их в «Автоэкспорт» от ликвидационного комитета. Договоры эти на МАЗе есть. Первый платеж в размере 750 тысяч долларов поступил еще при мне. Потом, несмотря на все наши неоднократные письма и требования, дело не продвигалось. Уже после эмиграции в Польшу я узнал, что «Автоэкспорт» предъявил факсовую копию некоего письма, в котором я якобы просил переводить деньги на счета некой фирмы в Англии. Этот факс по моей просьбе мне переслали. В письме написано: «Сообщаю координаты фирм и банковские реквизиты». Все. Теперь в «Автоэкспорте» утверждают, что я якобы звонил по телефону и попросил, чтобы на этот счет перевели деньги. Вы представляете себе ситуацию, чтобы 350 тысяч долларов могли переводиться на какой-то счет по телефонному звонку? Я ответственно заявляю, что никакого такого письма никогда не подписывал, и этот факс — фальшивка. Кстати, гендиректор МАЗа Гуринович с этой историей разбирался и пришел к такому же выводу. А деньги эти на завод уже поступили. Таким образом, здесь тоже нет никакого преступления.

— Вы часто ссылаетесь на Валентина Гуриновича. А нам рассказали, что в деле, дескать, имеются его показания, будто вы признавались в передаче представителю «Автоэкспорта» чистых бланков, заверенных вашей подписью. Такое может быть?

— Да, я высылал как-то чистые бланки (по-моему, два или три) для того, чтобы они могли оформить заявку на поставку машин по линии ООН. Так они мне пояснили: мол, надо срочно оформить заявку на тендер. Поскольку это был наш агент, который всем этим занимался, мы и выслали эти пустые бланки. Они были пронумерованы, зарегистрированы и предназначались только для того, чтобы представить их на тендерную комиссию.

— Александр Иванович, вас характеризуют как профессионала экстра-класса. Не кажется ли вам, что такая характеристика не соответствует столь беспечному поведению?

— Поймите, я на заводе не являлся распорядителем кредитов. По моей подписи ни один доллар, ни один рубль не мог двинуться ни в одну, ни в другую сторону. Я не имел права подписывать контракты, на мою подпись не ставилась печать. Поэтому бланк с моей подписью просто невозможно было использовать ни для каких денежных перечислений. В любом случае должны были быть две подписи — руководителя и главного бухгалтера. И на них — печать. Я никогда не высылал бланки с печатями.

— Вам предлагали встретиться на территории Польши с представителями наших правоохранительных органов?

— Если у КГБ имеются ко мне какие-то вопросы, то это должно делаться законным путем. Есть международный договор между Польшей и Беларусью о взаимной правовой помощи, на основании которого это можно сделать. И КГБ, и прокуратура это прекрасно знают. И нечего ставить меня в дурацкое положение и предлагать какие-то полулегальные встречи, что, между прочим, является нарушением польских законов. И на это я не могу пойти. Существует легальный путь, и если есть вопросы, они должны пользоваться только им. Это первое.

Второе. Для КГБ я однозначно виновен, и им никаких моих объяснений не надо. Если КГБ интересовали какие-то вопросы, почему они не задали их, когда был суд? Времени ведь было достаточно. О наличии у меня счетов они знали еще в августе 2000 года. У них было четыре месяца, чтобы получить ответы на любые вопросы. Но вместо этого они решили меня вначале посадить, а уже потом искать доказательства моей виновности. Это понадобилось для политических целей, для организации так называемой большой зачистки в среде руководителей промышленных предприятий.

— Имеются ли у вас Польше «высокие» покровители? О них, в частности, говорят некоторые ваши прежние коллеги, которые встречались с вами уже на территории Польши.

— У меня вообще сложилось впечатление, что все обвинения КГБ основаны на рассказах товарища Тутубалина. Чем им так понравился Тутубалин?! Яковлев-то наверняка не устраивал КГБ по тем причинам, что отказывался с ними сотрудничать и никогда не сдавал людей, с которыми работал.

Что касается существа вопроса, то отвечу так. Да, у меня есть друзья и в Польше, и в Беларуси. В Польше это простые люди, которые сочувствуют мне, моей семье, а также всей ситуации, которая сложилась в нашей стране. А вот мои «высокопоставленные покровители» в Беларуси об...сь со страха и прикладывают максимум усилий, чтобы от меня откреститься.

Измышления о моих высоких покровителях в Польше — это пример пещерной психологии. Самым главным моим покровителем является независимый польский суд. И дело мое рассматривал не какой-то чиновник, а польский суд, на который ни правительство, ни президент не могут оказать давления. Здесь реально работает принцип разделения властей, и каждая ветвь власти действует в своем правовом поле. Здесь президент не командует правительством, не снимает с работы министров и директоров предприятий, не проводит производственных и селекторных совещаний, по его команде нельзя посадить человека в тюрьму. Здесь реально существует то, что могла иметь Беларусь, и чего она не будет иметь, пока в стране правит диктатура.

— Правда ли, что, уже находясь в Польше, вы пытались лоббировать интересы польских производителей в ущерб нашим?

— Я же говорю вам: все обвинения строятся на рассказах Тутубалина. Речь в моем разговоре с ним шла о поставке шин, колес с дисками размером 385/65 Р-22,5 на дисках 11.75-22,5. Шины с диском такой модели не производились ни в Беларуси, ни в России. МАЗ их всегда закупал у чехов (фирма «Бару»), венгров (фирма «Мотодор») и немцев (фирма «Континенталь») по 250 штук в месяц. Зная это, в марте 2001 года я предложил поставку колес именно этой модели по цене на 10 процентов ниже той, по которой МАЗ уже имел контракты и покупал. Скажите, что здесь плохого и кому это было невыгодно? Какому производителю ущерб? «Белшина» данную модель не производит. Да, в Бобруйске пытались наладить производство этих шин. Были даже постановления Минпрома, которые обязывали «Белшину» организовать производство. Но она не смогла это сделать. Хотя, возможно, сейчас там уже и налажен их выпуск — я просто не знаю.

— Сотрудники КГБ в качестве характеристики вашей личности рассказали нам, что вы в 1994 году купили какую-то квартиру, о которой не знала даже ваша жена. Эту площадь вы якобы использовали в качестве своеобразного притона, и там при обыске изъяли около десятка видеокассет с порнофильмами...

— Что, купить квартиру это тоже преступление? Кстати, у меня были данные, что КГБ собирается сфабриковать против меня нечто подобное и сделать такую же кассету, как в России. А квартира действительно была. Я купил ее для сына. Он уже взрослый и в любой момент жениться. С расчетом на эту перспективу я ее и приобрел.

— В вашем деле фигурируют эпизоды с продажей машин по заниженной цене. В частности, официальное следствие считает, что в 1994-1995 годах 30 автомашин, проданных трестом «Балавтомазремстроймонтаж», были реализованы по цене, заниженной почти наполовину?

— В это время на заводе существовали две-три цены на автомобили. Одна цена была денежная, другая — бартерная, по третьей автомобили поставлялись по энерго- и газозачетам. Связано это было с общим состоянием белорусско-российской экономики, нехваткой денежной массы. Да, был указ президента по борьбе с бартером, были строгие указания министерства на этот счет, однако само же государство вводило и проводило всякого рода зачеты. Начиная с 1994 года с трестом при МАЗе, в котором я работал, рассчитывались в основном не деньгами, а машинами. В 1995 году денег вообще не было ни копейки. Причем рассчитывались машинами по бартерным ценам, а они всегда были значительно выше денежных. А чтобы выдать людям зарплату и заплатить налоги государству, тресту нужны были реальные деньги. Естественно, приходилось продавать машины. И не по бартерным, а денежным ценам. Ведь по бартерным их никто не покупал — по этим ценам мы могли только поменять машины на арматуру, цемент или что-то другое. Но мое «алиби» даже не в этом. В тресте существовало правило, согласно которому один человек не мог принимать никаких решений — все решения принимались советом трудового коллектива. И чтобы продать машину, мы проводили такие собрания. Мы обращались в министерство, получали письмо, которое разрешало нам

Александр Яковлев

продавать машины по ценам возможной реализации... Кстати, после этого я еще 5-6 лет работал на МАЗе, трест проверяли, никаких нарушений не обнаружили. К тому же за год трест продавал 600-700 машин. Причем в мои функциональные обязанности это не входило. Основной объем продаж приходился на управляющего треста Статкевича, заместителя управляющего Коляду и других. Все эти люди отлично себя чувствуют, а Коляда, кстати, работает в Администрации президента. Так что по этим эпизодам нас всех уже проверили-перепроверили, и было доказано, что закон соблюден. В общем, все это напоминает дело Маркевича, Чигиря, Пупейко, когда на свет вытаскиваются «протухшие яйца» 5-7-летней давности, которые пытаются выдать за преступления. И делается это после того, как человек по каким-то политическим мотивам стал неугоден.

— Но ведь вы не вели активной политической деятельности. Какие политические мотивы существуют в отношении вас?

— Если бы я вел активную политическую деятельность, то уже давно бы оказался в тюрьме. Но я помогал по мере возможности. Я не политический деятель, я — хозяйственник, но чем мог — помогал.

— И все-таки как случилось, что вы, удачливый менеджер, оставили все и в срочном порядке покинули Беларусь?

— Я получил такие сведения, что КГБ хочет меня арестовать на том основании, что якобы у меня есть счета чуть ли не во всех странах мира. Поэтому мне и пришлось срочно уехать из Беларуси. Имея перед собой примеры людей, директоров предприятий (скажем, Феоктистова, Калугина, Леонова), я понимал, что если человек арестован, то уголовное дело против него будет в любом случае. И я считал и сейчас считаю, что у меня просто нет ни единого шанса доказать свою невиновность в Беларуси.

— Но ведь арестовывают и преследуют не всех. Кому мешали лично вы?

— Надо искать, кому мы перешли дорогу. Когда появилась «Белметаллэнерго», нам пришлось разорвать отношения с «Автоэкспортом». «Автоэкспорт» считал, что это моя инициатива, хотя я в той ситуации не мог выбирать. «Автоэкспорт» мог на меня обидеться. С другой стороны, мы перешли дорогу немцам — тому же MAN'у...

— Сейчас будем читать между строк. Вы говорите об иракских контрактах МАЗа. Как получилось, что вы стали работать через «Белметаллэнерго»?

— Когда в Ираке начинали работать Шевцов и «Белметаллэнерго», было разослано письмо-рекомендация за подписью Владимира Заметалина, что все контракты с Ираком необходимо вести только через «Белметаллэнерго». Это было строгое директивное указание, которое пошло руководителям всех государственных предприятий. В принципе я вначале не хотел работать с Шевцовым, потому что у нас первый контракт шел через «Автоэкспорт» — хороший, серьезный контракт, мы успешно работали и получали деньги. Это был контракт на продажу 50 автопоездов-зерновозов по хорошей цене (по-моему, 121 тысяча долларов за автопоезд). Специально на заводе была разработана конструкция машины, мы все согласовали... По Ираку было много предложений, на нас выходили различные компании. А Шевцова мы практически не знали, он «свалился» несколько неожиданно, и мы... В общем, были нормальные сомнения. Шевцов требовал предоставления ему эксклюзивных прав на продажу нашей техники в Ираке, мы не могли на это согласиться, поскольку на тот момент через него не прошел ни один наш контракт. Опасения наши были естественны: можно ведь дать кому-то эксклюзивные права, а потом закрыть для себя рынок, на котором мы, в общем-то, свое место видели. И ничего криминального в этом не было — до нас туда машины продавал MAN и, собственно, мы вырвали эту кость из глотки у немцев, перешибли немецкий контракт с помощью «Автоэкспорта». Тогда у России с Ираком были нормальные отношения. Вы ведь знаете, что все контракты там заключаются с учетом чисто политических мотивов и отдаются тем странам, которые поддерживают Ирак на международной арене. Это и Франция, и Россия, а потом и Беларусь оказалась в их числе... В общем, мы сомневались, стоит ли работать через «Белметаллэнерго», и тогда, надо признать, на нас было оказано давление.

Когда мы попытались как-то сопротивляться такому нажиму, всех руководителей и заместителей руководителей крупных предприятий собрал у себя на совещание Заметалин. Я не присутствовал, поехал мой заместитель. Вернувшись, он сообщил, что все получили, мягко говоря, очень ценные указания... Мол, если кто будет чинить препятствия развитию государственных связей с Ираком — тому не место на этой должности. Так и получилось, что нам пришлось работать с «Белметаллэнерго». Правда, потом мы убедились, что фирма работает на иракском рынке вполне профессионально, вкладывает средства в его освоение (они там и особнячок сняли, и связь наладили, ведь с Ираком телефонной связи нет — только через спутник), держали команду. Параллельно с «Белметаллэнерго» в Ираке действительно работал Ваганов с фирмой «Лада ОМС» — вроде как конкуренты, они работали там через других партнеров.

— Мы сейчас говорим о «белых контрактах» — тех, что дозволены в рамках санкций ООН в отношении Ирака. На ваш взгляд, были ли контракты и сделки, которые выходили за эти рамки?

— А вы свою собственную газету читаете? Вам же МИД дал официальные данные: импорт из Ирака — ноль. На самом деле этого не может быть. Еще в первый приезд белорусской делегации в Ирак, которую возглавлял Заметалин, «Белметаллэнерго» получила свою первую квоту на продажу нефти в рамках ооновской программы. Насколько я помню, квота была на полтора миллиона баррелей, и эта нефть была продана. Тем не менее импорт, по официальным данным, равен нулю. Таким образом, получается, что деньги от продажи нефти в республику не поступили. Почему? Я могу однозначно утверждать лишь то, что нефть была куплена за какие-то деньги и за какие-то деньги была продана, и по этому контракту работала белорусская фирма.

— Существуют ли какие-то догадки на этот счет?

— Контракты и «Инфобанк», и «Белметаллэнерго» оформляют через компанию «Кэпитал энд бизнес менеджмент интернешнл ИСА» (точно не помню, швейцарская или австрийская), счет находится в банке Цюриха. По крайней мере, все контракты на поставку «МАЗов» были заключены от имени этой фирмы. То есть получается, что работает белорусская фирма, но контракты заключаются от имени другой. Естественно, эта фирма получает все льготы, которые распространяются на экспортные контракты — то есть она освобождается от НДС (20 процентов стоимости товара), и, естественно, с вырученной суммы, которая в республику не попадает, налогов она не платит.

— Логично ли будет предположить, что дальше эта сумма направляется в какие-то оффшоры, а значит, в Беларусь никакая сумма не попадает?

— Какая-то сумма попадает, потому что за товар надо платить — за те же трактора, за те же «МАЗы». Но если бы эта фирма была белорусской, то она заплатила бы, к примеру, миллион долларов, а так — 800 тысяч. То есть 200 тысяч — это прибыль компании только за счет использования «особой схемы». Когда наш экспорт достигает 25-30 миллионов, то посчитайте «навар»...

— Давайте поговорим о поставках в Ирак продукции двойного назначения...

— С МАЗом таких поставок не осуществлялось, хотя я знаю, что «Инфобанк» привозил чартерным рейсом в Беларусь военную делегацию во главе с заместителем министра обороны Ирака (по-моему, это было весной 2000 года). Так что переговоры на эту тему, видимо, велись. Кстати, представители военных в Ираке возглавляют все министерства. Что касается конкретных контрактов, то тут сложно что-то говорить однозначно. Так, был подписан контракт (уж не знаю, был ли он осуществлен) на поставку 20 машин колесной формулы 6х4. А вместе с этими машинами должны были поставить передний ведущий мост, что позволяет переоборудовать машины в полноприводные и использовать для перевозки военной техники.

— Это нарушение режима торговли, установленного ООН?

— В принципе, да. Кстати, МАЗ, как и другие предприятия, мог вообще не знать о контрактах двойного назначения. Я думаю, что предприятия вообще могли не ставить в известность, как будет использоваться их продукция. Это можно делать совершенно другим способом: купить технику, а запчасти приобрести через какую-то другую фирму, а потом все собрать в одном месте — здесь или в Ираке. Так что я не уверен, что наши предприятия знали о том, что их техника используется как-то не так.

— Владимир Заметалин действительно имел такое большое влияние, что мог «пробить» фактически эксклюзивного поставщика на иракский рынок? Или Заметалин — подставная фигура?

— Заметалин в то время был четко закреплен за Ираком, хотя по должностным обязанностям должен был заниматься в Беларуси идеологией. Но ему поручили. И никто кроме него в это дело не лез. Насколько я знаю, даже в Министерстве иностранных дел Ираком особо не занимались. Все делегации, которые ездили в Ирак, возглавлял Заметалин, и все делегации, которые приезжали из Ирака, тоже он принимал.

— А почему именно «Белметаллэнерго»?

— Могу только догадываться. Создан банк, создана структура по зарабатыванию денег, а уж куда потом эти деньги перечисляются — другой вопрос.

— Если подытожить, то в целом схема выглядит так: некий эксклюзивный поставщик на иракский рынок получает определенную квоту на нефть. Забирая и продавая эту нефть через западную фирму, он получает деньги не на территории Беларуси. В итоге в графе импорт мы видим ноль.

— Совершенно верно. Но я хочу сказать, что квота дается не просто так, а очень верным друзьям иракского правительства. Квота эта дается по более низкой цене, на мировом рынке нефть реализуется по более высокой цене, так что получается хорошая прибыль. Часть денег, по которой заключен контракт, должна поступить на расчетный счет ООН в банке Нью-Йорка, а прибыль, естественно, остается организации, которой была выделена квота.

— Были ли попытки выйти за рамки программы «Нефть в обмен на продовольствие»? Если да, то насколько они были успешны и как могли осуществляться?

— Насколько я знаю, такие попытки были. Желание иракской стороны иметь деньги, не подконтрольные ООН и не заблокированные нигде, естественно. Отсюда известные схемы с контрабандной нефтью. Наши с ней тоже работали. Как я знаю, два танкера с контрабандной нефтью были заведены в иранские территориальные воды и выведены под видом иранской нефти мимо шестого американского флота. Эта схема, кстати, распространена в Ираке довольно широко.

Кроме того, когда сотрудничество «Белметаллэнерго» с Ираком стало постоянным и долговременным, по моей информации, высокопоставленные чины в Ираке начали предъявлять «Белметаллэнерго» конкретные условия. Предположим, продукция по контракту стоит 10 миллионов долларов. Им говорили так: подписываем контракт на 20 миллионов, но 20 процентов вы перечислите в те банки, которые мы укажем. Эти банки, как я знаю, расположены на территории Иордании и Объединенных Арабских Эмиратов. Это, конечно, выходило за рамки программы, разрешенной ООН.

— Это единичная попытка?

— Вы же понимаете, я не могу все знать. Я знаю то, что знаю. Но получается, что даже через программу ООН деньги уводятся неизвестно для каких целей. А контрабанда — она в любой стране контрабанда.

— Ради любопытства. Цена на автопоезд, когда вы работали через «Автоэкспорт», составляла 125 тысяч долларов. Как она изменилась с приходом на этот рынок «Белметаллэнерго»?

— Она стала почти вполовину меньше — 83 тысячи. Почему я и не хотел с ними сотрудничать. И поначалу они своими непрофессиональными действиями резко сбили цену на нашу автотехнику.

— А предприятия могли возражать? Ведь это, наверное, касалось не только МАЗа. Вы поставили правительство в известность об этой ситуации?

— Мы поставили правительство в известность, мы сообщали в министерство. Когда мы отказывались предоставлять «Белметаллэнерго» эксклюзивные права, мы обосновывали это именно тем, что первые действия на этом рынке были непрофессиональны. Правда, потом, когда цену сбили, они уже работали профессионально и таких ошибок не делали.

— Продолжим «экскурсию» по арабским странам. После снятия санкций с Ливии Беларусь тоже предприняла шаги по освоению этого рынка. Что это были за шаги, во что они вылились?

— Вылилось это в визит правительственной делегации во главе с Уралом Латыповым в Ливию. Переговоры велись по военной тематике, и основу делегации составляли представители фирмы «Белтехэкспорт». В визите участвовал и президент «Инфобанка» Шевцов, который взял на себя коммерческую часть этих переговоров — он хотел получить кредит от Ливии под какой-то проект технического перевооружения каких-то предприятий в Беларуси.

— Размер кредита?

— Во время переговоров Каддафи обещал, что будет выделено 50 миллионов долларов. Единственным промышленным предприятием, которое участвовало в этих переговорах, был МАЗ. Мы участвовали в переговорах о модернизации 300 установок типа «Град» российского производства, предусматривавшей замену базы «Урала» на автомобили «МАЗ». В связи с этим был разработан бизнес-план, который включал в себя техническое перевооружение Минского автозавода взамен на поставку в Ливию техники гражданского и военного назначения. Завод предоставлял основные данные, «Инфобанк» оформлял их в виде бизнес-плана. Чем это закончилось, я не знаю, потому что к тому времени мне уже пришлось покинуть Беларусь.

— Как вам кажется, с чем связана такая зачистка директорского корпуса?

— Я думаю, надо как-то объяснять рабочим, почему за семь лет они не стали жить лучше. Когда были первые президентские выборы в 1994 году, нам говорили: отберем у партии «будынки» ЦК, обкомов, ликвидируем 4-е медуправление, все это отдадим детям — под школы и детсады... И заживем! Ну и где то здание райкома или горкома, в которое наши дети ходят в школу или детский сад? А ведь народ все видит. И когда перед парламентскими выборами нас заставляли ходить в цеха и агитировать (я тогда отказался), рабочие задавали эти вопросы: почему они не могут на свою зарплату купить детям конфеты, одежду и так далее? Вот и нашли простое объяснение для рабочих и колхозников, почему они лучше не живут: директора, дескать, воруют.

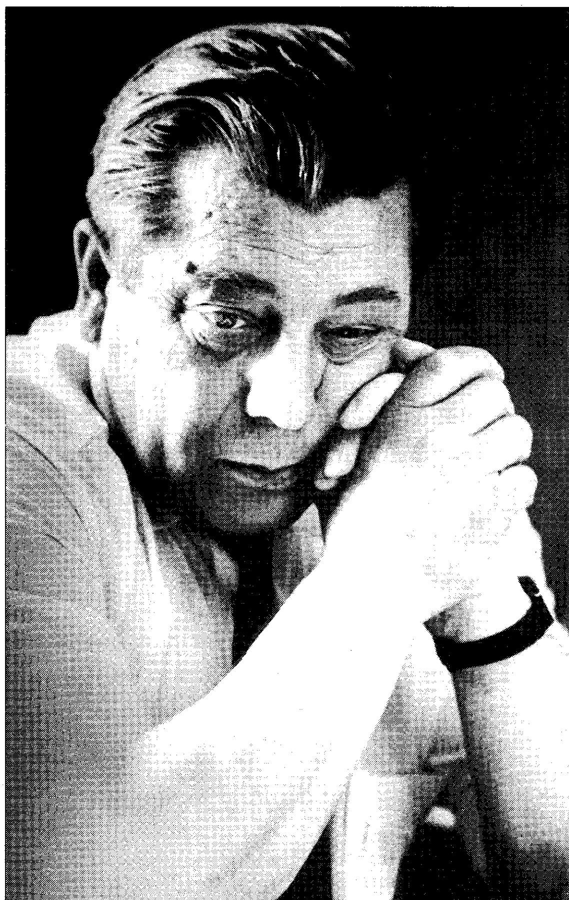
От редакции

Просим рассматривать это интервью как одну из версий. Александр Яковлев в течение нескольких лет курировал внешнеэкономические контракты крупнейшего белорусского предприятия, в том числе и поставки на Ближний Восток. Однако на истину в последней инстанции это интервью не претендует.

Поставить памятник

Его звали

Дмитрий Арцименя и

Дмитрий Арцименя

АЛЕКСАНДР ФЕДУТА

Власти в Гродненской области до последнего времени старались не вспоминать об этом человеке. Лишь на праздновании 200-летия создания Гродненской губернии председатель облисполкома Владимир Савченко, перечисляя своих предшественников, признал: «Расцвет области пришелся на 80-е годы, когда ею руководил Дмитрий Константинович Арцименя». Это было не реабилитацией, но лишь признанием заслуг убитого губернатора.

Начало

Сейчас лишь очень близкие люди помнят, что путь будущего гродненского губернатора вовсе не был усыпан розами. В некрологе сказано: «Родился 28 сентября 1932 года в деревне Стайки Барановичского района в крестьянской семье». Парадокс в том, что вырос Арцименя практически без семьи. Мать умерла во время вторых родов, когда Димке было всего полтора года. Отец очень скоро женился во второй раз, и мачеха, совсем как в сказке, не пожелала растить чужого сына. Полуторагодовалого мальчишку в буквальном смысле слова выставили за дверь. Приняла его к себе в дом бабушка, баба Михалина. Она и подняла на ноги.

Жить было трудно. В неполные 15 лет Дима пошел работать на Барановичский ремонтно-механический завод. Отработал два года, понял, чего стоит кусок хлеба, и пошел учиться. В 1953 году окончил Пинский гидротехникум. Отслужил в армии, приехал работать на Гродненщину. Через два года работы в Зельве в должности старшего раймелиоратора Арцименю избрали вторым, а затем первым секретарем райкома комсомола.

Здесь он встретился со своей будущей женой. Галина после фельдшерско-акушерских курсов приехала работать в Зельвенскую районную поликлинику медсестрой. Пришла становиться на учет в райком, а поскольку комсомольцы в Зельву приезжали на работу не так уж и часто, ее представили второму секретарю райкома. Невысокого роста худой парень по-комсомольски «тыкнул» ей, спросил, не хочет ли она заняться общественной работой. Чужая всем в Зельве, не имеющая возможности часто общаться с оставшейся в Гродно семьей (жили родители бедно), Галя быстро сдружилась с «товарищем секретарем райкома». Выполняла общественные поручения, занималась художественной самодеятельностью. И когда через полгода дружбы Арцименя задал ей вопрос: «Как ты думаешь, а нам теленка хватит?» — не сразу поняла, что речь идет об их свадьбе.

Жили первое время на частной квартире — в комнатке, отгороженной от хозяйской кухни занавеской (в точности как в фильме «Офицеры»). Пришло письмо из Стаек: бабу Михалину начали обижать дети. Старуха, хвори напали, что с нее возьмешь? Дима поехал в Стайки, забрал бабку, привез к себе. Дальше за занавеской жили уже втроем. Здесь родился и первенец, Сергей.

Работал Арцименя много. Люди, знавшие его коротко, говорят, что он был трудоголиком. Вероятно, этим он отличался уже в молодости. В 1960-м его направили в Минскую партийную школу. Вчетвером жили они в арендованной времянке, где капало с потолка и дуло из щелей. Арцименя много читал, был комсоргом курса, а заодно окончил режиссерские курсы при театре им.Янки Купалы. Театр он вообще любил.

В 1964 году закончил партшколу, уехал на четыре года в Свислочь, а оттуда — в Островец. Вероятно, потом понял, что это — единственное место на земле, где он был по-настоящему счастлив.

Островец

Секретарь Гродненского обкома партии Мицкевич, напутствуя председателя Свислочского райисполкома Дмитрия Арцименю перед пленумом, на котором последнего должны были утверждать первым секретарем Островецкого райкома партии, говорил ему: «Мы посылаем вас туда не для того, чтобы исправить положение дел — это, вероятно, уже невозможно, но мы рассчитываем, что вы сумеете восстановить доброе имя руководителя». Арцименя застал в районе дикое пьянство. Пили все представители власти — и партийной, и хозяйственной. Пили в колхозах и совхозах. Район фигурировал в республиканских сводках по падению всех экономических показателей. Личная жизнь нового первого секретаря райкома закончилась. Он приезжал домой лишь для того, чтобы пару часов поспать. Ездил по полям и стройкам, встречался с людьми. Объяснял, уговаривал, ругал. И уже через пять лет в Островце начали проводить республиканскую школу передового опыта. По итогам работы в Островце Арцименю представят к ордену Трудового Красного Знамени (наградят уже тогда, когда он переедет на работу в Гродно).

Вывести район на первые места по основным экономическим показателям было трудно. Вероятно, именно в Островце Арцименя впервые начал понимать, что такое пресловутый «человеческий фактор». Дни приема по личным вопросам превратились для первого секретаря в своеобразный термометр, позволяющий определить, чем именно живет район. Заниматься приходилось самыми разными проблемами. Умер ксёндз, и делегация старух пришла к хозяину района с просьбой найти нового. Арцименя, которого бабка воспитывала как православного, а затем партия — как атеиста, сначала был шокирован. Но принялся искать нового ксендза. И нашел.

С представителями различных религий у него вообще складывались хорошие отношения. В старом костеле вначале был склад, позже — Дом культуры. Арцименя приказал вывезти имущество Дома культуры в другое здание, а костел отдал верующим. Когда в обкоме начали ворчать по этому поводу, Арцименя сострил: «Ничего, зато верующие там проводят субботники — реставрируют памятник архитектуры в нерабочее время». От него отвязались, тем более что все хорошо понимали: Гродненщина — регион сложный, здесь без учета местных традиций не обойтись. Зато когда Арцименю застрелят, в Островце пройдут заупокойные молитвы. Священники сами, по собственной инициативе, будут отпевать его, надеясь, что Бог зачтет рабу Дмитрию сделанное им на земле добро и закроет глаза на то зло, которое каждый человек, иной раз не думая, совершает в своей жизни.

При Клецкове

В июле 1977 года Арцименю переводят в Гродно на должность заместителя председателя облисполкома. Четыре года он проработает зампредом, еще три — секретарем обкома партии, курирующим сельское хозяйство. С октября 1983 года, после отъезда Сергея Терентьевича Кабяка на работу в Витебск, он — председатель облисполкома. По тогдашней табели о рангах — второе лицо в области.

Первым лицом был Леонид Клецков. Леонид Герасимович прошел большую жизненную школу. В Гродненскую область он приехал с должности заведующего организационным отделом ЦК КПБ, расставлял кадры по всей республике, знал каждого, вплоть до зампреда райисполкома. От заворга ЦК требовались жесткость и одновременно умение быть дипломатом. На Гродненщине Клецков эти свои качества проявил в полной мере.

Арцименя его устраивал именно как крепкий хозяйственник: на него можно было опереться, переложив в нужный момент и часть ответственности. Отношения с Клецковым строились ровно, без эмоциональных всплесков. «Дед», как называли Клецкова в области, вообще не любил излишней эмоциональности, даже гордился тем, что его мать была эстонкой: это позволяло объяснять, почему он старается скрывать свои чувства, наследственностью.

Арцименя был честолюбив. Смешно было бы утверждать, что мальчишка, выросший сиротой при живом отце и всего в жизни добившийся сам, не стремился доказать свою силу. Клецков это чувствовал, и ровные товарищеские отношения с Арцименей у него никогда не переходили в дружеские. Вообще, трудно дружить, если ты чувствуешь, как друг дышит тебе в затылок. Область строилась, развивалась. Вместе ездили они на объекты, вместе проводили совещания. Иногда Клецков звонил домой Арцимене: «Поехали в Вертелишки! Саша в баню приглашает!» (Саша — для Клецкова, для остальных — Александр Иосифович Дубко, председатель колхоза «Прогресс», Герой Соцтруда.) «Так не меня же приглашает», — отговаривается, бывало, Арцименя. «Меня приглашает, а кого я привезу, того и он примет!» — отвечал Клецков, и они ехали. В бане Дубко уговаривал размякшего от пара первого секретаря обкома: «Леонид Герасимович, вам все равно скоро уходить на пенсию, порекомендуйте Дмитрия Константиновича на свое место, а я — в председатели облисполкома…» «Саша, областью руководить — не колхозом, здесь мозги нужны…», — вяло отвечал Клецков. На том и заканчивалось…

У Арцимени не было своей команды. Она досталась ему от Кабяка. Всех заместителей председателя (как бы сейчас сказали, вице-губернаторов) он оставил на месте, наверное, потому, что и сам считал себя им обязанным: вместе работали достаточно долго. И ценил он не столько нравственные или политические (абстрактные, как он, вероятно, считал), сколько деловые качества. Когда значительно позже его первого заместителя Мечислава Гирутя депутаты на сессии областного совета будут обвинять в коррупции и требовать отставки, Арцименя поначалу промолчит. Затем, когда кто-то из депутатов бросит ему: «Дмитрий Константинович, неужели вы хотите с ним работать», — ответит коротко и спокойно: «Оставите — будем работать».

Он любил хорошие дороги. При нем строительство дорог в области получило такой размах, какого, вероятно, никогда уже больше не будет. Арцименя много ездил по области, часто бывал в колхозах. И вообще любил село больше, чем город. Город отвечал ему искренней нелюбовью: из города расползались о нем глухие слухи, то затухая, то снова вспыхивая. В селе ему было проще. Сельские райкомы поддерживали его, видели в нем своего. И когда стало понятно, что Клецков все-таки уходит, именно в сельских райкомах начало создаваться лобби с целью избрания первым лицом области Дмитрия Арцимени.

Клецков был не прост. Он знал вкус интриги. Каждый из претендентов был уверен, что «Дед» поддержит именно его. Владимир Семенов — потому что он был единственным, кроме Клецкова, обладателем мандата народного депутата СССР. Иван Мошко, второй секретарь обкома, — потому что долго работали вместе. Арцименя — ну это понятно, по должности. Надеялся на что-то и Александр Дубко. И когда дверь в зал пленумов открылась и вошел Клецков в сопровождении Федора Сенько — выходца с Гродненщины, ответственного сотрудника ЦК КПСС, — стало понятно, что «Дед» ухитрился-таки сплести очередную интригу. И пока возмущенный зал бурлил (говорят, Дубко даже крикнул: «Это подло!»), Клецков молча сидел в президиуме и наслаждался произведенным эффектом…

Против Семенова

Выбрали Владимира Семенова. Арцименя уже чувствовал, что статус первого секретаря обкома партии вовсе не приближает, а отдаляет от власти. Он самоустранился от борьбы. Тем более что хватало работы.

Но здесь началась новая борьба — за пост председателя областного Совета депутатов. Арцименя с Семеновым искренне не любили друг друга. Семенов считал Арцименю консерватором. Арцименя считал Семенова болтуном. В общем, было понятно, что если Семенов возглавит областной Совет, председателя облисполкома ждут нелегкие времена. И аграрное лобби, поддерживавшее Арцименю, выдвинуло своим кандидатом на пост председателя облсовета Ивана Мошко — второго секретаря обкома КПСС и депутата Верховного Совета БССР 12-го созыва. Арцименя формально остался над схваткой, но было понятно, как пристально он следит за ее развитием.

Не прошли ни Мошко, ни Семенов. И на пост председателя облсовета был избран Александр Дубко, баня в колхозе которого, вероятно, не успела еще остыть после того, как в ней парились Клецков с Арцименей. Арцименя предложил ему: «Александр Иосифович, выбирай любой кабинет в облисполкоме, пусть даже мой. Секретарь, водитель будут. Но колхоз оставь». Дубко колхоз так и не оставил…

Именно в этот период по Гродно особенно усиленно начали ходить слухи, призванные скомпрометировать председателя облисполкома. Говорили о том, что он якобы уже начал скупать недвижимость за пределами области. Что якобы его поймали на взятках, но он откупился. Говорили много. В таких случаях, как правило, ищут тех, кому подобные слухи выгодны. Арцименя был уверен, что их источник — в обкоме партии. И нанес встречный удар.

Гродненская интеллигенция начала бить тревогу по поводу плачевного состояния здания областной библиотеки имени Карского. В облисполком пошли петиции. И на волне уже нарастающих антикоммунистических настроений Арцименя подсказал: да вот же, здание обкома партии — исторический Новый Замок, под шпилем которого проходил последний сейм Речи Посполитой. Началась новая пропагандистская кампания, а там и путч подоспел.

Мандат народного депутата СССР, которым обладал Семенов, уже мало что стоил. Началась и кампания по совмещению постов председателей областных советов и исполкомов. Арцименя победил.

«Батька»

его наследство

Александр Дубко, стиснув зубы, сдал свой мандат и вернулся в колхоз. У области появился фактически единоличный хозяин.

Пан воевода и его семья

«Паном воеводой» называли Арцименю поляки, по аналогии: у нас — область, у них — воеводство. Он и чувствовал себя воеводой, хозяином. Именно Арцименя задумал реализовать на Гродненщине проект по созданию еврорегиона «Неман» — до тех пор в Беларуси не было чего-то подобного. Ему все время не давала покоя мысль: почему гродненцы живут хуже тех же поляков? Неужели нельзя использовать и географическое положение на стыке трех государств, и инфраструктуру и превратить область в то, что сейчас называется свободной экономической зоной? Арцименя готовился к этому, пытался лоббировать соответствующую законодательную базу (благо, депутатом Верховного Совета БССР 12-го созыва его без проблем избрали по любимому им Островцу).

Советского Союза уже не было, а в Минске с Арцименей считались. Он был негласным лидером группы председателей облсоветов. В Верховном Совете его звали «Батькой», подчеркивая и его возраст, и уважение к нему. Когда он выходил к микрофону, и его резковатый, слегка скрипучий голос раздавался под сводами Овального зала, стихал шум: говорил хозяин Гродненщины.

Арцименя по-прежнему проводил приемы по личным вопросам. Помнил, как тот или иной проситель записывался к нему на прием лет шесть назад, и вот теперь пришел опять по тому же вопросу. Чаще всего — жилищному. Арцименя наводил справки: да, жилье положено, проситель — фронтовик, но шесть лет назад он уже улучшил свои условия проживания, а теперь, вероятно, семья расширилась за счет внуков. Арцименя молча поскрипывал зубами: всем жилье не обеспечишь. И потом, внуки-то не воевали... Но и пятидесятого просителя за день он принимал и выслушивал так же спокойно, как и первого, и пятого.

Своей семьей Арцименя почти не занимался: не было времени, да и необходимости — забота о ней лежала на плечах Галины Афанасьевны. Старший сын, Сергей, окончил Минский политехнический институт, женился, 6 лет отработал в Минске в КБ автозавода, на автобазе, потом вернулся в Гродно. Устроился на овощную фабрику инженером. Скоро «дорос» до заместителя директора. Отработал на фабрике четыре года. Потом райисполком отрекомендовал его в председатели колхоза. Отец, когда узнал об этом, рассердился. Позвал к себе: «Ты что, мальчишка, думаешь, я за тебя колхозом управлять буду? Не думай. И на помощь мою не рассчитывай!» Но Сергей ушел в колхоз, потому что отец задолго до этого сказал ему: «Квартиру в Гродно ты не получишь. Не надейся!» А председателю колхоза жилье в деревне выделили.

По Гродно по-прежнему ходили слухи о якобы несметных богатствах семьи председателя облисполкома. Повод для слухов, собственно говоря, был один: Галина Арцименя, выросшая, как и муж, в бедности, любила хорошо одеться и покрасоваться в дорогих украшениях. Да и стол, когда приходили гости, накрывался, как и положено, богатый. А вот недвижимости не было. Арцимене придется это доказывать через суд, защищая честь и достоинство. В суде выяснилось, что роскошный недостроенный коттедж, фотографии которого публиковались в газетах, ни самому Дмитрию Константиновичу, ни кому-либо из его близких никогда не принадлежал. А пресловутая дача «пана воеводы» — до сих пор не доведенный до ума деревянный сруб, в «борьбе» с которым Арцименя проводил в последние годы жизни весь свой отдых.

Появился и второй повод для сплетен. Галина Афанасьевна, устав от работы в областном Красном Кресте, ушла директорствовать в открывшийся в Гродно первый частный ювелирный магазин «Святой Георгий». Ушла не собственником, а наемным работником. С политической точки зрения шаг этот, конечно, был ошибкой: золото в людской молве считалось криминалом. Слухи, вероятно, распускались целенаправленно — не могли укусить самого губернатора, так кусали семью. Позже, после гибели Дмитрия Константиновича, одна из газет напишет, что якобы незадолго до этого Арцимени развелись. Эта публикация ударит по семье так же сильно, как пуля. Галина Арцименя мужа боготворила, пройдя вместе с ним путь от клетушки за занавеской до губернаторских апартаментов, и о разводе с ним — по любой причине — никогда не помышляла.

Конец

Время летело быстро. Наступил 1993 год. Арцимене был без малого 61 год. Жена уговаривала его уйти на пенсию, но деятельной натуре «пана воеводы» отдых был противопоказан. На какой-то момент он начал колебаться. Потом вернулся из Минска накануне отпуска, сказал непонятное: «Мать, готовься, может, еще в Минске поживем!» Галина Афанасьевна удивилась: «Какой Минск?»

А все было просто. В Заславле, в правительственной резиденции, собирались руководители белорусских областей. Их уже не устраивал Шушкевич в роли спикера парламента, и на этом месте им был нужен другой человек — свой. «Батька» Арцименя с его авторитетом среди партийно-хозяйственной элиты подходил для этого как никто другой...

Впрочем, тогда и на Гродненщине хватало текущих хозяйственных дел. Тормознули на границе эшелон с цветным металлом. Шел он из Петербурга, документы были оформлены ненадлежащим образом. Из Питера позвонил Собчак, долго отчитывал гродненского «коллегу». Арцименя выслушал, ответил что-то резкое, положил трубку. Потом написал письмо зампреду белорусского Совмина Станиславу Брилю с просьбой часть средств от данного конфиската передать для реконструкции «Азота»...

Много времени занимала дача. Он спешил, словно чувствовал, что времени осталось мало. Воскресенья проводил там. В отпуске разрывался между дачей и работой. Туда, на дачу, приехал к нему за несколько дней до рокового 20 сентября начальник УКГБ по Гродненской области Леонид Степаненко. Вернулись в Гродно вместе. Арцименя был чем-то буквально взбешен, долго ходил по своей комнате, ворчал. Младший сын, тоже Дмитрий, семья которого жила в одном доме с родителями, услышал что-то вроде: «Ну, это у них не получится!»

С колхозницами в поле

В воскресенье вечером, 20 сентября, Арцименя снова собрался на дачу: «Мать, давай рассаду отвезу!» Взял ящик с рассадой, вышел во двор. Долго возился. Жена, которая обычно провожала его до калитки, в этот раз из дома не вышла: невестка ждала ребенка, и вся женская работа по дому легла на плечи Галины Афанасьевны. И вдруг услышали стук в дверь и страшный тяжелый стон за ней. Открыли дверь. Захлебывающийся собственной кровью гродненский губернатор рухнул в дом...

Скорая приехала не сразу. Представители следствия, снимая на пленку место происшествия, старались, как вспоминает семья, снимать не столько двор, где все произошло, сколько шкафы и серванты в жилых комнатах. Ящичек с рассадой, который Дмитрий Константинович поставил рядом с калиткой (не для того ли, чтобы поздороваться с кем-то и поговорить?), в суматохе сдвинули с места...

Новым председателем облсовета избрали Семена Домаша. Те же злые языки, распускавшие сплетни об Арцимене, утверждали, что Домаш — его родственник (хотя родственных связей между ними не было).

Пошла новая волна слухов. Говорили о том, что убили Арцименю за какой-то «желтый фосфор», что якобы убийц нанял чуть ли не любовник жены. Один из чинов МВД наехал на приятелей младшего сына: за что, мол, Дмитрий Дмитриевич решил отца с дороги убрать? Семью, убитую горем, добивали комьями грязи.

Спустя несколько месяцев в антикоррупционном докладе Александр Лукашенко начал разоблачать «клан Арцимени». Понятно, покойник не мог за себя ответить. Лукашенко договорился до того, что обвинил и жену, и сына в том, что в момент гибели Дмитрия Константиновича они якобы находились в Польше и занимались бизнесом. Те написали в парламент; письмо огласил председатель Верховного Совета Мечислав Гриб. Лукашенко, на лице которого остановилась в этот момент телекамера, сидел мрачный и сосредоточенный. Когда он позже приедет в Гродно с агитационной поездкой, выступая во Дворце культуры текстильщиков, он спросит, есть ли в зале Галина Арцименя, и извинится. Никого из родственников в зале не было. По-моему, это единственный раз, когда будущий президент по доброй воле извинится перед оскорбленными им людьми...

Затем пройдут выборы президента, уйдет с поста Семен Домаш, и власть получит в свои руки Александр Дубко. Вероятно, он так и не смог простить Арцимене тех самых банных «моментов истины». Сергея Арцименю заставят уйти из колхоза, его преемником станет Дубко-младший. Галину Арцименю предупредят доброжелатели из облисполкома: смотри, новый губернатор глаз положил на твой дом! Обветшавшее деревянное строение, на пороге которого погиб его хозяин, Галина Афанасьевна обменяет на 4-комнатную квартиру «нового беларуса». В этой квартире живет сегодня семья того, кого считали самым крупным владельцем недвижимости в Беларуси.

Начальник УКГБ по Гродненской области Леонид Степаненко уедет в Россию, где очень скоро возглавит аналогичную структуру в Ульяновской области. Начальник областного УВД Федор Гудей займет пост председателя Гродненского городского Совета. Убийц Арцимени ни они, ни их преемники найти не смогли. Или не захотели.

Умер в Минске Леонид Клецков. В Гродно в честь него назвали улицу.

Умер Александр Дубко. Он успел похоронить и идею еврорегиона, и многое другое, связанное с именем Арцимени. После Дубко в Гродно остались два прекрасных особняка, в одном из которых жил он сам, в другом живет его младший сын, директор ликеро-водочного завода, по имени которого этот особнячок начали называть «Вовкин дом». Эти участки города относительно благоустроены. Даже старую башню красили не со стороны города, откуда ее видели люди, а с той стороны, где жил Дубко.

На могиле Дмитрия Арцимени стоит небольшой памятник из серого гранита с бронзовым барельефом. На гродненском городском кладбище есть памятники куда круче, но этот сегодня — единственная овеществленная память о человеке, который сорок лет отдал Гродненщине и действительно много для нее сделал. А в деревне Стайки Барановичского района, на его родине, есть улица Арцимени — хотя какие улицы в наших деревнях?..

На сессии ВС 12-го созыва — Роман Внучко, Дмитрий Арцименя, Анатолий Лебедько (слева направо)

На контроль

Приговоренные

сотни «политических больных» могут

Юрий РАБЧУК

«Ходил по столовым города, где объяснял рабочим их права, высказывал нелепые бредовые идеи реформаторского характера...» «При осмотре многословен, высказывает бредовые идеи величия, считает, что может выступать с критическими замечаниями против КПСС и т.д.» «Ходил с жалобами в райком партии и ЦК, в больницу доставлен сотрудниками милиции...» Все это — выписки из историй болезни. Лечащие врачи — психиатры. Диагноз, который они ставили таким больным, — шизофрения.

Человеку с таким диагнозом доказать, что он нормален, адекватен, вменяем, чрезвычайно сложно. Хотя ни для кого, конечно, уже не секрет, что за критику существовавшего режима можно было запросто оказаться в «Новинках» или на спецучете в психоневрологическом диспансере. Но кто сейчас будет разбираться, где настоящий больной, а где — «политический»? Депутаты Верховного Совета 12-го созыва в свое время попытались это сделать, чтобы реабилитировать жертв репрессивной психиатрии, но все 150 подготовленных к рассмотрению дел таинственным образом исчезли. Все, что осталось от работы той комиссии — копии отдельных документов, которые по счастливой случайности и вопреки правилам делопроизводства сотрудники комиссии хранили дома.

Права человека в переводе на русский

Казалось, судьба благоволила к Тамаре Ивановне Покатаевой: 7 ноября 1961 года ее семья из Орши переехала в Минск — мужа перевели в Минское отделение железной дороги. Поначалу все складывалось удачно и с жильем, и с работой. Муж пошел на повышение, да и Тамара Ивановна, услышав по радио объявление, что аэропорту требуется переводчик с английского языка, сумела получить эту престижную должность. Однако в 1970 году у Покатаевой возник конфликт с непосредственным начальником — старшим диспетчером аэропорта. Столкнувшись с непорядочностью — вымогательством денег и шантажом, женщина по наивности обратилась в партком аэропорта. На жалобу отреагировали однозначно: единицу переводчика просто сократили. Пришлось Покатаевой вернуться в школу, где всегда были вакансии для учителей иностранного языка. Но она все-таки настойчиво ждала ответа из парткома аэропорта, который должен был отреагировать на «сигнал». Не дождавшись реакции малых партийных боссов, женщина написала жалобу в Минский горком партии. В ответ партийные чиновники уведомили психиатров о женщине, лишившейся рассудка: пишет, дескать, а ведь нормальный человек в партийные органы жаловаться не будет...

Нам неизвестно, как родилась анонимная справка без подписи и даты, адресованная первому секретарю Октябрьского райкома партии города Минска Л.Вержбицкому, в которой неизвестный автор требовал направить Покатаеву Т.И. в Республиканский психдиспансер для обследования и при необходимости изолировать от общества. Вержбицкий, в свою очередь, обогащает дело по-партийному краткой резолюцией: «Тов. Хоменко! Примите меры по закону!» (Хоменко на тот момент возглавлял районный РОВД.) Заведующий общим отделом Октябрьского РК КПБ некий Галькевич в этот же день отправляет все тому же Хоменко сопроводительную записку, где напоминает о резолюции первого секретаря. И вполне естественно, что майор милиции Хоменко тут же взял под козырек и исполнил приказ партии в срок и «по закону». В квартире Покатаевых раздался телефонный звонок, и Тамару Ивановну после работы попросили зайти в РОВД. Домой женщина в тот день не вернулась. В отделении милиции по просьбе начальника РОВД Покатаева написала объяснительную по поводу произошедшего в аэропорту, в которой вновь потребовала расследования. Не успела поставить подпись, как открылась входная дверь, и в кабинет вошли несколько здоровенных молодцов в белых халатах. Они и доставили Тамару Ивановну в приемный покой РКПБ «Новинки».

В сопроводительном листе запись: «Высказывала бредовые идеи отношения. Строгий надзор!»

Обеспокоенному мужу, который бросился искать жену, в РОВД равнодушно ответили, что ее отвезли в «Новинки».

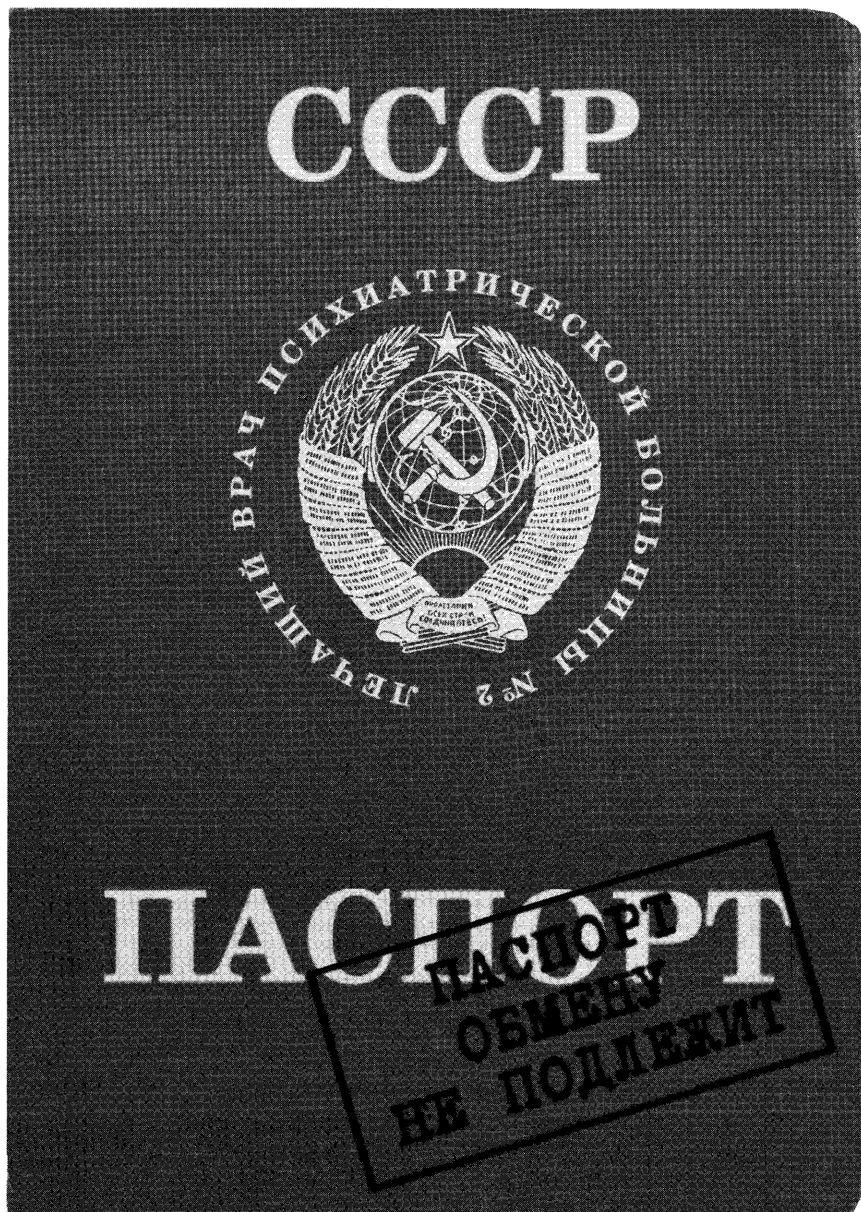
А «бредовые идеи» Тамары Покатаевой сразу же начали «лечить» психотропными препаратами. Через три дня женщину доставили на заседание ВКК, где был поставлен диагноз: шизофрения параноидной формы. Диагноз своей подписью утвердил заместитель главного врача А.Ф. Скугаревский. В результате, пробыв три с лишним месяца в «больнично-тюремном» заточении, Покатаева на долгие годы стала пациентом Минского городского психоневрологического диспансера — таков порядок.

Вторая госпитализация этой женщины в «Новинки» была такой же. 5 октября 1973 года Тамару Ивановну вызывает в МГПНД врач-психиатр Н. Жданович и задает вопрос: «Как вы относитесь в настоящее время к происшедшему ранее?» Покатаева повторила все, что утверждала до госпиталя и позже. «Рецидив!» И санитары вновь увезли ее в «Новинки».

Кстати, семья, родственники, педколлектив школы, где работала Тамара Ивановна, друзья, с которыми она постоянно общалась, видели в ней вполне нормального человека. Но партийные чиновники, милиция, а вслед за ними и врачи узрели отклонения в психике женщины, установив «диагноз» ненормальности.

Профессор-шизофреник

Судьба профессора Ивана Николаевича Мирончика похожа на судьбы тысяч наших сограждан, «ненормальность» которых заключалась лишь в нежелании мириться с тем, как методично и целенаправленно вырубаются наши национальные корни. Мирончику, уроженцу Шарковщины, было больно смотреть, как то польское руководство в Западной Белоруссии, то советское — в БССР планомерно уничтожали язык коренной нации. В 1979-1982 годах в своих письмах в ЦК КПСС, ЦК КПБ, газету «Правда» Иван Мирончик критиковал положение в Беларуси с родным языком, «развитой социализм», афганскую авантюру. Он уже в то время понял, что политика КПСС ведет в никуда, но все предложения Мирончика оказались в Минском областном КГБ, куда вскоре забрали и его самого. «Нет — закрытию в Беларуси белорусских школ», «В БССР государственным языком должен быть белорусский язык», «В специальных учебных заведениях обучение должно вестись на родном языке» — опираясь на эти цитаты из писем, статей, выступлений Мирончика, его обвинили в поклепе на Советский Союз. Концлагерь для диссидентов — минимум, что ему светило. И тогда Мирончик дрогнул, написал покаяние. Но этим дело не закончилось, вероятно, по «правильной логике» за белорусское мог ратовать только придурок. И для исследования психического заболевания Мирончика была создана комиссия из квалифицированных психиатров. Правда, на заседание пришли не все — только профессор П.П. Волков, профессор Т.Т. Сорокина, доцент Ф.М. Гайдук и уже известный нам доцент А.Ф. Скугоревский. Констатировав, что «Мирончик, будучи профессором, не читал Маркса, утверждал, что, как и вечный двигатель, невозможно построить коммунизм, что социализм в стране недейственный, что тяжело живется женщинам, что советская интеллигенция бедная» и т.д., высокая комиссия пришла к выводу, что пациент страдает вялотекущей шизофренией. Ивану Николаевичу пожизненно дали III группу инвалидности, без его согласия поставили на учет в МГПНД, сняли с должности, исключили из партии за «клевету на Советский Союз», сообщили начальству сына, который был вынужден уйти из рядов Советской Армии, просигнализировали по месту работы жены, из-за чего она за три года до выхода на пенсию была вынуждена уволиться с работы в школе...

Нормальные в ЦК не ходят

Ничто не предвещало беду Тамаре Станиславовне Криштафович (Миллер). С октября 1971 года она работала мастером участка связи на Минском приборостроительном заводе им.Ленина, была членом профкома, в коллективе пользовалась авторитетом, являлась автором многочисленных рационализаторских предложений. В 1981 году Тамаре Станиславовне предложили вступить в КПСС — по тем временам любая руководящая должность требовала партийности. Вот здесь ее, что называется, бес и попутал: будучи кандидатом в члены партии, она выступила на собрании

К шизофрении

так и не дождаться реабилитации

с критикой в адрес должностных лиц и предложениями по устранению некоторых недостатков. После собрания Тамару Станиславовну вызвали в партком завода, где секретарь лично поблагодарил ее за смелое выступление, а на следующий день ее должность... сократили. Искать правду она отправилась в ЦК КПСС. С этого момента Криштафович становится жертвой системы. Вскоре Тамару Станиславовну вызвали в Минский горком КПБ и сообщили о восстановлении на работе в прежней должности, при этом, правда, предупредив об имеющем на нее «компромате» — письме за 32-мя подписями. И это злополучное письмо стало для женщины роковым: ее шантажировали им, исключили из кандидатов в члены КПСС... Чтобы защитить свои честь и достоинство, Криштафович вновь отправилась в Первопрестольную. Казалось, справедливость восторжествовала: женщине восстановили кандидатский стаж, предложили забыть о таинственном письме и заняться сбором рекомендаций в члены КПСС. Однако позже Тамара Станиславовна поняла, что это была своего рода ловушка: не удалось сломить правдоискательницу одним способом — придумали новый. Не будем называть имена людей, которые дали ей рекомендации в партию (а люди действительно заслуженные, прошедшие войну, имеющие боевые ордена), а позже, увидев «немилость начальства» по отношению к Криштафович, стыдливо отводили глаза в сторону, — как говорится, Бог им судья.

Тамару Станиславовну подавляли гнусными методами: сначала она узнает, что в 1983 году ее заочно поставили на учет в онкодиспансере, потом — о страшных подробностях «заболевания». Стоило женщине проявить малейшую мнительность — и она оказалась бы действительно безнадежно больной. Все это сопровождалось шантажом «32-мя подписями». Кстати, коллеги позже рассказали Криштафович, что их под угрозой увольнения заставляли подписывать это письмо, и обратились с коллективной жалобой к XIX партконференции, в прокуратуру СССР и ЦК КПСС. Успеха, впрочем, это не принесло: жалобщиков просили «поумнеть», а тот, кто не прислушался к «советам», сам становился жертвой, Криштафович стучалась во все двери и за десять лет написала около двухсот жалоб. Результатом было либо увольнение, либо издевательства в виде «проверки паспортного режима», когда в дом периодически вторгались дружинники с милицией, причем подвергали этой процедуре лишь одну квартиру в 100-квартирном жилом доме. Доведенная до отчаяния Криштафович объявляет политическую голодовку, в результате — очередное увольнение. А через полгода узнает, что состоит на учете в горпсихдиспансере. Тут и поняла она, почему от нее отмахивались все инстанции. Чтобы «отмыться», ей пришлось потратить два года на суды, привлекая к ответственности психиатров ГПНД.

Полтергейст в Доме правительства

Приведенные примеры — только капля в море искалеченных людских судеб. Но они ярко иллюстрируют технологию репрессивной системы Коммунистической партии и КГБ. В горбачевские перестроечные годы под большим давлением правозащитников и общественности власти, в том числе и белорусские, вынуждены были частично признать, что все ЭТО действительно имело место, как бы сейчас ни пытались замести следы своих преступных действий люди в белых халатах. В 1990 году при Верховном Совете была создана Временная комиссия по расследованию фактов использования психиатрии в политических и репрессивных целях. В ее состав вошли 11 человек во главе с депутатом Владимиром Заблоцким. Но работа комиссии держалась только на двух внештатных сотрудниках — К.А. Безгень (ныне политэмигрант) и Т.С. Криштафович (Миллер), о судьбе которой повествовалось выше. «Мы вдвоем вели все делопроизводство, — говорит Тамара Станиславовна. — Работали с письмами, осуществляли прием граждан. За очень короткий срок набралось достаточно много материалов. И первыми забили тревогу психиатры. Главный врач горпсихдиспансера Минска Ю.П. Сущеня от имени врачей-психиатров направил официальное письмо по четырем адресам: председателю нашей комиссии, в Прокуратуру БССР, Министерство юстиции БССР, Управление здравоохранения Мингорисполкома».

Вот строки из этого письма: «Врачи-психиатры республики считают недопустимым порядок деятельности комиссии, председателем которой Вы являетесь... Оскорбительно то, что Вы ставите под сомнение честность врачей-психиатров республики». Сами психиатры свои заключения под сомнения не ставили. В нашем распоряжении есть заключение главного психиатра Минздрава Беларуси В.Иванова, уважаемого доктора, почетного члена Британской ассоциации по исполнению закона о психическом здоровье (и это наверняка не все регалии), в котором при анализе случая с одним из пациентов записано: «Действия психиатров в отношении больного..., включая обе госпитализации в психиатрическую больницу и взятие под диспансерное наблюдение в начале 80-х годов, определялись действовавшим в то время законодательством, трактовавшим критику компартии и советской власти как общественно-опасное деяние, и поэтому эти действия следует рассматривать на тот период как законные». Таким образом, виновных нет. Но есть жертвы. За два года работы временной комиссии были подготовлены к рассмотрению полторы сотни дел, а также законопроекты «О преступлении «политическая пытка» и наказании за него», «О правовом статусе жертв пытки» и «О независимой психиатрической службе, правах и процедурных гарантиях психически больных лиц». Увы, эти законопроекты так и застряли на полпути к парламенту. А дела просто «растворились» — летом 1992 года из кабинета в Доме правительства исчезли абсолютно все папки.

«Причастные к тем репрессиям еще у власти — из кресел идеологических кабинетов КПСС они пересели в государственные кресла — и сделают все возможное, чтобы не создать прецедента, — считает Тамара Криштафович. — Поэтому и приходится нашим соотечественникам, ставшим жертвами этих чиновников, ходить по замкнутому кругу: нет прецедента — нет доказательств использования психиатрии как механизма для физического и морального уничтожения людей». От себя добавим — скоро не будет и документов: большинство историй болезни уже готовят к уничтожению, поскольку установленный для них срок хранения истекает.

В числе немногих сохранившихся документов — подготовленный временной комиссией Верховного Совета список граждан, подвергнутых репрессиям с использованием психиатрии. Никаких «подтверждающих документов» не сохранилось, поэтому мы просто процитируем этот документ.

Вежновец М.И. Бывший муж, полковник запаса КГБ, распространял слухи клеветнического характера о «психически больной» жене. В результате проверки спустя год с лишним из суда исчезла справка МГПНД о том, что на учете она не состоит. Взамен появилась новая — о некой судебно-психиатрической экспертизе. Обжалования ни к чему не привели. А 4.03.1987 г. Вежновец была вызвана повесткой в опорный пункт (причина не указывалась), откуда была насильственно доставлена в РКПБ «Новинки».

Хурсанова Г.М. За обжалование неправомерных действий РК КПБ Советского района в районную поликлинику был направлен запрос о «о работоспособности Хурсановой и ее дочери». Затем последовал морально-психологический террор на работе. Как позже выяснилось, все это имело под собой почву: сфальсифицирована медкарта (не одна, а три) в МГПНД, где Хурсанова никогда не была, ни за каким видом помощи или консультации не обращалась.

Карбовский О.М. С 1978-го по 1981 год работал в органах КГБ. Из-за критики в адрес непосредственного начальника и нежелание продолжать службу в органах репрессирован методом психиатрии. Спустя месяц после увольнения из КГБ был вызван в военкомат, где и была поставлена отметка (штамп) «7б» в военном билете. К психиатрам никогда ни за каким видом помощи не обращался.

Макаревич В.И. Пожаловался на местную милицию и, не получив ответа, обратился с письмом в МВД БССР. Спустя три недели приехала милиция и отвезла его в РКПБ «Новинки». Дважды проводилось стационарное принудительное лечение.

Белисова В.З. На торговой базе раскрыла хищения, приписки. В ответ посыпались угрозы, несколько раз на дом вызывали психбригаду, один раз из опорного пункта милиции была насильно доставлена в РКПБ «Новинки», но врач-психиатр отказался стационировать здорового человека. Однако когда Белисова обратилась за справкой для курсов вождения автомобиля, узнала, что состоит на учете в МГНПД.

Леоновский Б.Р. Преследовался за критику, за убеждения, защиту товарища по работе, которого хотели уволить. Было сфальсифицировано уголовное дело, Леоновского призывали лечь в РКПБ «Новинки», чтобы дело «прикрыть». Лечили насильственно, после чего дали II группу инвалидности.

Сумароков А.В. Насильственно помещался в психиатрическую больницу. Преследование инициировали представители прокуратуры, так как бывшая жена (разведен), работник милиции, препятствовала общению с дочерью, используя в свое служебное положение.

Гончаревич А.И. Директор автопарка (по запросу) посредством психиатров установил «диагноз», что дало право отстранить Гончаревича от работы. По специальности не работал 3 года. В институте им.Сербского диагноз был опровергнут, но добиться возмещения материального ущерба Гончаревич не смог.

Безгень К.А. В 1984 году за поданные в газету «Звязда» материалы (опубликованные 17 июня 1984 года) «Хто падлічыць страты?» подвергся репрессиям. Минский ГК КПБ, занимаясь проверкой письма, с целью нейтрализовать жалобщика сделал запрос в МГПНД. Справка была использована при ответе в ЦК КПСС. Недобровольно безработный.

Матусевич Л.С. Летчик, не доработал до нужного стажа 1,5 года. Конфликт начался из-за того, что Матусевич захотел перевестись на службу по другому месту жительства. В результате медосвидетельствований установили «диагноз». Лично обследовался в Якутске — здоров. Когда уволили из личного состава, обследовался в Москве — здоров. Из-за психиатрического террора потеряна любимая работа, нанесен моральный и материальный ущерб. Работает в настоящее время крановщиком.

Колтунов М.Ф. Бывший госинспектор по охране окружающей среды Минска и Минской области. Преследовался за раскрытие преступлений: фиктивное использование очистных сооружений, за ввод которых получались баснословные премии. Был заочно поставлен на учет в МГПНД, по надуманным основаниям уволен с работы.

Соболевский В.Ф. Изобрел дешевый и эффективный метод уничтожения колорадского жука на картофельных полях без применения ядохимикатов. В Минске от изобретателя отмахнулись, в Москве за настойчивость (объявил голодовку) насильственно стационировали в психбольницу. Позже был отправлен в Гомельскую ПБ.

Бурова Н.С. Работая врачом-педиатром, не могла мириться с непорядками в детских садах и яслях. По ее жалобам были уволены несколько заведующих этих детских учреждений. В отместку она сама была уволена, позже — восстановлена на работе. Обращалась в органы прокуратуры с жалобами на неправомерные действия должностных лиц, но выяснилось, что Буровой Н.С. заочно был сфальсифицирован диагноз. В терроре были задействованы работники Минздрава БССР.

Брикс В.А. Рабочий МТЗ, ранее работал машинистом электропоезда. Перед пенсией пошел на вредное производство, чтобы заработать пенсию. На заводе несколько раз выступал с критикой организации работ, после чего начались гонения. Искусственно создали уголовное дело, подведя под воровство детали. Был уволен. Когда начал обжаловать надуманное должностными лицами увольнение, в суде ему открыто сказали, что он ничего не добьется, так как состоит на учете в МГПНД.

Трухан В.В. Работала горничной в гостинице, отказалась сотрудничать с должностными лицами гостиницы по скупке вещей у иностранцев и их реализации. Пошло морально-психологическое давление, выговоры и увольнение с работы. Дирекция гостиницы неоднократно вызывала и на работу, и домой психиатров, требуя стационировать Трухан.

Атаманова И.Ф. Бывшая врач-педиатр. За критику должностного лица была незаконно уволена, затем восстановлена на работе. Проработала пять лет, выступала с критикой в журнале «Вожык», писала письма в ЦК КПСС и КПК, в результате главврач пригласила психиатра, который сорвал с Атамановой халат и отстранил ее от работы, уведомив, что она инвалид II группы по психзаболеванию. От пенсии по инвалидности Атаманова отказалась.

Косарева В.Ф. Очень тяжело перенесла похороны брата, обращалась к невропатологу поликлиники завода им.Вавилова. Врач сочла нужным направить ее в МГПНД. В 1985 году, когда Косарева стала неугодна руководству, на основе «неадекватности» ее уволили с должности инженера. Единственный визит в МГПНД аукнулся через десятилетия. В медкарте женщины врачи не забывали отмечать «осмотры». Прошла обследование в МНИПЦ (Москва), где отмечено, что «психическим заболеванием не страдала и не страдает».

Лысенко Н.Н. В 1984 году, будучи студентом, выступил на партсобрании мединститута (как член КПСС), вскрывая взяточничество среди должностных лиц. После этого был насильно стационирован в РКПБ «Новинки», определена II группа инвалидности. Хотя впоследствии все обвинения Лысенко Н.Н. подтвердились, и в отношении должностных лиц мединститута было возбуждено уголовное дело.

Список, которым располагаем мы, — это далеко не 150 фамилий. Но, согласитесь, впечатляет. Все истории — индивидуальны и в то же время похожи. И сегодня уже некому разбираться с этими людьми. И уж тем более никто не хочет говорить о выплате компенсаций жертвам психиатрического беспредела.

Оформить в бухгалтерии

Корпорация

Александр НИКОЛАЙЧУК, Антон ПЛОТИНИН

Подсчитывать доходы церкви — дело неблагодарное. Каждому, кто задастся вопросом, как распределяет свои доходы церковь и какой процент от них достается бедным и обездоленным, тут же напомнят про Иуду Искариота. Дескать, по Евангелию, Иуда тоже заботился о нищих, предлагая продать драгоценное миро, а деньги раздать всем нуждающимся. И рассуждал он так потому, что носил при себе денежный мешок, из которого потихоньку таскал денарии, пожертвованные верующими. Людей, пытающихся понять церковную кухню, по аналогии называют ворами... И когда речь заходит о церковных доходах, почти все конфессии, забывая о своих разногласиях, начинают активно защищать друг друга. Каждая из них согласна с изречением из Евангелия: «Кто безгрешен, пусть первый бросит в нее камень...» Камня за пазухой у нас нет, есть цифры и факты.

Церковь и партия хранили деньги вместе

В годы советской власти церковь была отделена от государства. Однако налоги она платила исправно в виде крупных пожертвований Красному Кресту и Фонду защиты мира. В те годы в Минске действовали только две православные церкви — Свято-Александро-Невская на Военном кладбище и Свято-Духов кафедральный собор. Покреститься в них можно было за 10 советских рублей. Венчание и отпевание стоили намного больше. Правда, справить церковные требы священников чаще стремились приглашать на дом. Делали это тайно: религиозность могла стоить советскому гражданину должности. Впрочем, для некоторых впоследствии именно религиозность стала началом неплохой карьеры...

Долгое время Минское Епархиальное управление ютилось в скромных деревянных домиках без особых удобств, расположенных по улице Червякова. В 1985 году оно переехало в новое здание в самом центре Минска — с парадным входом, мраморной лестницей и домовой церковью во имя Собора Всех Белорусских Святых. Начиналась перестройка, заговорили о свободе. В Москве Русской Православной церкви передали Свято-Данилов монастырь, в Киеве — часть Киево-Печерской лавры, в Беларуси возобновились занятия в Минской духовной семинарии при Свято-Успенском мужском монастыре в Жировичах. Кроме того, в СССР с большой помпой отметили 1000-летие Крещения Руси. Хотя в целом РПЦ действительно нуждалась в больших средствах для восстановления храмов и церквей, и своих позиций.

Как известно, в дореволюционной России священники не имели права давать деньги под проценты, торговать и входить в долю каких-либо промышленных предприятий. Однако в начале 1990-х РПЦ пересмотрела свои взгляды на сей счет и благословила священников на коммерческую деятельность. Правда, с оговоркой: заниматься коммерцией можно было только с целью добывать средства на восстановление монастырей и церковных приходов. Уже тогда у каждой церкви появился свой собственный расчетный счет в банке. Кстати, по сведениям некоторых СМИ, в конце 1980-х РПЦ предпочитала хранить деньги в банке «Менатеп», куда стекались и капиталы компартии. Хотя не исключено, что подобные слухи распускали сами банковские клерки.

Первый крупный церковный скандал в России разгорелся приблизительно в это время. Появилась информация, что церковь «поднимается» на торговле импортными табачными изделиями, при этом ввозимый ею товар не облагается никакими пошлинами. Церковные представители тогда пытались объяснить, что пачки сигарет случайно затерялись среди прочего гуманитарного груза, мол, выбрасывать их было жалко, раздавать прихожанам — некрасиво. И церковь нашла третий вариант... Вранье, как известно, — большой грех...

Что за дом притих?..

В те годы в нашу республику по церковной линии тоже стала активно поступать гуманитарная помощь. Поначалу она действительно попадала по назначению: одежду и продукты распределяли среди постоянных прихожан Свято-Духового собора. И не исключено, что Православное общество милосердия Святой праведницы Софии Слуцкой — одно из самых первых сестричеств в Беларуси — было создано именно с этой целью: кто-то же должен был заботиться о том, чтобы «гуманитарка» в Кафедральном соборе не попала в руки случайных посетителей. Правда, потом люди ушлые сообразили, что и на бэушной одежде, и на продуктах можно неплохо заработать. Очевидцы вспоминают, что крупнейшая партия сухого молока и некоторое количество пайков из стратегических запасов вооруженных сил бывшей ГДР лишь некоторое время радовали верующих, а потом многое из поступившей «гуманитарки» появилось на минских рынках и в коммерческих киосках. Кто до этого додумался — достоверно не известно. Говорят, в то время сбором гуманитарной помощи в Европе занимался представитель РПЦ в Германии отец Федор Повный, а его родной брат Павел работал референтом у Митрополита Филарета, получал и распределял дефицитный заграничный груз.

В первой половине 1990-х число сестер достигло 60, а у общества милосердия появилось сразу два счета: один — в «Промстройбанке», другой — в банке в Кельне (ФРГ). По слухам, чтобы защитить пожертвования, собранные сестрами, от инфляции, главная сестра общества Елена Жилкина приняла решение вложить их в строительство загородного домика в Сморгонском районе. Правда, в те годы это старались не афишировать ни местные власти, ни сами хозяева. Скандал подняли православные верующие из Пинска, которые посчитали, что дом в деревне Сукневичи возводится для представителей Белорусского экзархата на не вполне законных основаниях. Они даже обратились к Патриарху Алексию II с письмом, в котором просили остановить расхищение денег, предназначенных для больных, обездоленных и сирот. Реакции со стороны Патриархии так и не последовало. Восемь лет спустя мы посетили эту дачу. Находится она на самой окраине деревни, возле соснового леса. Официально дача называется Домом милосердия и принадлежит обществу св. Софии Слуцкой, о чем свидетельствует и прибитая к дверям табличка.

Дом милосердия — это двухэтажное кирпичное здание, желтенькая банька, гараж и территория площадью около 70 соток, обнесенная забором. Встретившая нас на пороге сестра скромно объяснила, что работает в обществе первый год. По ее словам, сюда ежегодно с мая по октябрь из Минска привозят на оздоровление одиноких стариков, правда, немного — 4-5 человек. На большее количество обитателей здание не рассчитано. В дом сестра нас не пригласила, сославшись на производимую уборку, но через открытую дверь виднелась очень приличная европейская обстановка. Впечатляющая забота о старости!

Однако заметим, что возводилась постройка как раз в те годы, когда почти все медицинские учреждения страны испытывали нехватку лекарств, одноразовых шприцев и перевязочного материала. В этой связи нам стало интересно: кто же эти четыре старика, для которых сестры много лет собирали деньги, потом строили недешевый домик в европейском стиле, обставляли его хорошей мебелью? Кем они были, пока не стали пенсионерами? Сестра ответила, что это просто одинокие люди... Хочется верить.

Рядом с Домом милосердия в деревне Сукневичи сейчас возводится шикарный особняк, который представляет собой смешение разных архитектурных стилей — ампира, классики и готики. Сестра милосердия говорит, что к ним строительство за забором не имеет никакого отношения. Рабочие на стройке лишь разводят руками: сами видите, какой дом, что уж тут говорить о хозяине. Богатый дворец и скромный по сравнению с ним домик для престарелых. Местные жители соглашаются, что это очень странное соседство...

Своя рука — владыка

В начале 1990-х Белорусский экзархат организовал Православный центр социальной защиты «Диакония». Провозглашенные цели звучали благородно: обеспечить жителей Беларуси товарами народного потребления по доступным ценам, возрождать исторические и культурные памятники, заниматься благотворительностью. Достоверно известно, что Митрополит Филарет неоднократно обращался к тогдашнему премьер-министру Вячеславу Кебичу с просьбой освободить «Диаконию» от таможенных сборов и налогов на экспорт и импорт. Будучи фактически первым лицом страны, в декабре 1993 года Кебич удовлетворил это прошение. Было это в то время, когда присутствие первых лиц страны на праздничных богослужениях и последующий прием в Экзархате становились частью протокола. После рождественского банкета, устроенного Митрополитом Филаретом в начале 1994 года, премьер-министр приказал освободить «Диаконию» еще и от обязательной продажи валютной выручки на внутреннем валютном рынке. Об этом широкой общественности станет известно лишь много месяцев спустя, когда разразится крупнейший в истории Беларуси церковно-водочный скандал, который являлся отголоском конфликта между руководством БПЦ и новой властью в лице первого белорусского президента. Ведь тогда, в начале 1994-го, руководство БПЦ ответило Кебичу милостью на «малость» — заверив его в своей поддержке на грядущих президентских выборах.

«Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители», — языком притчи сказано в Евангелии. Ее сакральный смысл из области духовной церковные и политические деятели перенесли в сферу строго материальную.

Вячеслав Кебич в период президентских выборов часто присутствовал на богослужениях в соборе, как первое лицо страны приглашался на амвон, произносил перед паствой речи. Главным его оппонентом считался Зенон Позняк: среди верующих распускались слухи, что с приходом последнего к власти в Беларуси начнется экспансия католицизма. Кандидатуру Лукашенко руководство БПЦ тогда всерьез не воспринимало. И просчиталось. Новый глава государства не упустил возможность отомстить: через два месяца после выборов новый премьер-министр Чигирь подписал распоряжение, согласно которому церковные льготы были отменены. В связи с тем, что

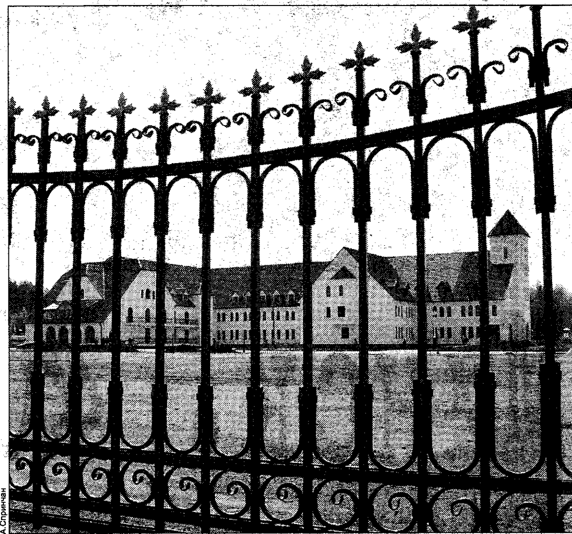
Епархия или бизнес-центр?

Божий промысел

«Церковь»

Вид на строящийся дворец (справа) через забор домика милосердия (слева)

под видом благотворительности, милосердия, а также возрождения церковных памятников центром социальной защиты «Диакония» проводились торгово-закупочные мероприятия с алкогольными напитками. Проверкой деятельности «Диаконии» занялась специальная комиссия. Обошлось без уголовных дел, хотя некоторым церковным бизнесменам пришлось давать объяснения в правоохранительных органах. Государство тогда приняло решение изъять у Православного центра социальной защиты необоснованно полученный доход.

Церковь пыталась оправдаться, мол, часть доходов от реализации винно-водочных изделий пошла на организацию лечения детей, часть — на восстановление церквей, часть была перечислена церкви во имя Собора Всех Белорусских Святых для закупки в Германии черепицы, окон, дверей и кухонного оборудования для еще одного дома милосердия в Минске. Злые языки, правда, утверждают, что как раз в это время на втором этаже Епархиального управления появилась дорогостоящая итальянская мебель.

Полная чаша милосердия

Чем закончилась проверка, инициированная президентом, догадаться нетрудно. Но так случилось, что «водочные» баталии были развернуты накануне Священного Синода РПЦ и встречи Митрополита Минского и Слуцкого Филарета с Патриархом Московским и всея Руси, к мнению которого всегда был внимателен президент России Борис Ельцин. Таким образом, молодой белорусский президент мог остаться без поддержки сразу трех влиятельных фигур. Так наш президент никогда не рискует. Потому компромиссное решение было найдено. Своих позиций церковные бизнесмены не сдали. И если вам когда-нибудь посчастливится попробовать изысканное французское вино «Ж.П.Шене», прозрачное, как слеза младенца, присмотритесь к этикетке: если вино импортировано в страну унитарным предприятием «Диакония», значит, ваше застолье практически лично благословил сам Владыка Филарет... Похмелье после выпитого, правда, легче от этого не будет (проверено на себе).

БПЦ получила от Лукашенко новые льготы. Официально считалось, что льготы эти — под конкретный проект: дескать, государство позволяет Церкви заработать деньги на строительство Дома милосердия в Минске. Строительство, кстати, велось под кураторством все того же Федора Повного. Стройке был придан особый статус — Патриарх Алексий II лично дважды осматривал строительные леса. Но несмотря на высшее благословение и льготы, потребовалось долгих восемь лет, прежде чем минский Дом милосердия подготовился к приему первых постояльцев. Правда, по непонятным причинам нужной суммы церковные бизнесмены, несмотря на режим особого благоприятствования, заработать так и не смогли. В результате в декабре 2001 года многие коммерческие фирмы столицы получили письма, в которых Мингорисполком называл сумму в тысячу долларов, которую необходимо было перечислить для скорейшего завершения строительства Дома милосердия. 19 мая Патриарх Алексий II будет лично открывать этот чудо-объект.

Известно, что приют рассчитан на сто человек. Построен он с применением современных европейских стройматериалов. Говорят, что там будет и зимний сад, и пол с подогревом. Правда, среди минских священников в последнее время поползли упорные слухи, что попасть под сень заботы православных сестер милосердия старики смогут только в том случае, если взамен отдадут собственные квартиры... «Бог не допустит», — успокаивают себя священнослужители.

«Диакония» — служить и зарабатывать

Учрежденная Белорусской православной церковью коммерческая структура с таинственным названием «Диакония» благодаря благосклонности государства превратилась в настоящую корпорацию. Причем в основе церковного богатства — порицаемые Библией такие человеческие пороки как пьянство и неудержимое стремление к роскоши. Именно на этих слабинках человеческой души БПЦ кует основной капитал.

В обязанности «Диаконии» входит содержание и контроль за многочисленными торговыми точками Церкви, а также импорт и последующая реализация через собственные магазины различной продукции, начиная с алкогольных напитков и сигарет и заканчивая промышленными товарами. В связи с этим после скандального 1994-го финансовые успехи «Диаконии» только росли.

Данное унитарное предприятие зарегистрировано в Минске, на улице Освобождения, 10. Это адрес Минской епархии. Оно имеет статус юридического лица и занимается оптовой торговлей алкогольными и другими напитками. Два года назад предприятие было внесено в единый государственный регистр юридических лиц. По данным местной налоговой инспекции, до введения Евро у упомянутой финансовой опоры православия было 14 счетов в белорусских банках. При этом большинство из них — в иностранной валюте. Хранителями церковных сокровищ выступают «Белвнешэкономбанк» и «Белгазпромбанк». Точную цифру годового оборота нам выяснить не удалось — секрет вкладов.

Кроме торговли винно-водочными изделиями, белорусские православные бизнесмены занимаются и комиссионной деятельностью. Такие услуги предоставляет, в частности, магазин №2 «Диаконии», расположенный на улице Беломорской, 8. Основным видом деятельности этой торговой точки является оптовая и комиссионная торговля (исключая мотоциклы и автомобили). Количество открытых счетов скромное — всего один, но «диаконийской дочке» хватает и этого: чтобы выручка перетекала в единый центр управления, нет необходимости иметь несколько каналов. Тем более что самостоятельной закупкой товара магазин практически не занимается. То же самое можно сказать и о магазине №1 (в Сухарево), учрежденном «Диаконией», который также имеет лишь один открытый счет (в «Белвнешэкономбанке»).

Церковь и налоги

Иконы, свечи, крестики и книги для верующих, которые мы привыкли видеть на прилавках церковных магазинов, также являются составляющими финансовой пирамиды БПЦ. Поступают они в большинстве своем из России. Цены на церковную утварь, иконы, производимые художественным комбинатом «Софрино», — самые высокие среди аналогичной продукции. Но именно она заполняет белорусский рынок почти на 70 процентов. Почему — непонятно. Большая часть прибыли от такой торговли оседает в карманах российских бизнесменов.

Есть при церкви и мелкие коммерсанты — церковные братства и сестричества, продающие всякую утварь и ритуальные принадлежности в многочисленных киосках. По словам фискалов, существует письменное распоряжение руководства страны, согласно которому проверки хозяйственной деятельности Православной церкви без согласования с Администрацией президента проводить запрещено. Мы документ не видели (хотя о его существовании нам сказали несколько человек), потому утверждать ничего не беремся. Нам известно лишь, что в последний раз налоговики попытались сосчитать доходы верующих около двух лет назад. Результатом подобного служебного рвения стал крупный скандал, разгоревшийся вокруг главы белорусского духовенства и... «ножек Буша». Несмотря на то, что «куриные окорочка» ходят по земле, а священники взывают к небесам, точки соприкосновения между ними все же нашлись. В ходе проверки выяснилось, что большую часть мясных полуфабрикатов американцы завезли в нашу страну с «финансового» благословения и при помощи церковной корпорации. Причем, что интересно, при провозе заморской продукции через границу ее представители без всякого зазрения совести пользовались налоговыми льготами. Соответственно чистая прибыль от данной «куриной экспансии» была достаточно велика. Скандал, впрочем, замяли так же быстро, как он и возник, и фискалов, обнаруживших «священные» партии курятины, как вы понимаете, не поблагодарили. В общем, негласный девиз взаимоотношений церкви и налоговиков — «свои деньги Бог сосчитает сам!»

Церковь такой поворот дел устраивает. И вот почему. Мы привыкли видеть священнослужителей в рядах вечных просителей финансовой помощи и поддержки, однако распространенное мнение о бедности православных заведений — заблуждение: БПЦ является одной из самых богатых организаций страны. По последним данным, в Беларуси официально существует 1062 церкви: большие, где в день бывает несколько сотен верующих; средние, где таковых около сотни; малые, куда за день заходит человек 20-50. Допустим, в среднем каждую белорусскую церковь в день посещают сто человек. Итого — 106 200 ежедневных посетителей. Кто-то купил свечку, кто-то иконку, кто-то заказал отпевание, кто-то поминание, кто-то крестился, кого-то венчали... Берем по-малому: каждый оставил в богоугодном заведении доллар. Это Usd 106 200 в день, а если в месяце 30 дней — Usd 3 млн 186 тыс. в месяц. Таким образом, получается, что даже безо всяких льгот на коммерческую деятельность Церковь может зарабатывать немалые деньги. Где они? Сколько их на самом деле? Ведь православные храмы — единственные организации, где нет никаких кассовых аппаратов, никаких чеков или отрывных талонов не дают. Это дает право предполагать, что дензнаки, полученные от горя или радости прихожан, бесконтрольно оседают на счетах святых отцов.

Кто ближе, тот и прав

Очень хочется верить в библейскую притчу, гласящую, что бедные намного ближе к Богу, нежели те, кто обладает несметным богатством. Но, похоже, не верят в нее даже те, кто сие учение проповедует. Так, в одной из церквушек довелось наблюдать инцидент, произошедший на глазах множества прихожан, который привел в шок.

Все мы давно привыкли видеть около церкви многочисленных просящих милостыню бомжей и прочих людей, от которых отвернулась удача и божья милость. Они частенько заходят внутрь церкви, дабы поглазеть на большой куб из прозрачной пластмассы (плексигласа), в который расщедрившиеся прихожане бросают денежку на различные церковные нужды. А тут одна из нищенок попыталась взять из куба немного денег, благо, для демонстрации братского доверия к людям он не запирался. Батюшка, увидавший тощие старушечьи руки, запущенные в благословенные дензнаки, не растерялся — со всего маху огрел нищенку церемониальным жезлом по голове. Залитую кровью женщину спустя полчаса увезла скорая. А через час, отслужив службу, собрался уходить и батюшка. Юркнув за алтарь, он через несколько минут появился в дорогом пиджаке с золочеными пуговицами и торчащим из кармана мобильником. Длинные волосы были аккуратно собраны в щегольской хвост и обильно смазаны пахучим гелем. Выйдя во двор, святой отец сел в белый «Мерседес» и укатил восвояси. Что же касается прихожан, то они еще долго возмущались творящимся произволом. Большинство грешников, правда, волновал лишь один вопрос: откуда у смиренного служителя Бога такая шикарная машина. Ведь официальная зарплата священнослужителей не превышает Byb 150 тысяч. Видимо, с Божьей помощью...

Минск. «Семерка». Бунт

Для сведения

Георгий ДАНЬ

15 лет назад Минск потрясло небывалое известие: взбунтовалась зона на улице Ангарской. Горели бараки, территорию колонии оцепили внутренние войска. Бунт был тем более неожиданным, что произошел в образцово-показательной колонии, практически в жилом районе. Добропорядочные граждане с ужасом и интересом наблюдали за всем происходящим: «боевик» разыгрывался в жизни и его можно было наблюдать прямо со своего балкона.

Город в городе

К началу 1987 года в колонии общего режима на Ангарской, где отбывали наказание неплательщики алиментов, карманные воришки, хулиганы и прочая мелкая шушера, содержалось около 4 тысяч заключенных. Здесь располагалось одно из самых крупных «застенных» производств во всем СССР: один из цехов изготавливал привод рулевого управления и передний мост для тракторов «МТЗ», в другом была налажена работа конвейера по сборке колес велосипедов и мотоциклов для Минского мотовелозавода, два цеха работали на «Горизонт», еще один — на МАЗ. Все эти предприятия подчинялись напрямую Москве. Поэтому как только производство на Ангарской запаздывало с поставкой каких-либо комплектующих, директор завода тут же устраивал «разгон» министру внутренних дел БССР, а тот в свою очередь — начальнику зоны. Последний за малейшее недовыполнение плана отвечал головой. Впрочем, авралы случались крайне редко. Производство было налажено отменно, и зона работала буквально с колес. Если, бывало, не хватало каких-то комплектующих, их в срочном порядке доставляли (иногда — на самолетах). Производство работало в три смены — 24 часа в сутки.

Предпосылки

Бунт в колонии назревал с объявления в СССР «горбачевской» амнистии. Обычно смена трудового контингента производилась постепенно: освобождались, скажем, 100 человек, а на их место уже готовились другие. В зоне имелось даже свое профессионально-техническое училище — своеобразная кузница кадров и одновременно испытательный полигон, где зеки проверялись на лояльность к администрации и на способность плодотворно работать во благо честного трудового народа. Но даже если у осужденного уже была необходимая специальность, сразу к станкам его все равно не подпускали. Прежде спецконтингент просеивали через оперативный отдел зоны, работа которого заключалась в выявлении среди вновь прибывших конфликтных элементов. В общем, эта колония по праву считалась идеальной.

Однако с объявлением амнистии четко налаженная работа цехов начала давать первые сбои. С июля по октябрь 1987 года из УЖ-15/7 выбыли на волю около 1800 человек, что составляло почти половину всего контингента. На их место пришла партия из 1600 заключенных. Причем выбыли по амнистии самые дисциплинированные, а прибыли не привыкшие к дисциплине зеки из Пскова, Могилева, Бобруйска, которые сразу же начали устанавливать на Ангарской свои порядки. Особенно беспокойным оказался контингент из Пскова. Их привезли целый вагон и, предварительно не профильтровав, как есть, всем кагалом забросили на «семерочку»: не было времени, производство могло остановиться в любую минуту, а союзное начальство давило и требовало выполнения плана по поставкам комплектующих узлов к тракторам, машинам и телевизорам. Чтобы как-то справиться с прежним объемом заказов при существенном сокращении числа работающих и их низкой квалификации, администрация колонии была вынуждена существенно увеличить продолжительность рабочего дня заключенных. Позже и вовсе пришлось пойти на крайние меры: допустить к производству неподготовленных заключенных. Это было равносильно тому, что впрячь в телегу необъезженную лошадь.

Хоть волком вой

О назревавших в колонии проблемах начальник УЖ-15/7 Анатолий Говор начал предупреждать руководство ИТУ и МВД РБ уже тогда, когда по амнистии ушли из зоны 1800 заключенных. В ответ начальство лишь прислало замену убывшим, потребовав не поднимать паники и ни в коем случае не снижать объемов производства. Анатолию Говору ничего не оставалось, как запустить в цеха «псковских волков». Но вкалывать они как раз-таки и не стремились. Соответственно нагрузка на «аборигенов» увеличилась. На этой почве и стало назревать первое серьезное противостояние. Но белорусские работяги (или, как их называют в зоне, мужики) очень быстро попали под влияние прибывших новичков, и ситуация начала быстро меняться к худшему. Из цеха, работавшего на «Горизонт», начал «испаряться» и неведомыми путями «оседать» в прилегающем к колонии жилом секторе спирт. Отношения между заключенными и администрацией накалялись. Обстановка осложнялась еще и тем, что даже среди администрации не было согласия того, каким образом удерживать в зоне порядок: начальник колонии пытался стать для заключенных «своим парнем» и по-отечески уговаривал их вести себя спокойно, а руководитель оперативного отдела упирал на репрессивные меры, полагая, что только ужесточение режима сможет удержать зеков в узде. Замполит в этой ситуации принимал сторону то одного, то другого, чем вносил еще большую сумятицу. При всем при этом на начальника колонии по-прежнему продолжали давить, требуя стабилизации работы производства.

Первая ласточка

Первый тревожный сигнал, что в колонии может произойти нечто чрезвычайное, «прозвенел» еще в сентябре 1987 года, за два месяца до бунта. В один из дней (точную дату уже никто не помнит) кто-то из «псковских волков» нагрубил прапорщику-контролеру, и тот применил силу, отделав заключенного по полной программе. В ответ отряд, где был «прописан» пострадавший, отказался выйти на работу. Но это был еще не бунт, а только его предвестник, «тихая забастовка». И чтобы не портить показатели образцовой колонии, администрация решила разобраться во всем самостоятельно, не ставя в известность о случившемся руководство ИТУ и МВД БССР. На переговоры с забастовщиками отправился Анатолий Говор, который среди осужденных пользовался большим авторитетом.

Заключенные поведали начальнику колонии, что пострадавший вовсе не грубил прапорщику, а просто при встрече с ним забыл снять шапку и покорно склонить голову. В некотором смысле забастовщики были правы, так как контролеры всегда любили, когда перед ними снимают шапку, и очень обижались, если кто-то игнорировал ритуал холопского повиновения. Тогда Говор пообещал лично во всем разобраться и, если выяснится, что прапорщик был не прав, наказать его. Зеки же должны были немедленно выйти на работу, и начальник колонии лично гарантировал им, что виновные в организации забастовки не будут привлечены к ответственности, если конфликт не выйдет за пределы колонии. Зная известную либеральность начальника колонии, зеки поверили ему и забастовку прекратили.

Однако сразу после этого за работу принялся оперативный отдел. Очень скоро все зачинщики «тихой забастовки» были выявлены, и список лиц лег на стол Говора. Оперативный отдел требовал немедленной изоляции указанных «элементов», но начальник колонии категорически запретил делать это. Между представителями администрации вновь возник конфликт.

Завинчивание гаек

В ИТУ и МВД БССР пошли докладные, в которых сообщалось не только о ЧП, но и о причинах, его вызвавших: увеличенный рабочий день плюс либеральность начальника, не позволяющего держать заключенных в черном теле. Параллельно с этим Говор тоже обивал пороги вышестоящих инстанций и говорил, что толку от колонии уже не будет и что лучший выход из ситуации — расформировать ее, а производство перераспределить по другим учреждениям пенитенциарной системы республики. В ответ на все эти действия 10 октября в «семерку» прибыло 20 проверяющих. В министерстве это назвали «плановой комплексной проверкой», хотя ни в каких планах она до этого не значилась. Проверяющие рыли носом землю вплоть до 20 октября, чем еще больше дестабилизировали ситуацию. А 28 октября приказом министра внутренних дел БССР Виктора Писарева начальник колонии был отстранен от своей должности и переведен в резерв МВД.

Получив долгожданную свободу действий, оперативный отдел «семерки» тут же принялся завинчивать гайки. И результат не заставил себя ждать.

Ночью 31 октября в 8-м отряде был обнаружен очередной пьяный осужденный. Провинившегося без лишних разговоров поместили в штрафной изолятор. В ответ отряд отказался выйти на работу и потребовал освобождения товарища. Чтобы избежать осложнения ситуации, новый начальник колонии Тетерник пошел на уступки. Работа в производственной зоне возобновилась. Однако на этот раз оперативный отдел не собирался либеральничать. Разборки с участниками новой «тихой забастовки» продолжались до 2 ноября, после чего почти половина отряда — около 40 наиболее активных участников акции — была изолирована: прямо на глазах всех заключенных их загнали в «автозаки» и вывезли в следственный изолятор на «Володарке»...

«Праздник свободы»

Бунт начался с жилой зоны, где забаррикадировались заключенные. Плюс ко всему им удалось добраться до запасов спирта, использовавшегося на производстве. Своеобразный «праздник свободы» удался на славу: бунтари вели себя довольно агрессивно, подожгли несколько построек и взяли заложников из числа персонала (правда, очевидцы утверждают, что обошлось без жертв). Не только для Минска, но и для всего СССР это происшествие было чрезвычайным: учреждение довольно быстро окружили подразделения внутренних войск под командованием Анатолия Куликова, в столицу Белоруссии прибыли бойцы «Беркута». Однако сами заключенные не предпринимали попыток выйти за ограждение зоны. Поэтому никакой дополнительной силовой операции, по существу, не требовалось. Однако штаб по ликвидации ЧП почему-то попытался обострить ситуацию. Но эта попытка больше напоминала имитацию действия, чем само действие. Несмотря на то, что вокруг колонии находилось много мощной техники (имелись даже танки и самоходные артиллерийские установки), в качестве тарана для штурма бунтарей был использован старый, чуть живой броневичок, на котором, по меткому выражению одного из чиновников МВД, еще Ленин выступал перед рабочими. Чудо-техника, тарахтя на всю округу, уперлась в ворота жилой зоны и... заглохла. После этого штурм решили не возобновлять. К тому же через несколько часов проголодавшиеся и отрезвевшие зеки сдались сами.

Тем не менее самое крупное и успешное «застенное» производство Советского Союза было ликвидировано, и сегодня о его существовании практически ничто уже не напоминает. Хотя жители близлежащих домов все еще помнят, как за не очень высоким забором пылали бараки...

На фото: Бывшая зона сегодня.

Разобраться

«Чекисты» против «чека»

Евгений НОВОГЛЯД

Вы читали «Анну Каренину»? Помните, княжна Варвара жаловалась Вронскому, что «Анна без него принимала морфин». Или что «она... вернулась к себе и после второго приема опиума к утру заснула тяжелым, неполным сном...» Так из-за чего же погибла Анна Каренина? Из-за любви или из-за регулярного приема опиатов? Очевидно, что самоубийство она совершила в состоянии психического расстройства. Правда, тогда морфин, опиум и прочие сильнодействующие средства в качестве успокоительных выписывались врачами и продавались в аптеках. Кто сегодня продает в Беларуси этот дурман, убивающий тысячи людей? Как случилось, что в нашей стране, вообще не имеющей наркотрадиций, сформировался устойчивый наркорынок, который поделили несколько преступных группировок?

Изъятые наркотики сжигают в печи, а неизъятые — «сжигают» нас

Точных данных об объеме белорусского наркорынка и количестве наркозависимых людей не существует. Большинство имеющихся данных получено в результате анонимных опросов. Последний показал, что наркоманов в Беларуси — не менее 43 тысяч. Однако всем понятно, что это далеко не полные данные. Есть сведения, что за последние десять лет ряды белорусских наркоманов выросли минимум в 40 раз, а количество преступлений, связанных с наркотиками, — более чем в 200 раз. Причем если раньше наркотики были проблемой крупных городов, то сейчас уже в каждом районном центре есть свои распространители.

«Дурная» мода

Если вернуться лет на пятнадцать назад, то с позиций сегодняшних дней те объемы незаконного наркооборота покажутся смехотворными. Богемное покуривание травки в узком кругу «золотой молодежи» или опиумные трапезы среднеазиатских аксакалов выглядят сегодня не более чем баловством артистической элиты и национальными традициями южан. Что же произошло? Многие считают, что трагической ошибкой, послужившей если не причиной, то серьезным стимулом к распространению наркотиков в бывшем СССР, стала антиалкогольная кампания Горбачева. По крайней мере, именно в тот период резко возросла потребность в наркотиках. Кампания против «зеленого змия» с треском провалилась, зато на ноги встала так называемая наркорелаксация. В стране появились токсикоманы и наркоманы. Молодое поколение почувствовало вкус «дури», и эта дрянь вошла в моду... На сегодняшний день средняя цена 1 грамма героина в нашей стране — Usd 40. Кстати, розничная цена на героин в 1700 (!!!) раз выше его себестоимости. Но «котировки» стремительно падают: буквально пару месяцев назад за грамм героина нужно было выложить Usd 80. Непреложный закон рынка: чем больше товара — тем он дешевле. И если «чек» (разовая доза, составляющая 0,2 грамма) сегодня обходится белорусскому наркоману в Usd 8, то это означает, что наркотиков на рынке нашей страны много.

Опасный перекресток

Попадают наркотики в страны СНГ по следующим маршрутам:

— восточный (Средняя Азия и Казахстан) — опий, препараты из конопли, морфий, героин. В этой группе стран находятся крупнейшие перевалочные пункты, через которые из стран «Золотого полумесяца» (Иран, Афганистан, Пакистан) наркотики идут в Европу;

— южный — Азербайджан, Армения, Грузия. Оттуда идет опий, гашиш, марихуана;

— юго-западный и западный — Украина и Молдова, из которых ввозится в основном маковая соломка;

— северо-западный — Латвия, Литва, Эстония, откуда ввозится в основном кокаин, барбитураты, транквилизаторы, ЛСД, галлюциногены;

— Китай поставляет амфетамины, барбитураты и транквилизаторы;

— кокаин ввозится из Колумбии, Перу, США, Боливии, Венесуэлы, Бразилии через Западную Европу;

— лекарственные и синтетические наркотики поступают из Индии, КНДР, Турции, Польши, Германии, Нигерии, Голландии.

Понятно, что для большинства этих маршрутов Беларусь является важным регионом транзита. Считается, что долгое время у наркодельцов существовал некий «пакт о ненападении» на нашу территорию: чтобы не привлекать лишнего внимания правоохранительных органов и сохранить маршрут, наркотики здесь старались не распространять. Однако за последние десять лет картина изменилась. Дошло до того, что в позапрошлом году даже были задержаны спортсмены сборной Беларуси по бодибилдингу, которые привезли из Германии для продажи таблетки экстези. Спортсменов арестовали, и мог быть громкий скандал. Но дело было прекращено, поскольку на законодательном уровне таблетки экстези были переведены в разряд психотропных средств, не относящихся к наркотикам. Извинившись, дельцов отпустили.

Вообще же сообщество наркоторговцев сформировалось на территории бывшего Союза к концу 80-х, и Беларусь в этом смысле не является исключением.

Азербайджанцы — еще те «фрукты»

Одна из самых опытных наркогруппировок — азербайджанская. И хотя, по словам наших оперативников, азербайджанцы на наркотиках попадаются редко (в прошлом году только трое или четверо были привлечены к ответственности), соответствующим органам известно, что свой главный товар они продают попутно с реализацией фруктов. Торгуют преимущественно опием, героином и метадоном. Это, кстати, означает изменение ассортимента — в первой половине 90-х азербайджанцы в основном реализовывали более дешевые марихуану и гашиш. Кстати, если марихуаной еще можно торговать более-менее самостоятельно, то торговля героином без санкции соответствующей «крыши» — верная смерть. Поэтому азербайджанцы исправно платят. Сложно сказать, кому: криминальные авторитеты утверждают, что наркотики от них давно увело государство, а представители правоохранительных органов, по долгу службы борющиеся с незаконным распространением наркотиков, утверждают, что «крышу» наркоторговцам обеспечивает белорусская братва.

Азербайджанская мафия отличается от других тем, что все вопросы решает хитростью и деньгами. Обычно это устойчивая группировка с очень четкой системой подчиненности: младший старшему покоряется беспрекословно. Как правило, все они из одного поселка или района. Наотрез не принимают выходцев из других районов: этих людей они будут «сдавать», выкупа за них не заплатят, выгораживать не станут. Везут наркотики, как правило, вместе с фруктами или партиями обуви. Кстати, стандартный «забив» пары кроссовок — 500 граммов героина. Опий, между прочим, везти сложнее.

Цыганская группировка

Цыганская группировка занимает самое видное место среди этнических групп, промышляющих сбытом наркотиков в нашей стране. Хотя обычно цыгане выступают в роли наркокурьеров или сбытчиков. Причем существует специализация: кочующие группы цыган занимаются перевозкой, а цыгане, ведущие относительно оседлую жизнь, распространяют их в определенном районе (в Минске это известный Северный поселок). На восточном направлении (Минский район, Колодищи, Борисов) цыгане занимаются героином, на южном (Слуцк) — маковой соломкой. Героин поступает из России и стран Балтии, а маковая соломка — из Украины. Кстати, уже в этом году в Слуцке задержали 59 килограммов украинской маковой соломки.

Изготовлением «зелья» сами цыгане, как правило, не занимаются. Их «производственная» деятельность заключается в расфасовке наркотиков для розничной продажи, при этом они частенько добавляют в наркотик крахмал, кофе, муку... Так что чистый героин цыгане не продают. Люди, занимающиеся у нас борьбой с незаконным оборотом наркотиков, рассказывают, что были случаи, когда задерживали такого продавца, тот чистосердечно во всем признавался, проводили экспертизу — а в «героине» героина не было вообще. Поэтому и цены низкие. К тому же можно расплатиться не только деньгами, но и любыми вещами, находящими сбыт. Можно отрабатывать дозу — заготавливать дрова, ремонтировать дома, помогать по хозяйству и т.д. Все это обеспечивает цыганам массового и невзыскательного наркомана-потребителя.

Родственные и клановые связи у цыган развиты до такой степени, что невозможно даже представить, чтобы кто-нибудь из них мог помочь следствию. Роли в группе тщательно распределены таким образом, чтобы исключить проникновение посторонних лиц и соответственно свести к минимуму риск быть раскрытыми. В этом главная трудность оперативной разработки цыганских кланов. Оперативник, проработавший на «цыганской ниве» не один десяток лет, рассказал нам, что в его практике был только один случай, когда мать-цыганка пришла в милицию и сказала: «Заберите сына». Он был наркоманом и надоел ей до того, что та в конце концов его сдала. Но в принципе у цыган никто ни о ком никогда ничего не скажет. Если кто-то попадается — берет все на себя. И, как правило, попавшимися оказываются многодетные мамаши, причем со всевозможными справками о болезнях. В итоге они получают минимальный срок, да и то условно.

Кстати, по белорусскому законодательству за переработку, хранение и сбыт наркотиков можно получить до 5 лет. А если это не первая судимость, то до 10-15. Но обычно дают не много.

Кулябский клан

Увеличение объемов героина, ввозимого в нашу страну, во многом связано с активным ростом производства этого наркотика в Таджикистане, который до недавнего времени служил всего лишь перевалочной базой для азиатского героина. Таджикский героин, который специалисты называют «серым» из-за низкого качества, дешевле афганского. Но все из-за той же дешевизны он достаточно популярен на рынке и практически «выбил» с него кокаин — этот «элитарный» наркотик сегодня практически не находит своего покупателя.

Известно, что наркотики идут туда, где есть деньги. До недавнего времени у нас преобладали самодельные наркотики из маковой соломки по той простой причине, что этих самых денег было мало. Но теперь кто-то активно сбивает цену на таджикский героин. Специально, чтобы «посадить» на него. Есть сведения, что героин этот, случается, раздают бесплатно тем, кто хочет попробовать.

В самом Таджикистане наркобизнес развивается космическими темпами и составляет сегодня ядро теневой экономики страны. Таджикистан постепенно становится главным каналом доставки наркотиков из Афганистана и Пакистана в Узбекистан и дальше в Европу. Причем традиционные для местного рынка маковая соломка и гашиш постепенно заменяются героином. По информации западных и российских агентств, в незаконный оборот наркотиков вовлечены многие высшие должностные лица государства, представители так называемого кулябского клана — клана президента Рахмонова. Есть даже свидетельства, какой процент от оборота наркотиков должностное лицо присваивает лично в соответствии со своим рангом и какую долю прибыли должно отдавать вышестоящим инстанциям. Таким образом, несложно спрогнозировать, что таджикским героином нас в ближайшее время завалят. И не только нас.

Сирийско-ливанский альянс

Самая странная ситуация, с которой мы столкнулись, — информация о деятельности в Беларуси сирийской и ливанской группировок. Ни один из тех, кто занимается борьбой с незаконным оборотом наркотиков, по своей воле их даже не упомянул. Тем не менее в нашем распоряжении имеются аналитические записки КГБ, где сделан упор именно на представителей далекого Ближнего Востока. Специалисты КГБ убедительно доказывают, что после выдворения из нашей страны в 1996 году гражданина Ливана Найфа Хуссейна Таррафа, который, по оперативным данным, курировал этот вид бизнеса, контроль за поставками наркотиков с Ближнего Востока перешел к представителям сирийской диаспоры.

Белорусский КГБ зафиксировал случай, когда под предлогом производства сыров в одном из колхозов в районе озера Нарочь ближневосточные дельцы планировали создать лабораторию по производству и переработке наркотиков. Имеются и оперативные данные, как доставлялись наркотики в нашу страну. К примеру, с помощью российских коллег удалось проследить маршрут груза, который под охраной военных был доставлен прямо в аэропорт к самолету и переправлен в нашу страну под видом дрожжей (дальнейший маршрут — Россия и Польша). Кстати, особенность и стратегическое значение этой группировки, по мнению нашего КГБ, заключаются именно в том, что она занимается не столько распространением наркотиков в Беларуси, сколько переправкой их в другие страны, в частности, в Европу. Для тех, кто не очень понимает, почему наркотики попадают в Европу не самым кратким путем, а окольными, в том числе белорусскими маршрутами, поясняем: контейнер с любым грузом, прибывший в ту же Германию из «наркорегиона», подвергается тщательнейшему досмотру. Грузы из какой-нибудь Беларуси, Молдовы или Польши проходят облегченный вариант таможенного и пограничного досмотров. Поэтому и стала наша страна одним из ключевых пунктов по переправке наркотиков в Европу. В то же время специалистам КГБ было понятно, что этот вид бизнеса не может осуществляться без «прикрытия» со стороны высоких должностных лиц. Но, судя по всему, разрабатывать эту информацию им не позволили, а потому современная белорусская история не знает прецедентов, чтобы кто-то из чиновников покинул свой пост из-за связи с наркодельцами.

Доработать

Смерть

Владимир Володько

Ася ТРЕТЮК

Известный в республике банкир Владимир Володько умирал страшной мученической смертью. Когда через полгода после внезапного исчезновения был обнаружен его труп, голову убитого покрывала седина, которой не было до встречи с мучителями. До своего 40-летия Владимир Александрович не дожил двадцать дней...

В прошлом месяце завершился суд над предпоследним из обвиняемых в убийстве Владимира Володько.

Юрист по образованию, ранее работавший помощником министра местной промышленности, а затем помощником председателя правления АКБ «Беларусбанк» по юридическим и кадровым вопросам, Владимир Володько исчез через несколько месяцев после того, как учредил и возглавил «Белорусский медицинский банк». С легкой руки пишущей братии исчезновение банкира приобрело сенсационный характер, обрастая множеством слухов и кривотолков. Больше всего муссировалась версия, что он скрылся от кредиторов, прихватив с собой довольно крупную сумму в валюте.

Труп «беглеца» был обнаружен лишь спустя полгода.

Попались

...Известием, что старший брат не ночевал дома, Иван Володько был шокирован. Тут же, в шестом часу утра, братья Володько (в семье их было четверо и одна сестра) собрались у здания на ул.Коллекторной, 20а, где «Белмедбанк» арендовал офис. Одновременно поставили правоохранительные органы в известность, что против руководителя банка совершено преступление. Это утверждение возникло не на пустом месте: Владимиру в последнее время неоднократно угрожали по телефону. За четыре дня до его исчезновения поздним вечером в квартиру банкира пришел незнакомый человек и просил передать, чтобы тот на три-четыре дня исчез из города, поскольку за ним охотятся.

Придя утром в офис, главный бухгалтер «Белмедбанка» Валентина Бойко сразу встретилась с братьями своего шефа. Вид у молодой женщины был встревоженный, она заметно нервничала и на вопрос, где Владимир Александрович, не знала, что ответить. Правда, двумя часами позже главбух обнаружила в своем рабочем столе два платежных поручения с подписями шефа и его записку с указанием о перечислении Byb 3,7 млрд в адрес двух коммерческих балтийских банков, в том числе Byb 2,16 млрд предназначались для «Банка коммерции и кредита» (Каунас) и Byb 1,54 млрд — для АО «Саулес банк» (Рига). Должно быть, сработал эффект внезапности, и обеспокоенная ранним визитом в офис братьев Володько главбух так и не рискнула перечислить деньги согласно платежкам. Хотя, как оказалось позже, с балтийскими банками была предварительная договоренность не только на перевод денег, но и их дальнейшую конвертацию, обналичивание и даже размещение на счетах оффшорных компаний.

Будучи оперативным работником МВД со стажем, Иван Володько вместе с братьями обошел все инстанции правоохранительной системы — от следователя-стажера Московского РУВД, который занимался расследованием дела по факту исчезновения руководителя банка, до тогдашнего министра внутренних дел Юрия Захаренко. Цель была одна: направить следствие, которое сосредоточило свои усилия на том, чтобы доказать виновность якобы пропавшего с деньгами банкира, на верный след. Поскольку угрозы от неизвестных лиц с требованиями о перечислении указанных в платежках сумм не прекращались, братья настояли, чтобы движение денег с расчетного счета «Белмедбанка» правоохранительные органы взяли под свой контроль.

Через неделю после убийства банкира начальник службы охраны одного из минских фирм (ООО «Торговый дом «Тарно») Андрей Кривуляк направил по факсу поддельное письмо в ООО «Электросервис» от имени вымышленной фирмы «Лемакс» с требованием конвертации и транзита Usd 15 тыс. по одному из подписанных исчезнувшим Володько платежных поручений. При этом звонившие в «Электросервис» люди под угрозой убийства руководителя «Белмедбанка» требовали перечислить сумму в счет погашения долга ТД «Тарно». Так был пролит свет на исчезновение банкира. Как оказалось, «Тарно» была той самой фирмой, что предоставила «Белмедбанку» помещение под офис. Вскоре был арестован директор ТД Павел Прокушенков, а затем на тюремных нарах оказались и трое его подчиненных, еще двое — студенты Академии физвоспитания Дмитрий Дворкин и Дмитрий Величко — успели скрыться: первый — от предварительного следствия, второй, находясь под подпиской о невыезде, — от суда.

Время платить?

За Владимиром Володько охотились долго. В здание института «Минскгражданпроект», что на ул.Коллекторной, 20а, где с благословения Прокушенкова в офисе «Белмедбанка» был произведен за счет «Тарно» евроремонт, банкир въехал не случайно. Прокушенков решил переуступить свое право аренды помещения именно Володько в надежде, что потом сможет выбить из него необходимую сумму. А сумма эта, между прочим, исчислялась Dem 294 914 и Usd 100 тыс., которые Прокушенков задолжал трем крупным коммерческим банкам Минска. За счет процентов эта сумма продолжала увеличиваться, а срок возврата кредитов истекал в ноябре 1995-го. К тому времени у фирмы «Тарно», торгующей продуктами питания из Германии, сложилось катастрофическое положение с финансами, о чем Прокушенков постоянно напоминал своим подчиненным, пугая их банкротством и лишением рабочих мест. При этом виновником своих бед он называл Володько, якобы задолжавшего фирме за аренду и ремонт офиса. Мол, пора с него истребовать долги.

Ближайшее окружение — начальник службы безопасности ООО «Тарно» Александр Кривуляк, охранник Александр Матиевский и водитель Михаил Кацер — с пониманием отнеслись к проблемам своего босса и наметили план дальнейших действий, подключив к затее четверых офицеров внутренних войск МВД.

Преступный замысел был донельзя прост: похитить Володько и, угрожая убийством, заставить его подписать чистые листы для дальнейшего изготовления платежных поручений, а затем уничтожить жертву. Для этого заранее были наняты две иномарки (одна из них битая), подготовили «вспомогательные» материалы: веревку, шприцы, ампулы с димедролом, клейкую ленту и другие орудия пыток. Заранее облюбовали и место захоронения трупа — лесной массив возле деревни Вербицкие, что неподалеку от Минска.

...И загорелись глаза

11 сентября 1995 года было для Владимира Александровича Володько обычным рабочим днем. Если не считать запланированной на 19.00 встречи с председателем правления АКБ «Беларусбанк» Тамарой Винниковой, с которой его связывали давние деловые отношения. И хотя Володько симпатизировал руководителю АКБ как женщине и не упускал случая сделать ей приятное в виде флакончика французских духов, тем не менее их добрые отношения время от времени трансформировались в чувство легкой неприязни. Особенно после того, как «Белмедбанк» в считанные месяцы начал набирать обороты, претендуя на роль конкурентоспособной банковской структуры.

Действительно, на тот момент в республике достаточно активизировалась деятельность коммерческих банков. Однако несмотря на их множество, Володько удалось создать свой банк. В числе 88 его учредителей значилось 25 юридических лиц, среди которых были известные в республике бизнесмены, юристы, академики и даже министры. Такой достаточно солидный круг людей удалось собрать благодаря не только выработанной Володько стратегии банка, направленной на оказание финансовой помощи учреждениям здравоохранения, но и прежде всего его деловым, профессиональным и моральным качествам. Они, стреляные воробьи, понимали, что иметь дело с банкиром Володько можно. И не ошиблись.

У «Белмедбанка» на первых порах не было офиса, что явилось серьезным препятствием для его нормального функционирования. Поэтому уставный капитал, составивший порядка Usd 880 тыс., был размещен на Межбанковской валютной бирже. Через четыре месяца на расчетный счет «Белмедбанка» поступило Byb 3,7 млрд (на то время сумма была эквивалентна Usd 300 тыс.) чистой прибыли. Об этом стало известно Прокушенкову — и у того загорелись глаза...

Как следует из материалов следствия, 11 сентября 1995 года за несколько часов до исчезновения банкира Прокушенков встретился неподалеку от офиса в сквере со своими подчиненными Кривуляком, Матиевским и Кацером. И в который раз сказал, что разорен и не знает, что делать. Правда, не все потеряно, мол, есть информация: на расчетном счете «Белмедбанка» появились деньги. Каким образом об этом стало известно директору торгового дома «Тарно», разговор, скорее, для наивных. Но об этом чуть позже.

Надо отдать должное: к убийству руководителя «Белмедбанка» Володько преступники готовились тщательно, отрабатывая один сценарий его похищения за другим. Как уже отмечалось выше, помимо ближайшего окружения Прокушенкова к подготовке преступления решили подключить четырех офицеров внутренних войск МВД. За захват банкира им обещали вознаграждение в сумме до Usd 15 тысяч. Однако один из офицеров, узнав, о ком идет речь, отказался от этой затеи (и успел сообщить банкиру, чтобы тот ввиду опасности исчез на несколько дней из города). Чуть позже решили подключить двух студентов Академии физвоспитания — Величко и Дворкина.

Согласно первому сценарию Володько должны были похитить с последующей ликвидацией во время его совместного с Прокушенковым полета на спортивном самолете (первый мечтал стать летчиком, второй был им в недавнем прошлом). Однако произошла осечка. По второму варианту Володько планировалось «обезвредить» по дороге в банк «Олимп», где Прокушенкову по рекомендации руководителя «Белмедбанка» обещали выдать кредит. На этот случай был подготовлен автомобиль с заблокированными дверями. Не получилось. Третий сценарий предполагал захват Володько непосредственно в его офисе.

Убийство

Собираясь на встречу с очаровательной госпожой Винниковой, Владимир Александрович вынужден был задержаться в своем кабинете из-за внезапного появления Прокушенкова. А в это время сообщники последнего ждали, когда здание на Коллекторной, 20а опустеет и можно будет без лишнего риска совершить черное дело. На сей раз план удался.

Не успел банкир выйти из офиса после разговора с директором «Тарно», как на него набросились трое неизвестных, заломили руки и насильно втолкнули в его кабинет. Залепили лицо скотчем, усадили за стол и, привязав руки к стулу, стали излагать свои требования. Чего от него добивались? Совсем немногого: чтобы поставил свою подпись на нескольких листах чистой бумаги и написал записку с указанием главному бухгалтеру Валентине Бойко,

Владимир Володько (слева) во время переговоров в бытность помощником министра местной промышленности

банкира

куда и сколько перечислить из поступивших на счет «Белмедбанка» Byb 3,7 млрд. Владимир Александрович пытался договориться со своими мучителями, обещая за это Usd 50 тысяч. Не договорился...

Володько надели на голову пластиковый пакет, плотно перевязав его вокруг шеи скотчем, и ввели лошадиную дозу димедрола. Умер он от удушья. Труп, «заботливо» завернутый в ковровую дорожку, вынесли и положили в багажник автомобиля. Для отвода глаз взяли на буксир битую иномарку и тронулись в путь, который лежал через пост ГАИ в Боровлянах. Расчет был сделан на то, что гаишники скорее обратят внимание на искореженный автомобиль, нежели на тот, что на ходу — именно в нем был спрятан труп. Так и случилось. Здесь как нельзя кстати пришелся не только опыт бывших работников правоохранительных органов Кривуляка и Матиевского, но и служебное удостоверение одного из них. Усыпив этим бдительность постовых и избежав досмотра автомобиля, убийцы благополучно двинулись в нужном им направлении. Как и планировали, в лесу у деревни Вербицкие выкопали яму. Но тут бывшего работника уголовного розыска Матиевского вдруг осенило, что на скотче могут остаться отпечатки пальцев. Тогда он облил лицо убитого бензином и поджег.

Владимир Володько (справа), студент юрфака БГУ в стройотряде. Якутия, конец 80-х годов

К слову, Матиевскому было чего опасаться, поскольку на тот момент он уже обвинялся в изнасиловании студентки Белгосуниверситета. После пребывания какое-то время в СИЗО на «Володарке» опер был отпущен под подписку о невыезде. Опьяненный воздухом свободы работник службы охраны фирмы «Тарно» за период следствия совершил еще одно, более жестокое и циничное преступление: это он держал беззащитную, задыхающуюся в предсмертных конвульсиях жертву за ноги...

Пока преступники заметали следы, Прокушенков вместе со своей подчиненной Мариной Романчук проник в помещение «Белмедбанка» и, используя чистые листы с подписями убитого банкира, до глубокой ночи изготавливал на компьютере поддельные платежные поручения в адрес балтийских банков на общую сумму Byb 3,7 млрд. Затем информация из памяти компьютера была удалена.

Иван Володько, проходивший по делу об убийстве брата в качестве потерпевшей стороны, вспоминает, как он умолял убийц и адвоката Прокушенкова показать, где находится труп. Помимо всего прочего, этот адвокат (сегодня его имя упоминается в одном ряду с известными правозащитниками) состоял с главным фигурантом по делу в родственных отношениях и уже на третий день после задержания Прокушенкова знал, что совершено убийство. Однако как профессионал «правозащитник» отдавал себе отчет, что этого делать не следует, поскольку наличие тела жертвы было бы прямым доказательством причастности его подзащитного к убийству.

Служа Прокушенкову с фанатичной преданностью, Кривуляк столь же усердно угождал патрону, отправляя банкира на тот свет. Тем не менее именно он способствовал установлению истины по делу и указал следствию место захоронения убитого. Поиск в лесном массиве был трудным и долгим, ведь со дня убийства прошло полгода. Зима 1996 года выдалась снежной, и, несмотря на начало марта, сугробы в лесу у деревни Вербицкие достигали полутораметровой высоты. Поэтому оперативники выезжали на поиски тела убитого банкира на лыжах. Большую помощь правоохранительным органам оказала служба Гражданской обороны, предоставившая для ведения раскопок под снегом необходимую технику.

Суд

Расследование убийства Владимира Володько, которое вел вначале Московский РУВД, а затем столичная прокуратура, длилось без малого два года. Те, кто замышлял это «мокрое» дело, не учли главного: поиски пропавшего семья начала не через день-другой, как это зачастую случается, а сразу же — по горячим следам. Более того, она приняла в расследовании убийства самое активное участие. Во многом благодаря этому данное дело вошло в новейшую историю страны как первое и пока единственное убийство банкира, при расследовании которого удалось найти заказчика преступления. Не говоря уже о том, что, опоздай братья Володько хотя бы на пару часов, Usd 300 тыс. согласно платежным поручениям, на которых стояла добытая пытками подпись банкира, ушли бы со счета «Белмедбанка» за границу и растворились на счетах оффшорных компаний, за которыми стояли чеченские группировки.

Суд над преступниками состоялся в июле 1997 года, где в качестве обвиняемых по делу предстали пять человек: 29-летний П.Прокушенков, 26-летний А.Кривуляк, его одногодка А.Матиевский, 37-летний М.Кацер и 20-летний Д.Величко. Однако направленное в суд обвинительное заключение не удовлетворило участников судебного процесса, в том числе и государственного обвинителя — работника прокуратуры города Минска Галину Гончарову. В своей обвинительной речи она сделала акцент на том, что инкриминируемое подсудимым обвинение, коль уж говорить об адекватности наказания содеянному, не соответствует действительности и является слишком мягким: разбойное нападение на банкира было совершено не с умыслом нанесения тяжких телесных повреждений, повлекших смерть, как явствовало из материалов дела, а с целью убийства, которое инициировал не кто-нибудь, а директор фирмы «Тарно». Прокушенков имел большие долги, и только он мог распорядиться захваченными у «Белмедбанка» деньгами, заявила прокурор.

Сам же Прокушенков пытался в суде представить дело так, что ему, напротив, было выгодно сотрудничать с банкиром, и ни о каком убийстве он даже не помышлял. При этом главный фигурант по делу — заказчик убийства — упорно кивал в сторону начальника своей службы охраны Кривуляка, который помимо прочего был его личным телохранителем его семьи и даже выгуливал собаку хозяина.

Нюансы

Действительно, в этом деле многое настораживало. Например, почему подсудимый Величко в отличие от своих подельников не был заключен под стражу? Из каких соображений подозреваемого в тяжком преступлении, продержав в СИЗО четыре месяца, вдруг отпустили на волю? Тем более что его кореш по несчастью Дворкин успел «соскочить» до того, как попал в поле зрения следствия. Увы, опасения потерпевшей стороны были не напрасны — не дожидаясь вынесения приговора, Величко исчез в неизвестном направлении. В связи с чем 25 сентября 1997 года дело в отношении бывшего студента Академии физвоспитания было выделено в отдельное производство, и он был объявлен в розыск. Это дало повод потерпевшей стороне усомниться в объективности следствия, поскольку Величко обвинялся в совершении тяжкого преступления — убийстве человека, а согласно нормам уголовно-процессуального законодательства столь «тяжелая» статья предполагает меру пресечения в виде содержания под стражей, писал в своей кассационной жалобе на имя председателя Верховного суда И.Володько.

Что касается роли главбуха «Белмедбанка» В.Бойко в трагедии, то по делу об убийстве банкира она проходила в качестве свидетеля. И это при том, что обвиняемые однозначно заявляли: главбух была осведомлена о готовящемся преступлении. По словам обвиняемых, это она сообщила вымогателям, когда и сколько денежных средств должно было поступить на расчетный счет банка. Ведь неспроста бандиты затребовали только чистую прибыль — Byb 3,7 млрд, которые главбух по указанию Володько обязана была немедленно перечислить в Нацбанк. Но почему-то не сделала этого.

Поэтому государственный обвинитель, равно как и потерпевшая сторона, настаивала на возбуждении уголовного преследования в отношении Бойко, и дело было отправлено на дополнительное расследование.

Новое судебное разбирательство состоялось спустя восемь месяцев. Несмотря на то, что государственный обвинитель и потерпевшие требовали для Прокушенкова и Матиевского высшей меры наказания — расстрела, суд вынес в отношении их более мягкое наказание в виде 15 лет лишения свободы в ИТК усиленного режима. Столько же получил Кривуляк, Кацер — на год меньше. К тому времени следствие, не найдя доказательства причастности главбуха к убийству банкира, прекратило в отношении ее уголовное дело. И это при том, что брат убитого как на стадии предварительного следствия, так и в суде однозначно заявлял: Бойко знала о готовящемся преступлении. А иначе каким образом заказчик убийства Прокушенков намеревался заполучить подпись главбуха на поддельных платежных поручениях? Печать, без которой банковские документы недействительны, также находилась в рабочем сейфе главбуха. Следовательно, либо Бойко дала свое согласие на сотрудничество с бандитами, либо ее ждала участь убитого, заключил Иван Володько. Тем более что и сами убийцы указали на активную роль главбуха, которая, по их показаниям, должна была семье Прокушенкова Usd 50 тысяч.

Как следует из материалов следствия, свидетель Бойко, придя утром в банк, обнаружила в своем рабочем столе два платежных поручения с подписями Володько и его записку с указанием о переводе денег. «Она очень испугалась и растерялась, так как поняла, что документы написаны Володько В.А. под принуждением». Такая вот осведомленность...

Однако в результате высшая судебная инстанция пришла к выводу, что «причастность Бойко к совершенному преступлению в ходе предварительного следствия не нашла своего подтверждения».

Рассмотрев кассационный протест прокурора Гончаровой и жалобу потерпевшего Володько об отмене приговора в связи с неправильной квалификацией действий подсудимых и, как следствие, мягкостью приговора, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда поддержала выводы нижестоящей судебной инстанции, что «в отношении Володько не применялась особая жестокость, так как смерть наступила в результате удушения».

— Я просил суд назначить убийцам высшую меру наказания, поскольку было совершено не просто убийство, — вспоминает Иван Володько. — Из материалов дела следует, что моего брата подвергали физическим истязаниям на протяжении двух часов: приставив к виску пистолет, его били по голове, в область печени, почек, ломали руки, вводили инъекции димедрола. Все это время его рот и нос были заклеены скотчем, что затрудняло доступ воздуха и причиняло мучения от удушья. Представить, что при этом мог испытывать человек, невозможно. Ведь брат хорошо знал тех, кто его истязал, понимая, что в такой ситуации жертву не оставляют в живых. Да и сами убийцы отнюдь не скрывали своих планов относительно дальнейшей судьбы своей жертвы, напротив, они демонстративно советовались, как лучше отправить его на тот свет. Если это не проявление особой жестокости при лишении человека жизни, то что это тогда?

Проверка на человечность

У Владимира Володько был достаточно широкий круг общения, в том числе с представителями высшего эшелона власти, с которыми он находился не только в деловых, но и в дружеских отношениях. Но никто из них за долгие месяцы поиска исчезнувшего банкира не предпринял даже попытки оказать престарелым родителям Владимира Александровича помощь. Хотя бы моральную. Например, никому и в голову не пришло избавить убитую горем семью от унизительных хождений к чиновникам Минского горисполкома для получения двух квадратных метров земли на Московском кладбище столицы. Напротив, те, кто еще недавно причислял себя к окружению руководителя «Белмедбанка», резко дистанцировались от семьи убитого. Оно и понятно: как только банкир исчез, «сведущие» люди недвусмысленно намекали на причастность к этому братьев Володько, якобы позарившихся на большие деньги.

Согласно судебному приговору с осужденных должны были взыскать в солидарном порядке в пользу потерпевшей стороны достаточно крупную сумму, исчисляющуюся сотнями миллионов рублей (в ценах 1997 года). Тем не менее все, что взыскано с осужденных в пользу брата убитого в качестве возмещения материального вреда, на сегодняшний день составляет... Byb 5 тысяч. Кое-что перепадает живущим в деревне родителям-старикам: из мест не столь отдаленных в порядке возмещения морального вреда за убитого сына им присылают... по целой тысяче рублей в год.

Эпилог

Величко все-таки поймали. Точнее, Диму сдал его же родственник из Брянска, где он скрывался все эти годы и даже успел обзавестись семьей и ребенком.

На потерпевшего по делу — младшего брата убитого Ивана Александровича — 27-летний преступник смотрел сквозь металлическую клетку с едва скрываемой иронией и без тени раскаяния. Когда прозвучал приговор — 9 лет лишения свободы, он бросил на прощание своей матери: «Не расстраивайся, осталось восемь лет». Мол, скоро увидимся.

...Известный в республике банкир Владимир Володько был похоронен скромно, без помпы — на кладбище в деревне Щитомиричи неподалеку от Минска. Всякий раз, бывая на могиле сына, Ольга Петровна обнимает земляной холмик, прижимаясь к нему лицом. Сквозь горячие материнские слезы она что-то шепчет и словно слышит голос сына: «Я с тобой, мама. Я жив. Пока обо мне помнят...»

Помочь

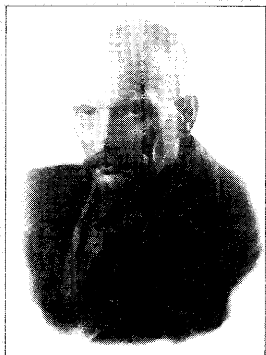
Большие родители и их дети

дочь автора белорусского гимна и в 76 лет продолжает работать

Жанна ВАСАНСКАЯ

Почти 50 лет назад был объявлен первый конкурс на слова для гимна БССР. В нем приняли участие многие литераторы — Пятрусь Бровка, Кондрат Крапива. Однако автор победившего текста — Михаил Климкович — своего творения в исполнении хора и оркестра так и не услышал. И даже не узнал, что именно его стихи признаны лучшими. Впервые «Мы, беларусы, з братняю Руссю...» исполнялось, когда Михаил Климкович умирал в клинике. Супруга, Мария Иосифовна, лишь сообщила ему, что песня уже прозвучала по радио.

Справка

Климкович М.Н. родился 20.11.1899 г. в д.Селитринка Борисовского р-на Минской обл. В 1915 году окончил Борисовское высшее четырехклассное училище. Учительствовал, служил в Красной Армии (1921-1923 гг.). Председатель правления писателей БССР (1932-1939 гг.). Главный редактор Государственного издательства БССР в Москве, затем — в Минске (1943-1947 гг.). Член ЦВК БССР (1931-1938 гг.). Член СП СССР с 1934 года. Награжден медалью. Печатался с 1928 года. Автор поэм «Екатерина Жерносек», «Вся власть Советам!», трилогии «Георгий Скорина», либретто опер «Кастусь Калиновский», «Последний вечер на хуторе», балета «Князь-озеро», одноактовок «На Виленской дороге», «Маленькая тучка» и др. В 1959 г. вышло собрание сочинений Михаила Климковича в 2-х томах. Известен он и как исследователь белорусской литературы («Литература Советской Белоруссии за 15 лет», 1934 г.; «О творческом влиянии русской литературы на белорусскую литературу», 1953 г.; «Литературно-критические статьи», 1962 г.).

Умер 5.11.1954 г. Похоронен в Минске на Военном кладбище.

Семьи советских писателей опекались властями. Правда, не все. Но для большинства «инженеров человеческих душ» такое положение дел было выгодным «контрактом»: писательская элита воспевала советский строй и его руководителей, а взамен получала всевозможные права и льготы. Право на отдых в том же Коктебеле, на получение жилья, на домработницу при неработающей жене... Именно тогда в системе сервиса и обслуживания родились определения «жописы» (жены писателей) и «дописы» (дочери писателей). Это означало пожизненное «довольствование» у кормушки власти для всех официально признанных жен и детей члена Союза писателей. Членов семей авторов гимнов с легкой руки поэта Евгения Евтушенко нарекли «гимнюками» — им полагались особые льготы.

Майя Михайловна Климкович — дочь первого председателя Союза писателей БССР Михаила Климковича. Никаких благ от этой самой «кормушки» не получила. В свои 76 лет она продолжает работать корректором в редакции газеты «Культура».

— Майя Михайловна, ваша жизнь состоялась вопреки или же благодаря определениям «дочь писателя» и «жена писателя»? Ведь ваш бывший супруг Алесь Махнач — советский писатель, заслуженный работник культуры БССР...

— Как видите, карьеры я не сделала, да и цели такой у меня не было. С супругом мы расстались давно, когда дети были еще маленькими: Веронике было 14 лет, а Максиму — 10. В один прекрасный день я поняла, что жить под одной крышей стало невыносимо — собрала вещи, детей и вызвала такси. Как выяснилось, все неполадки в семье были неспроста — муж давно стал встречаться с женщиной, на которой и женился после нашего развода. А я приехала к маме в эту самую квартиру, в которой мы с вами беседуем. В то время в ней жила мама и моя сестра с дочерью. Позже часть домочадцев выехала. Мама умерла в 92 года, а здесь помимо меня живут моя дочь Вероника и внучка Алеся. Кстати, моя внучка дружна с сыном Алеся Махнача от второго брака, а Максим и Вероника были на похоронах отца.

— Максим и Вероника... Имена детей тоже из литературы?

— Конечно. Когда я родила Нику, то даже в больнице томик стихов Максима Богдановича не выпускала из рук. Я была увлечена творчеством этого поэта. Ну а когда родился сын, вопрос об имени не стоял.

— В вашем писательском доме всегда говорили на родном языке?

— Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Мой отец, естественно, говорил на белорусском языке, а я, сестра и мама разговаривали на русском. Хотя проблем с языком ни у меня, ни у сестры никогда не было. Просто никто в принципиальную плоскость языковое общение в семье не ставил, и мои дети тоже выросли свободными в выборе. В 1929 году мы приехали в Минск, я пошла, между прочим, в русскую школу. А квартиру, как вы подчеркнули, в этом писательском доме на улице К.Маркса мы получили уже после войны.

— Ваш отец пользовался писательскими привилегиями того времени и имел бронь, которая освобождала его от призыва в армию?

—Вы все время хотите подчеркнуть некую избранность нашей семьи на социальном уровне. А я помню отца больным человеком. Он рано умер. Да, он не был борцом с властями и диссидентом, потому что искренне верил делу, которому служил. А когда понял сущность тогдашней идеологии, то попал в больницу. В 1937 году, будучи председателем Союза писателей БССР, он хотел покончить с собой. Перерезал себе горло бритвенным ножом.

— ?..

—Потому что боялся и был уверен, что не сегодня-завтра и за ним придут. А накануне кто-то попытался вскрыть сейф в его кабинете... Вы представляете, что могло быть с отцом, если бы хоть один документ оттуда исчез? Мне было 11 лет, но я помню те роковые для нашей семьи дни. И попытка самоубийства, если уместно так сказать, помогла отцу. Он перевелся на другую службу, менее титульную, но тоже литературную — в библиотеку. Это по тем временам была своего рода ссылка. Начинались массовые репрессии, и для всеобщего устрашения такую стратегическую фигуру как лидер литераторов могли запросто обвинить в чем угодно. Отец боялся за нас, дочерей, и маму.

Война застала отца в санатории, куда его отправили поездом на носилках прямо из больницы (он страдал желудочным заболеванием). И

А.Стрижнев

Майя Михайловна Климкович

когда началась война, он из Литвы пришел пешком домой под Борисов. Находясь в пути, спросил у идущих навстречу спасающихся от войны людей: мол, как там, в Минске, мобилизуют? А ему ответили, что бояться вам, дяденька, нечего — стариков на войну не призывают. Хотя ему было 42 года. Болезнь медленно съедала здоровье отца. До 1943 года отец жил у родственников под Борисовом. А позже на самолете, который доставлял партизанам все необходимое и увозил раненых, отца переправили в Москву, где он стал работать главным редактором Государственного издательства БССР. Позже таким образом в Москву прилетела и мама со Светланой, а меня привезли из-под Саратова из лагеря для детей писателей. Мы, кстати, долгое время отмечали день нашей московской встречи. Тот осенний день 8 октября запомнился нашей семье как праздник. Поселили нас в гостинице «Якорь», которая была своеобразной белорусской базой в Москве. Каждая семья занимала комнату-номер, а в коридоре лежали раненые бойцы. Я там увидела и знаменитого партизана деда Талаша. Да и вообще я там многое увидела впервые. Как говорят в таких случаях, всего насмотрелась. Но не весь белорусский «десант» жил в «Якоре»: известные писатели жили более комфортно и в другой гостинице — «Москва» (к примеру, Кондрат Крапива с семьей). В Москве я окончила школу и поступила в педагогический институт... Как видите, моя жизнь вряд ли интересовала бы журналистов, если бы не эта шумиха вокруг гимна.

— Встречаясь с вами, я вспоминаю фильм А.Тарковского «Зеркало», где главной героиней выступает мать режиссера, работающая корректором. Через нее и ничем не примечательную службу этой женщины Тарковский показывает случайность человеческих радостей и трагедий. И все-таки, Майя Михайловна, как так получилось, что во время войны вы оказались в эвакуации в Уральске, а ваша мать «жила на оккупированной территории во время войны» и после войны из-за такой формулировки не могла устроиться на работу?

— Летом 1941 года мы с сестрой и мамой отдыхали в Доме отдыха писателей в Марьиной Горке. Буквально за несколько дней до начала войны моя сестра заболела корью. И мама, опасаясь, что заразятся другие дети, уехала в Минск, оставив меня на попечении семьи Пятруся Бровки. Я помню, как приехали за нами на грузовой машине Бровка, Вольский, Кучер... Началась бомбежка. Вещей с собой мы не брали. Да и какие вещи, когда в разгаре лето? Но байковые одеяла мы в дорогу взяли, и я помню администратора, который ругал Бровку за самовольство в отношении казенного имущества... Так мы доехали до Рославля и там пересели в поезд, следовавший на Урал. Мужчины пошли в военкомат на мобилизацию. Вы же знаете, что Беларусь немцы оккупировали молниеносно, поэтому на открытие призывных пунктов времени не было, как скажем, в России. Если в двух словах, то жили мы с семьями Бровки и Бядули в селе новые Бурасы Саратовской области почти до зимы. Одежды — никакой, работы — тоже. Решили ехать с эшелонами в Алма-Ату.

— Змитрок Бядуля умер во время этого переезда?

— Да. Самуил Ефимович стал заходить в поезд, держась за поручни, и умер на ходу. Сердце не выдержало нагрузки. Похоронили его там же, в Уральске. Мы уже никуда не уехали. Я осталась жить с семьей Бядули. Вскоре меня определили в детский лагерь под Саратовом, а позже привезли в Москву к родителям.

— Майя Михайловна, послевоенный период был особенным для вашей семьи? Утверждение гимна, признание властью, отцовские гонорары, окончание института, самостоятельная жизнь дочери писателя...

— У меня в жизни было ВСЕ. Как, впрочем, у большинства людей: смерть близкого человека, тайная и красивая влюбленность, рождение детей, внуки... Что же касается отцовского гонорара за стихи к гимну, то 40 тысяч рублей мама поделила на троих: сестре, себе и мне. Но эти деньги быстро закончились. Машины мы не нажили, дачи тоже. Тем более что мама после войны не работала. Государственные мужи о нашей семье не заботились. А зачем? Автор же умер. Да и сейчас никто не тревожит меня звонками. Нынешним властям моя жизнь не интересна.

— А вы сами обращались к кому-нибудь за помощью, ведь, как я понимаю, если человек в вашем возрасте работает, значит, живется ему несладко?

— Упаси Боже вступать в какие-либо отношения с нашим государством! А работаю, чтобы помочь внучке закончить учебу. Она — второкурсница художественного училища имени Глебова. В то же время мне не хочется сидеть дома и ждать смерти. Разве может что-нибудь скрасить старость больше, чем твоя востребованность обществом? Смерти я не боюсь, но кладбища посещать не любитель. Почти не бываю там — все близкие и родные живут в моей памяти. Не хочу, чтобы и моя могила была. Зачем?

Оформить протоколом

Экспериментальная нация

Галина ШАРАЕВА

Накануне очередной годовщины чернобыльской аварии традиционно было много пресс-конференций, выступлений, статей. Чиновники разного уровня нас опять убеждали, что в республике делается все возможное для минимизации последствий взрыва на ЧАЭС, что нормы по продуктам питания у нас едва ли не самые жесткие в Европе. Это — неправда.

IREX/ProMedia

Есть или не есть? — вот в чем вопрос

Сравним установленные в России и Беларуси предельно допустимые нормы содержания радионуклидов цезия в продуктах питания:

(Беккерелей на л или кг)	
Россия	**Беларусь**
Молоко и молочные продукты	
50	100
Мясо и мясопродукты	
160 (птица — 180)	говядина, баранина — 500, свинина, птица — 180
Хлеб и хлебопродукты	
40	40
Мука, крупа	
60	60
Рыба	
130	не нормируется
Овощи	
130	100
Фрукты, ягоды	
40	40 (фрукты), 70 (садовые ягоды), 185 (дикорастущие)
Грибы свежие	
500	370
Грибы сушеные	
2500	2500

В 1999 году, когда в Беларуси и были приняты эти предельно допустимые нормы, в постановлении тогдашнего главного санитарного врача республики Валерия Филонова было прямо указано: «С целью дальнейшего сближения республиканских допустимых уровней с допустимыми уровнями, принятыми в Российской Федерации, по содержанию радионуклидов цезия-137 в молоке и говядине... Министерству сельского хозяйства и продовольствия, Комитету по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС совместно с облисполкомами во II-III кварталах 1999 года определить объемы защитных мероприятий и обеспечить их реализацию в 2000 году». Уже в 2001 году страна должна была иметь новые, более жесткие нормативы по предельно допустимым нормам. Но защитные мероприятия проведены не были, а браковать по-прежнему «грязные» молоко и мясо врачам не позволили из экономических соображений. Все это мы теперь едим...

И все-таки документ о предельно допустимых нормах загрязнения уникален тем, что у него есть авторы. В соответствии со всеми атрибутами научной работы отдельно указано, кто над нею трудился. Это профессор Я.Э.Кенигсберг, к.м.н. Е.Е.Буглова, к.м.н. В.Е.Шевчук и Е.О.Зайцев, которые представляют Научно-исследовательский клинический институт радиационной медицины и эндокринологии Минздрава РБ. Вероятно, эти уважаемые люди могут объяснить себе и коллегам, почему для белоруса безопасно молоко с загрязнением в 100 Бк/л, а россиянин может захворать от превышения 50 Бк/л. И это при том, что Беларусь — небольшая страна, где чернобыльскую радиацию уже 16 лет накапливает в себе практически каждый житель, а в необъятной России есть чукчи, якуты и представители других народов, которые в 1986-м никакого радиационного удара на себя не приняли, тем не менее медики запрещают скармливать им много цезия. Хотя общеизвестно, что существует предельно допустимая норма облучения, которую человек может накопить за жизнь, — 250 миллизивертов. При ее превышении в организме на клеточном уровне начинаются необратимые патологии, ведущие к самым разным заболеваниям. Достоверно известно, что в Беларуси предельно допустимую норму уже «накопило» более 2 млн человек...

Впрочем, нормы — понятие достаточно условное: сами для себя мы их приняли, сами и отменяем (или не отменяем). Как результат — белорусская санэпидемслужба может рапортовать, что практически не выявляет случаев превышения предельно допустимых норм ни по мясу, ни по молоку. Дескать, не волнуйтесь, граждане, ситуация стабилизировалась, и не так страшен Чернобыль, как его малюют. И ведь не лгут, шельмы! Другое дело, что получить документ с этими самыми нормами — целая проблема, а уж уговорить чиновника сделать сравнительный анализ (хотя бы сравнить с нормами, принятыми у ближайших соседей) — сродни просьбе огласить шифры правительственной связи. Конечно, кто ж скажет, что наша «чистая говядина» — это 500 Бк/кг, а российская — 160?

«Тяжелый металл» на зуб не попал?

Вся территория Республики Беларусь после чернобыльской аварии объявлена зоной экологического бедствия. Вся! И сегодня, спустя 16 лет после аварии, специалисты констатируют лишь то, что снизилось внешнее облучение наших с вами организмов (слава богу, «пыхтеть» станция перестала), а вот снижения внутреннего облучения не наблюдается. И упор на цезий-137 мы делаем только потому, что более чем на 90% радиационное воздействие на наш организм оказывают именно долгоживущие радионуклиды цезия. Хотя есть еще стронций, плутоний, америций...

Цезий и стронций являются легкими радиоактивными аэрозолями йода-131. После аварии вместе с воздушными потоками они распространились на большие расстояния. Тяжелые аэрозоли трансурановых элементов, среди которых плутоний и америций-241, по утверждению ученых, переместились недалеко от места аварии и опустились в основном в так называемой 30-километровой зоне и частично в Могилевской области. До 80% америция-241 и плутония находится в почве. Многие ученые считают, что из-за большого периода полураспада америция (а он будет длиться еще 1000 лет) обеспечить население абсолютно чистыми продуктами питания в этих зонах вообще невозможно.

После аварии суммарное загрязнение цезием-137 (более 4 кБк/м^2) имеет 70% территории Беларуси. Именно поэтому вся страна объявлена зоной экологический бедствия. И прогноз таков: площадь территории с уровнями загрязнения почвы цезием-137 более 37 кБк/м^2 к 2016 году уменьшится только в 1,5 раза (это 16% территории Беларуси), к 2046 году — в 2,4 раза (около 10%).

Что же касается дня сегодняшнего, то регионы Беларуси по уровню внешнего загрязнения в принципе не сильно отличаются друг от друга. Среднее значение суммарной бета-активности радиоактивных осадков составляют: Браслав — 0,7 Бк/м^2 в сутки, Мозырь — 1,0, Минск — 0,8, Гомель — 0,9.

Есть и другие интересные данные: в 2001 году наблюдался рост (по сравнению с 2000-м) количества населенных пунктов, где средний уровень содержания цезия-137 и стронция-90 в молоке превышал допустимый уровень. Это наблюдалось в Брестской, Гомельской и Могилевской областях. Специалисты даже составили для внутреннего пользования «черный список» населенных пунктов, где буренки и их молоко устойчиво «фонят».

Вот этот «черный список»

По цезию-137 предельный уровень превышался на протяжении 1999-2001 годов:

Брестская область — Ольманы, Н.Поселок (Столинский район), Намокрово (Лунинецкий район);

Гомельская область — Светиповичи, Юрковичи (Ветковский район), Буда (Житковичский), Шарейки (Калинковичский), Будище, Красный берег (Чечерский);

Могилевская область — Боровая (Краснопольский), Дубно (Славгородский).

Что касается стронция-90, то его превышение в молоке и картофеле регистрировалось на протяжении 1997-2001 годов в 109 населенных пунктах; в 9 населенных пунктах Брагинского и Хойникского районов превышение регистрируется на протяжении всего этого периода. Тем не менее и местные колхозы, и люди держат коров, выращивают картофель, едят все это и предлагают нам.

Мы знаем то, что ничего не знаем

Но о чем это мы? Кому, кроме ученых, интересен период полураспада америция или цезия? Радиация ведь не пахнет, а наш народ привык все щупать собственными руками, пробовать на зуб. Появилось даже расхожее мнение, что не так уж и страшна эта радиация. И только чудаки-одиночки отваживаются сегодня говорить об опасности, которую таят в себе малые дозы радиации. Не принято это в нашей стране, у нас главенствует другая государственная политика — по вовлечению их в хозяйственный оборот и скармливанию выращенных здесь продуктов собственному народу. В ряде загрязненных районов даже существуют распоряжения, согласно которым местные магазины обязаны продавать продукты питания местного прозводства. Это провинциальным властям выгодно, поскольку налог останется в местной казне. И никто не бунтует исходя из того простого соображения, что все мы когда-нибудь умрем.

Кстати, о смерти. Возможно, есть серьезные исследования статистики смертей, но широкой научной общественности они не известны. Хотя ученые говорят о следующей тенденции. С 1986 года смертность в Беларуси растет катастрофическими темпами. Но удельный вес умерших от широко распространенных болезней держится в пределах 80-84% (в 1989 году наблюдался рост до 90,1%). Число умерших от злокачественных новообразований снизилось с почти 17 до 14%. Все чаще в мир иной стали уходить люди пьющие (рост почти в 2 раза). Думается, эти данные должны стать предметом серьезного изучения.

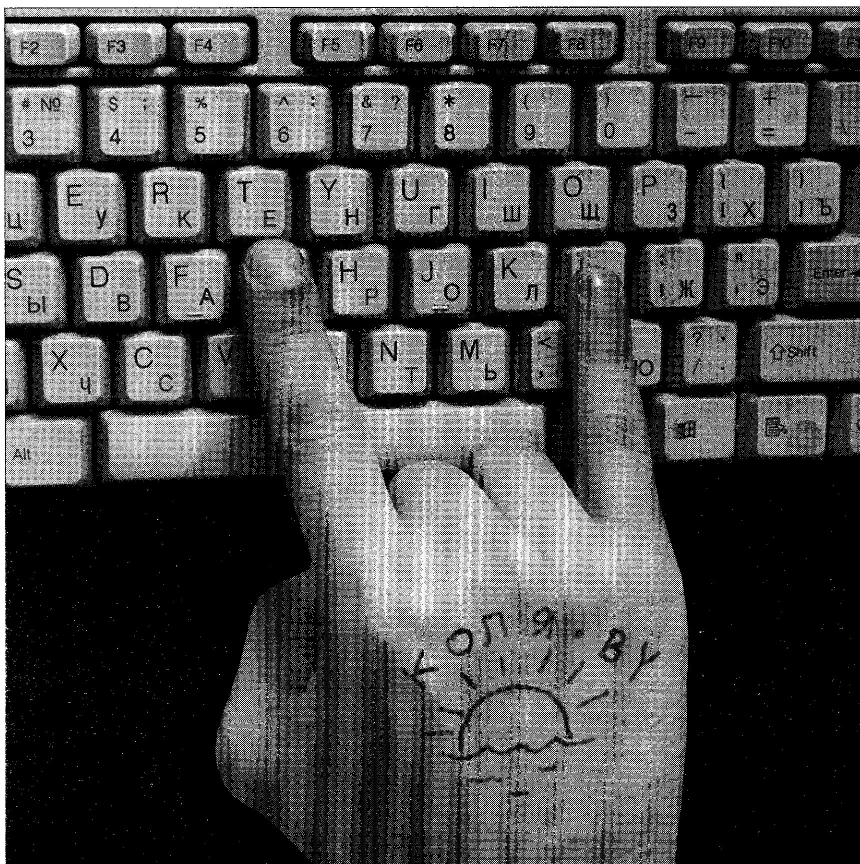
Есть и другая статистика. За шестнадцать постчернобыльских лет наиболее часто выявлялся «радиационный» рак щитовидной железы, органов дыхания, молочной железы, почек, ободочной кишки. По щитовидной железе с начала 1990 года выявлено 8 602 больных. А медики, между прочим, ожидали, что главным последствием чернобыльской катастрофы будут острые лейкозы (по крайней мере, именно так было после атомных бомбардировок в Хиросиме и Нагасаки), значительный рост которых пока, к счастью, не наблюдается.

Специалистам уже совершенно понятно, что влияние малых доз радиации — особое. И что попадание в организм «горячих частиц» в малом количестве, но в течение долгого времени ведет к ранее неизвестным трансформациям в организме человека. В частности, предстоит переосмыслить представления о влиянии на организм йодного удара. Долгое время считалось, что именно воздействие супердоз радиоактивного йода в первые дни после аварии впоследствии спровоцировало рост заболеваний щитовидной железы. Однако сейчас, когда изотопы радиоактивного йода превратились в стабильные, рак щитовидной железы все равно продолжает настигать свои жертвы.

Здоровье не купишь, но попробовать нужно

Любое «парадное выступление» по поводу нашей героической борьбы с последствиями Чернобыля содержит рапорт о тех колоссальных суммах, которые страна тратит на эту беду. Остановимся на этом вопросе и мы.

При расчете проекта бюджета в прошлом году на борьбу медиков с последствиями аварии на ЧАЭС было выделено Byb 8 548 млн. Реально потрачено Byb 2 273,3 млн (вероятно, при расчете бюджета не учли, что в стране будут президентские выборы, которые тоже потребуют денег). Но и с этими потраченными суммами нужно разбираться. Болезнь ведь, как известно, легче предупредить, чем лечить. Поэтому логично предположить, что львиная доля выделяемых денег должна уходить на профилактику — на закупку различных витаминных комплексов, оздоровление, научные исследования... Увы! «Чернобыльские деньги» в прошлом году были распределены следующим образом: на приобретение оборудования и специализированного автотранспорта ушло Byb 1 995,4 млн, на проведение спецдиспансеризации населения — Byb 277,9 млн. Мы не пытаемся установить причину болезни, мы по-прежнему делаем упор на то, что болезнь надо диагностировать и лечить. Распределение молодых врачей в районы, пострадавшие от Чернобыля, возведено в ранг государственной задачи. И лишь немногие сегодня отваживаются говорить о том, что при нынешней политике эти молодые врачи едут в пострадавшие районы только для того, чтобы констатировать медленную смерть. Правда, для «радиационной статистики» очень важно, что эта смерть — не всегда от лейкоза.

Пауки среди хакеров

Виктор ДЕМИДОВ

Еще в конце 1999 года Госдепартамент США официально предупредил американские компании, занимающиеся торговлей через Интернет, о повышенной опасности при осуществлении сделок с белорусскими покупателями. Уже тогда статистика мошенничеств с онлайновыми покупками, совершаемым по кредитным карточкам с отправлением товаров в Беларусь, превосходила все мыслимые пределы. Причем, по сообщениям западных СМИ, более 50% преступлений, совершаемых хакерами из стран СНГ, имеют минский след. Эти данные подтверждают и российские эксперты по компьютерной безопасности.

Белорусские компьютерные злоумышленники, как выясняется, принципиально отличаются от большинства своих зарубежных коллег. Наши не стремятся из чисто спортивного интереса взломать компьютерные системы Пентагона или повредить из-за ненависти к Биллу Гейтсу серверы Microsoft. Они не порождают вирусы. У них отсутствует стремление заявить о себе на весь мир, самоутвердиться в компьютерном сообществе. Белорусские хакеры — люди на редкость меркантильные, ими движет простое как топор желание заработать побольше денег. Поймать таких мастеров бывает сложнее, чем «чистых» хакеров, поскольку многие западные компании, оказавшиеся их жертвами, молча мирятся с понесенными убытками. Ведь в случае огласки ущерб от подпорченной репутации будет намного выше: клиенты и деловые партнеры просто не захотят иметь дело с фирмой, компьютерные сети которой оказались плохо защищенными.

Впрочем, внутри самого компьютерного сообщества наших интернет-мошенников именуют не хакерами, а кардерами — из-за того, что в подавляющем большинстве краж они используют кредитные карты.

Хроника противостояния

Впервые преступление, совершенное белорусами в информационной сфере с использованием компьютерной техники, было официально зарегистрировано в Минске 20 ноября 1998 года.

В начале 2000 года Беларусь посетила делегация американских полицейских чиновников. Они вели с белорусскими коллегами переговоры о защите от атак наших хакеров — тогда впервые стало известно, сколь серьезно США оценивают исходящую от Беларуси угрозу своей компьютерной безопасности.

Середина 2000 года. В Беларуси введен в действие новый Уголовный кодекс. В нем появляется раздел XII «Преступления против информационной безопасности» (статьи 349-355). Предусмотренный максимальный срок заключения — 10 лет, по значительной части статей — до 7 лет.

В начале 2002 года на одной из пресс-конференций заместитель начальника Управления оперативно-организационной работы криминальной милиции Министерства внутренних дел РБ Игорь Черненко признал, что в нашей стране неуклонно растет количество компьютерных преступлений. И даже назвал конкретные цифры: за 2001 год в республике выявлено 429 компьютерных преступлений. И это при том, что за 1999-2000 годы было раскрыто лишь три подобных преступления.

Типичный пример: 12 февраля 2001 года сотрудники ГУВД Мингорисполкома задержали в белорусской столице двух молодых людей по обвинению в «незаконных действиях с использованием компьютерной техники». Так была обезглавлена хакерская пирамида, до этого успешно «обувавшая» ряд немецких фирм, которые занимались продажей фототехники. Примерный ущерб от незаконных сделок составил около Dem 50 тысяч.

В середине июня того же года на скамье подсудимых оказался 21-летний студент минского экономического вуза, обвиняемый в совершении многочисленных хищений из интернет-магазинов разных стран мира. Суммарный ущерб от его деятельности составил около Usd 30 тыс., причем это только по фактам, которые следователям удалось выявить и доказать. Дело рассматривалось в районном суде Минска. Студент был приговорен к четырем годам лишения свободы. Он стал первым в Беларуси осужденным за совершение краж с использованием компьютерных технологий.

Примерно тогда же, в середине 2001 года, были одновременно задержаны 26 членов хакерского клана, специализировавшихся на махинациях с кредитными картами. Добывая при помощи Интернета номера чужих кредитных карт и данные на их владельцев, белорусские кардеры отоваривались в онлайновых магазинах по всему миру — от Новой Зеландии до Бельгии и Германии. Белорусская милиция узнала о происходящем от Интерпола, в который в свою очередь обратилась немецкая фирма Fotojank. По словам руководства этой компании, белорусские кардеры похитили партию цифровых фотоаппаратов в общей сложности на Dem 69 тысяч.

Над разгромом этого клана совместно работали Следственный комитет по Минску городского управления Комитета по борьбе с организованной преступностью и коррупцией, отдел по экономической преступности Октябрьского РУВД, информационно-аналитический отдел криминальной милиции ГУВД, Государственный центр безопасности информации при президенте РБ, а также КГБ и таможенные органы. Когда был определен круг подозреваемых, спецслужбы провели более десяти обысков, причем одновременно, чтобы информация о «мероприятиях» не успела распространиться в тесном компьютерном мирке Беларуси. Операция, проведенная сотрудниками белорусских спецслужб, была уникальной, и это признали их коллеги во многих странах мира. Фактически впервые в истории компьютерных преступлений правоохранительным органам и спецслужбам удалось, что называется, на корню уничтожить целый хакерский клан.

В отношении всех задержанных были возбуждены уголовные дела по ст.212 нового Уголовного кодекса РБ, вступившего в силу с 1 января 2001 года — «Хищение путем использования компьютерной техники». Предусмотренное этой статьей наказание — от 6 до 15 лет с конфискацией имущества. Тем не менее большинство из 26 задержанных были вскоре отпущены под подписку о невыезде. Следователи не сочли их серьезными преступниками: все, кого отпустили — компьютерные специалисты высокого уровня (несмотря на свою молодость) и особой опасности для общества не представляют. За решеткой остались только организаторы и «духовные отцы» клана.

Студенты учатся

Сотрудник одной минской фирмы, которая помимо прочего занимается разработкой программных средств защиты компьютерных сетей, 26-летний программист Сергей согласился рассказать о своем ремесле и кое-что показать, но честно предупредил: «Сенсаций не жди — все очень буднично».

Главный принцип компьютерных мошенников: «Не хочешь быть пойман — не отсвечивай». Сергей живет в обычной обшарпанной пятиэтажке, одевается неброско. Впечатление резко меняется, когда мы заходим к нему домой — в двухкомнатной «хрущобе» он сделал евроремонт. Полки забиты книгами: всякий серьезный хакер уделяет чтению времени намного больше, чем простой обыватель — телевизору.

— Кто чаще всего становится хакером? Что это за люди?

— Ну если брать хакеров в первоначальном смысле этого слова, то это прежде всего специалисты, досконально разбирающиеся в тех или иных аспектах информационных систем. Например, в тех или иных операционных системах, сетевых протоколах, прикладном программировании. Опять же, это талантливые студенты, пробующие свои силы, пользуясь халявным университетским доступом. Много хакеров среди людей, профессионально работающих с компьютерными сетями — профессия располагает. Впрочем, все зависит от конкретного человека. Сидит, например, сотрудник фирмы-провайдера на ночном дежурстве в офисе, делать нечего. Кто-то будет ночь напролет в игрушки играть, а кто-то, кто поумней, — в сетях копаться, мануалы читать, экспериментировать. Такие в результате и становятся хакерами. Но это те, кто подходит к делу серьезно.

Есть еще масса любителей «хакерской романтики». Это подростки и студенты, насмотревшиеся фильмов про хакеров и имеющие компьютер и доступ в Интернет. Такие не стремятся чему-то серьезно учиться, часто даже английского не знают. Они просто лазят по различным псевдохакерским сайтам, ищут информацию, как взломать то или это, скачивают «хакерские» программки и пытаются что-то сделать — просто похулиганить или украсть что-нибудь. Обычно их быстро ловят и проводят «воспитательную работу», после чего те и к калькулятору боятся подходить. Таких обычно не сажают — просто штрафуют и делают внушение родителям. Настоящие хакеры их просто презирают и называют «кулхацкерами».

Ну и третья, достаточно большая группа — те, кого и хакерами по большому счету назвать нельзя. Это люди, которые неплохо разбираются в компьютерах и Интернете, но используют свои знания исключительно на пользу собственному кошельку. Попросту говоря, «доят» америкосов и прочих западников.

— А ты к какой группе себя причисляешь?

— Наверное, к некоему гибриду первого и третьего вариантов.

— Есть ли в Беларуси люди, которые нигде не работают и добывают средства на жизнь исключительно кардингом?

— Есть. Человек, наверное, 150. Точно сказать не могу.

— И каков их средний возраст?

— Сложно сказать. Среди тех, с кем я лично знаком — года 22-23. В целом публика молодеет.

— Что ты можешь сказать о тех ребятах, которых арестовали и судили за компьютерные преступления?

— Видишь ли, у нас арестовывают и судят за такие дела только в двух случаях. Первый — если западные спецслужбы сами находят виновного и «показывают пальцем» нашим оперативникам на конкретного человека. Второй случай — когда наши службы каким-то образом выходят на горе-хакера и выясняется, что это обычный, не слишком талантливый компьютерный воришка, не имеющий глубоких знаний и нахватавшийся «инструкций» по хакингу в Интернете. Таких — да, сажают или крупно штрафуют.

— А остальные? Их что, просто поймать не могут?

— Как тебе сказать... За рубежом талантливым хакерам в случае поимки обычно предлагают работать на спецслужбы. Причем не обязательно именно в качестве компьютерных взломщиков. Ведь любой хакер автоматически еще и отличный специалист по компьютерной безопасности, хорошо знающий уязвимые места самых различных информационных систем. Хакеры, как правило, соглашаются на подобное «сотрудничество» — это ведь лучше чем тюрьма. И я не могу их осуждать. У нас есть такая структура — Государственный центр безопасности информации. Он-то, говорят, и занимается подобными вещами.

Государственный центр безопасности информации (ГЦБИ) при президенте Республики Беларусь — структура, которая очень не любит афишировать свою деятельность. По некоторым данным, наряду с чисто «бюрократическими» функциями (выдача лицензий компьютерным фирмам и т.п.) она выполняет и функции «служебистские», в частности, по мониторингу интернет-трафика. Есть интернет-провайдеры, услугами которых ни один грамотный хакер не станет пользоваться — скажем так, из осторожности. К примеру, некая частная фирма-провайдер находится в одном здании с Государственным центром безопасности информации. Говорят, доходит до того, что сотрудники ГЦБИ используют для своих служебных вечеринок компьютерный класс этой фирмы. Не присутствовал — не знаю, но думаю, есть основания осторожничать.

С другой стороны, не секрет, что люди в погонах интересуются не только хакерами, но и регулярными посетителями (и, разумеется, создателями) оппозиционных интернет-ресурсов. Не является секретом и тот факт, что получить лицензию Минсвязи на свою деятельность интернет-провайдер может только в том случае, если установит у себя специальное оборудование, позволяющее спецслужбам контролировать передающиеся данные. Справедливости ради отметим, что это не только белорусская практика — так же поступают в большинстве развитых стран мира, в том числе в России и США.

Кто кого?

...Полночь. Устраиваемся возле компьютера, Сергей устанавливает связь. Первым делом — проверка электронной почты. Почти час Сергей внимательно просматривает многочисленные рассылки, посвященные проблемам компьютерной

в Паутине

Доложить

стран СНГ лидируют белорусы

безопасности, пришедшие за последние сутки. Что-то копирует в архив, но большую часть информации, просмотрев, просто удаляет.

— А тебя не могут отследить, заинтересовавшись, почему ты получаешь так много столь специфических рассылок?

— Смеешься? Читать их, между прочим, — еще и моя служебная обязанность. Так что придраться в данном случае сложно. (Вообще, к вопросам собственной безопасности серьезные хакеры подходят очень сурово, а у профессионалов в этом «бизнесе» осторожность зачастую граничит с настоящей паранойей. — **В.Д.**) Когда спецслужбы приходят «по твою душу», они первым делом конфискуют компьютер и очень внимательно просматривают всю хранящуюся в нем информацию. Поэтому ни один серьезный компьютерный мошенник не держит на своем ПК хакерские программы и «рабочую» информацию. «Нехорошие» программы либо записывают на компакт-диск (CD-R) и хранят в надежном месте, либо просто каждый раз заново скачивают из Интернета, а после работы удаляют. И всегда в обязательном порядке стирают из памяти компьютера все данные о своем пребывании в Сети — так называемые логи.

Кроме того, ни один настоящий хакер не станет ввязываться в околохакерские дискуссии на различных форумах, в чатах и так далее. Читать чужие мнения — это да, а самому лезть — упаси боже! Ведь эти тематические форумы внимательно читают и те, кому по службе положено хакеров ловить. Иногда они даже сами инициируют ту или иную дискуссию, стараясь «выманить из норок» своих потенциальных подопечных. Ну и, разумеется, с домашнего компьютера любой хакер только самые невинные вещи делает: разведку проводит, информацию собирает, техническую документацию ищет. Сама «акция» обычно проводится из какого-либо интернет-кафе или пункта коллективного пользования — благо, и того и другого в Минске сейчас предостаточно. Тем более что собственно «операция» обычно занимает совсем немного времени в отличие от подготовки к ней. И никогда нельзя два раза подряд «работать» из одного и того же места. Очень важно не примелькаться, не выделяться из общей массы посетителей, чтобы дежурный администратор интернет-клуба не запомнил твое лицо. Хотя эти ребята, как правило, всегда сами на стороне хакеров — ничто человеческое этим подрабатывающим студентам не чуждо. Более того, лично у меня отличные отношения с несколькими такими администраторами, и я всегда могу прийти в пару-тройку интернет-кафе и посидеть на халяву в Сети. Но, конечно, подставлять «своего» администратора я никогда не стану. Хотя реальность такова, что с администраторов интернет-кафе, каким бы криминалом оттуда не занимались, всегда взятки гладки. Они же не обязаны запоминать всех клиентов в лицо — десятки компьютеров, сотни посетителей за смену...

— Откуда берутся такие данные, как, например, реквизиты кредитных карточек?

— Существует масса общеизвестных способов. Самый грязный в прямом смысле слова — trashing, то есть попросту рытье в мусорных баках магазинов и контор, которые каким-либо образом имеют отношение к кредиткам (супермаркеты, различные службы банков и так далее). Там часто можно найти выброшенные счета, расчетные бумаги и другую полезную информацию. Многие заводят себе подругу или друга в супермаркете или банке, и те начинают поставлять им номера реальных кредиток. Другой вариант, который, например, предпочитаю я, — работа с порносайтом. Все достаточно просто. Создаешь на каком-либо бесплатном сервере собственный порносайт, благо, «добра» для его создания в Сети — завались, а затем раскидываешь везде, где сможешь, рекламу вроде такой: «Тонны самого жесткого порно! Всего за 5 долларов — неограниченный трехмесячный доступ!» Разумеется, любителю «клубнички» необходимо расплатиться кредитной картой, на Западе это — норма. Так ты и получаешь все необходимые данные — номер кредитки, срок ее действия и имя владельца. Схожий вариант — когда посетителю твоего порносайта предлагается вообще бесплатный доступ к содержимому (нередкий в Интернете вариант), а ввести данные кредитки нужно для того, чтобы доказать свое совершеннолетие. То есть эмулируется система проверки возраста типа AgeCheck. А все полученные таким образом данные автоматически отправляются на твой заранее зарегистрированный анонимный электронный почтовый ящик. Конечно, все делается на английском языке и ориентируется на «западников» — никаких даже намеков на нас!

— Есть же программы — генераторы номеров кредиток...

— Они давно уже неактуальны. Году так в 1997 ими еще можно было пользоваться, но вскоре подобные штучки перестали проходить.

Тысяча и один способ

Способы зарабатывания денег еще никто не сосчитал. Самое сложное в работе кардера — получить на руки украденные тем или иным способом деньги, отмыть их. Классическая схема, стремительно уходящая в прошлое, такова: после того, как в распоряжении мошенника оказываются номера кредитных карточек и данные их владельцев, в интернет-магазинах или на онлайновых аукционах приобретается техника, по возможности дорогая и компактная: ноутбуки, компьютеры-«наладонники», цифровые фотоаппараты, сотовые телефоны, дорогие часы и тому подобное. Популярна также покупка запчастей для престижных иномарок под конкретный заказ и не очень дорогих изделий из золота. Затем посредством международных агентств экспресс-доставки эти «покупки» прибывают в Беларусь, причем в роли получателя обычно выступает какая-нибудь тихая старушка, которую органам и допрашивать-то в случае чего совершенно бесполезно. Такой адресат, как правило, не имеет никакого понятия о том, что является частью схемы международного мошенничества. Спустя какое-то время объявляется кардер или курьер от него, старушка отдает ему посылку, получает свою прибавку к пенсии, и они расстаются — до следующего раза.

Однако кардинг в классическом исполнении уже не слишком популярен — спецслужбы тоже чему-то научились за последние годы, и приведенная выше схема теперь достаточно уязвима, что узнали на собственном горьком опыте уже десятки человек. Так что нынешним белорусским кардерам постоянно приходится изобретать что-то новое, и каждый профессионал этой сферы преступного бизнеса имеет собственное ноу-хау. Например, один из белорусских компьютерных мошенников практиковал следующую схему: купленный по «левым» кредиткам товар отправлялся обычной почтой на адреса случайно выбранных белорусских и российских фирм. На белорусской почте эти посылки таинственным образом терялись. Впрочем, не совсем таинственным — там работала сестра этого самого кардера. Кстати, его так и не поймали, а действовать подобным образом он перестал по совершенно другим причинам.

Сейчас белорусские кардеры освоили еще один интересный способ зарабатывания денег, избавленный от такого рискованного момента, как личное получение украденного товара. Сначала открывается вполне легальный счет в западном банке. Затем украденные реквизиты кредитных карточек используются для игры в онлайновых казино где-нибудь в США, Нидерландах или Австралии (в России они тоже имеются, но с ними кардеры стараются не иметь дел). В случае проигрыша кардер ничего не теряет, а заранее принятые меры безопасности сводят вероятность того, что его вычислят, практически к нулю (да и суммы потерь обычно недостаточно велики для начала международного расследования). Зато в случае выигрыша кардер возвращает на счет владельца кредитки сумму, на которую делал ставки, а сумму собственно выигрыша переводит на свой банковский счет. Соответственно и в полицию никто не заявляет: администрация казино просто не в курсе, что играл не настоящий владелец кредитки, а этот самый владелец просто ничего не замечает, так как с его счета деньги никуда не пропадают. Просто и со вкусом. Белорусская, между прочим, разработка.

— Сейчас многое меняется, — рассказывает Сергей. — Те же онлайновые аукционы и интернет-казино предоставляют хакерам гораздо больше возможностей, чем интернет-магазины. Тут уже все зависит от фантазии и сообразительности. Например, через аукционы можно неплохо отмывать деньги: купил у кого-то вещь, перепродал ее несколько раз там же — и все, руки чистые. Хотя, конечно, есть и там свои нюансы... Сейчас набирает силу интернет-банкинг. Скоро, думаю, и эту сферу мы будем использовать.

Человеческий фактор

— Какие системы среди хакеров считаются «неприступными», а какие — слабо защищенными?

— В действительности самое слабое звено любой системы — человек. Если ты в качестве сетевого пароля используешь имя любимой кошки, написанное задом наперед, то не удивляйся, что к тебе очень быстро наведаются незваные гости, какие бы средства защиты от атак из Интернета у тебя не стояли. Ведь хакер перед атакой обязательно собирает всю доступную информацию о потенциальной жертве и применяет ее по полной программе. Для такого подхода уже давно есть специальный термин — «социальная инженерия». Ну и, разумеется, хакерам очень помогает недобросовестность системных администраторов. Хакеры ведь очень внимательно следят за такими вещами, как новые обнаруженные «дыры» в программном обеспечении, используемом их «объектами внимания». То же самое должны делать и сисадмины, но лень, лень... Вот хороший пример: неделю назад бразильские хакеры взломали два сервера корпорации Microsoft. Серверы, разумеется, использовали программное обеспечение от самой Microsoft. Так вот: эти хакеры воспользовались «дырами» в этом ПО, которые были обнаружены и обнародованы еще год (!) назад. Тогда же была выпущена специальная программная «заплатка», устраняющая эту уязвимость, но в самой Microsoft ее, видимо, просто поленились поставить. Человеческий фактор — против него любая техника бессильна.

Работа хакера — это на 99,9% рутина. Все выходные Сергей в светлое время суток читал, спал, смотрел телевизор или делал что-то по дому, а в темное — копался в Сети. Читал новости компаний, занимающихся компьютерной безопасностью, лазил по многочисленным онлайновым казино, сопоставляя различные параметры и выясняя, какие технологии в них применяются, скачивал новые версии программ и музыкальные файлы. Как мне показалось, ничего противозаконного...

Для служебного пользования

Рассмотреть и представить проект решения

Телезона

в эфире БТ царят скука и убогость, а вот о самой «телекухне» можно снять захватывающий сериал

Ирина ХАЛИП, Леонид МИНДЛИН

Как сообщают наши источники, реформирование БТ-1 завершается. Уже оборудован второй электронный КПП на «штабном» пятом этаже. Закуплены телекамеры и мониторы для внутреннего наблюдения. Отныне внешний периметр телезоны прикрывают милицейские кордоны, внутренний — под присмотром режимного отдела. Отдел этот и есть квинтэссенция телевизионной Реформации НГТРК.

...Плюс секьюритизация

15 ноября 2001 года председатель НГТРК подписал приказ о создании отдела по режиму. Над миром еще звучало эхо 11 сентября. И хотя 17-этажный «столбик» по улице Макаенка, 9 в качестве объекта потенциальных атак «Аль-Каиды» нигде не фигурировал, антитеррористический мотив стал формальным прикрытием для создания спецслужбы на БТ-1. Притянутость за уши этого мотива очевидна. Даже если террористы вдруг ворвутся в центральную аппаратную Белорусского телевидения, это им шиш поможет: передатчик находится в Колодищах, и достаточно одного щелчка рубильника, чтобы прекратить безобразие и запустить любой другой канал. Впрочем, возможные варианты в данном случае даже обсуждать бессмысленно: едва ли бен Ладен бегает по горам с воплями о немедленном захвате Белорусского телевидения.

Кстати, 11 сентября 2001 года БТ умудрилось вообще проигнорировать в своих новостных выпусках теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне, хотя видеоинформация телекомпаний и агентств поступала в Минск по различным каналам связи. Понять можно: Александр Лукашенко праздновал победу на президентских выборах. Ликовали также на пятом, шестом и седьмом этажах БТ — его руководители и АТН. Они снова поверили в собственное светлое будущее. По крайней мере, еще на несколько лет. Ведь 9 сентября президентская команда свою задачу решила. Но выиграть сражение — совсем не значит выиграть войну. «Ultima ratio» режима — силовые структуры — и после выборов на казарменном положении. А действия подразделения информационной войны — НГТРК — главнокомандующий оценил весьма критически. Поэтому поставлены новые задачи по борьбе с врагом внешним (промывание мозгов электорату) и борьбе с врагом внутренним (выявление неблагонадежных среди «телевизионного» народа). С первой задачей возникли проблемы. Чтобы промывать чужие мозги, нужно иметь собственные, способные генерировать идеи. Вспомните, какие идеи нагенерировали за семь лет мозговые центры власти в области экономики, политики, культуры, идеологии, борьбы с коррупцией? Только в одной сфере наблюдается явный прогресс — в политическом сыске и подавлении инакомыслия.

БТ-1 когда-то назвали «зеркалом власти». Став одной из охранно-репрессивных систем этой власти, оно с точностью воспроизводит ее методы, стиль, цели. Есть свой телевизионный «батька» (правда, нынешний скорее «сынок»). Есть послушная вертикаль. Есть виртуальные профсоюзы. Есть, наконец, отсутствие результата — низкий зрительский рейтинг. Значит, как и большой власти, власти телевизионной нужны свои враги и свои заговоры. Так что Усама бен Ладен и иные гипотетические террористы никакого отношения к созданию режимного отдела не имеют. Тем не менее 15 ноября 2001 года согласно приказу председателя НГТРК была создана своя силовая структура, своя спецслужба, своя охранка — выбирайте любое определение. Та, которая должна все видеть, все слышать и все знать. Все логично: начался завершающий этап реформирования — страны в целом, БТ в частности — секьюритизация.

Тайна девятого этажа

Со времен Гостелерадио БССР в «телестолбике» на улице Макаенка существовала иерархия этажей. Пятый — номенклатурный (здесь испокон веку находились кабинеты председателя и первого зама), девятый — знаковый (здесь сидела редакция пропаганды, или, как ее называли сами сотрудники, — «цековская»). В перестроечные времена на девятый подселили редакцию молодежных программ — тогдашнюю фронду. И стал этаж самым продвинутым: здесь создавались уникальный проект «Молодежный телевизионный центр», программы «Крок» и «Золотая десятка». Здесь прожила бурную, но короткую жизнь студия «Политика».

К маю 1995 года время иллюзий закончилось. В том числе — иллюзий телевизионных. На девятом исподволь возрождался квасной и пропагандистский дух. Окончательно «запахло серой», когда очередной председатель (в данном случае Виктор Чикин) десантировал туда свой идеологический спецназ — типа Новикова и Азаренка. Они и занялись предвыборными спецальными операциями в телеэфире. Никто, правда, не сказал Чикину, что даже для идеологического спецназа эти двое как-то хиловаты. Но ничего лучшего в той команде просто не нашлось.

Когда в конце 2001 года на девятом этаже прописался отдел по режиму, вместе с ним появилась и тайна. Кто-то предполагал, что здесь теперь — место встречи слухачей и стукачей. Говорили даже о каких-то таинственных психотронных генераторах, которые должны превратить телевизионного Homo sapiens в телемутанта. Интеллектуалы уверяли, что отдел будет заниматься персонал-технологиями.

Сотрудников не знали даже в лицо, но вычислили, что чужие. Товарищи в штатском долго не могли адаптироваться к довольно своеобразной «географии» телевизионных коридоров и неуверенно блуждали по периметру в поисках своего кабинета. Сначала их было четверо. Потом — семеро. Шеф спецподразделения прежде носил полковничьи погоны в погранвойсках. По одной из версий, он имел отношение к пограничному ОСАМу (особой службе активных мероприятий).

Всякие непроизводящие службы развиваются, как известно, по законам Паркинсона: забирают как можно больше функций, ведь это штаты, зарплаты, почетное место в ведомственной иерархии, а главное — трудно вычисляемая результативность. Уже с весны 2002 года шеф спецслужбистов возглавил целый департамент, объединивший режимный, кадровый и общий отделы: контроль, досье, документы... В эту цепочку, как вы понимаете, вплетена информация о каждом и обо всех.

Итак, у «пятого этажа» появился эффективный инструмент управления прочими этажами. Сам факт существования режимного отдела сгустил атмосферу неуверенности, недоверия друг к другу, некоего мистического страха перед этими безликими людьми-«компьютерами» в штатском. А в итоге — перед «пятым этажом».

Девятый этаж снова стал знаковым. Именно отсюда — без всяких облучающих генераторов и персонал-технологий — внушают: ты подконтролен, о тебе все знают, за тобой наблюдает Большой Брат, ты бессилен противостоять... Оруэлловский мир, но не литературный, не виртуальный. С подглядывающими телекамерами. С вечным незримым третьим при разговоре по служебному телефону. С персональными магнитными карточками для прохода через КПП телезоны-1.

Режимный «столбняк»

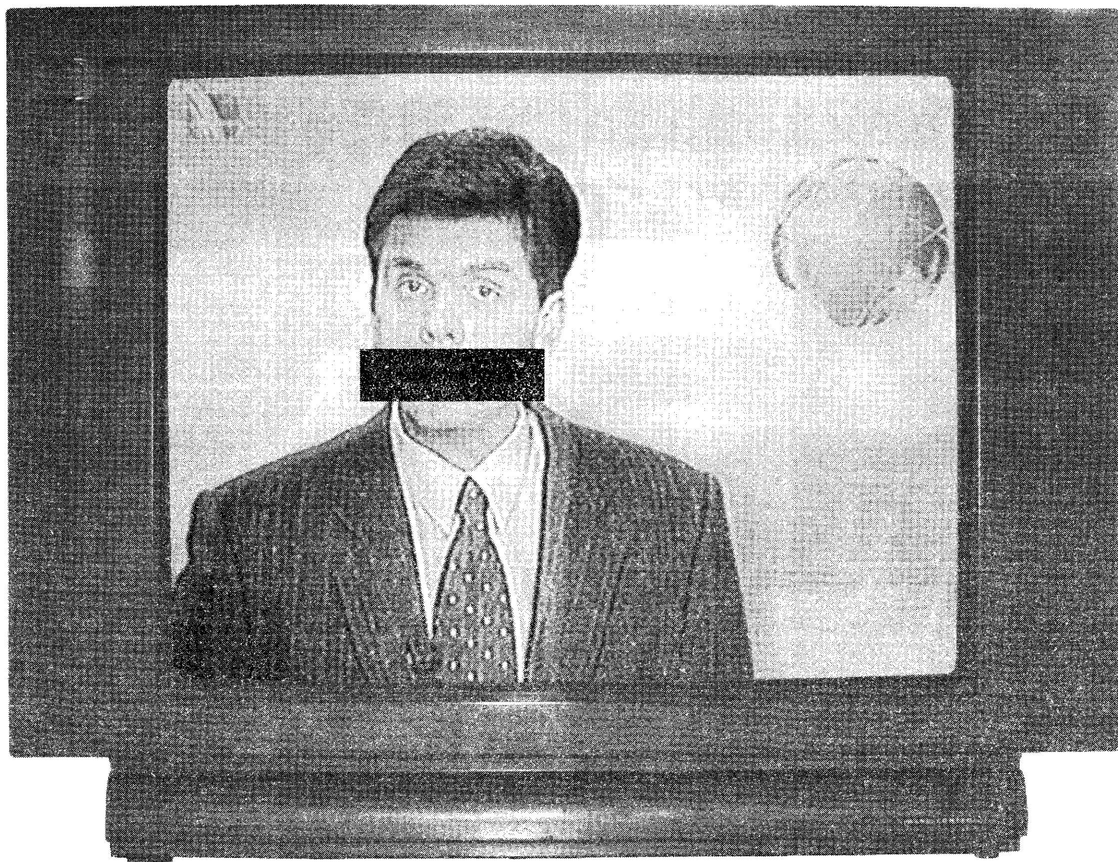
Давным-давно...

В советские времена на телевидении тоже, как вы понимаете, существовал 1-й отдел. Плюс стукачи в каждой редакции. Стукачи, к слову, вычислялись очень просто. Раз в год руководство выделяло (конечно же, по итогам социалистического соревнования) некоторое количество путевок: чаще — в Болгарию, иногда — в Венгрию на озеро Балатон. При этом из сотрудников формировалась группа. Если не в первый, то, по крайней мере, во второй или третий день все безошибочно определяли в группе представителя Большого Брата — именно он следил за тем, чтобы все возвращались в гостиницу не позже 23.00, чтобы знамя социалистического соревнования было поднято высоко и торчало как телеграфный столб в поле. Причем «засланцем» 1-го отдела мог оказаться главный режиссер редакции, выпускающий редактор... Неисповедимы пути спецслужб.

Однако в жизнь журналистов 1-й отдел официально почти не вмешивался. Разве что по мелочи. В те времена не было компьютеров, и журналисты печатали сценарии на казенных пишущих машинках. Так вот, раз в год каждый обязан был в присутствии человека из 1-го отдела напечатать под его диктовку стандартный текст с числом и подписью. Таким образом особисты пытались установить, не печатал ли кто на казенных машинках прокламации и самиздат. Но на телевидении использование казенных машинок для диссидентской деятельности не практиковалось. Так что зря старались ребятишки. А может, и не зря. Им же надо было хоть что-то писать в своих отчетах.

Долгие годы 1-й отдел возглавлял экс-полковник Илья Дондуков. Тихий благообразный человек, он целовал ручки дамам при встрече, на вертухая никак не походил и даже весьма снисходительно воспринимал упоминание собственного имени на телевизионных капустниках. Говорили, он из СМЕРШа. Трудно это подтвердить, но, к примеру, иной персонаж — помощник по крайней мере пяти председателей Гостелерадио по фамилии Братушенко — никогда и не скрывал, что прошел СМЕРШ. Был точно так же тих, а в ответ на вопрос: «Как же вы в СМЕРШе удержались, там же одни волкодавы?!» — по-девичьи всплескивал руками и тихо говорил: «Ах, что вы! Ну какие там волкодавы...»

А вот охраняли здание на Макаенка, 9 обычные менты. Особенность национальной охраны того времени заключалась в том, что внести в здание телецентра можно было даже слона. А вот вынести было невозможно даже того слона, которого вносил на глазах тех же милиционеров. Многие помнят курьезный случай, когда журналистка из молодежной редакции запаслась у знакомого косметолога бидончиком с жидким азотом. (Женщины-читательницы сразу поймут, какое это было сокровище в советские времена, когда всевозможных масок-сывороток-гелей-флюидов в принципе не существовало, и главными средствами ухода за кожей лица были ручной массаж да жидкий азот.) Так вот, она без проблем пронесла на работу этот бидончик, а когда возвращалась с ним, тот самый милиционер, который откозырял ей на входе, вдруг встал в позу — «только через мой труп». И начал занудно допрашивать, что в бидончике, какого черта она выносит неизвестно что из здания телецентра?.. Журналистка некоторое время обреченно слушала всю эту на сегодняшний день даже милую ахинею, а потом, когда надоело, открыла бидончик и выплеснула содержимое в лицо обалдевшему милиционеру. В мгновение ока (жидкий азот все-таки!) Ани-ка-мент покрылся инеем. На бровях засеребрился «свежевыпавший снег», а на заиндевевшем лице застыло выражение полного недоумения. А юная журналистка, слегка сожалея о потере ценного косметического средства, спокойно прошла, помахивая опустев-

шим бидончиком, мимо застывшего «Деда Мороза» в милицейской форме. Он, кстати, на нее и не пожаловался — должно быть, так и не понял, что это было. Решил — пригрезилось: внезапный жуткий мороз на посту, ледяная дробь в лицо — «а Дарья стояла и стыла в своем заколдованном сне».

Нет, в то время все было тоже не слишком просто. Так, в начале 90-х, когда фамилию Лукашенко не знал еще никто, кроме разве что секретариата Верховного Совета 12-го созыва да начальства из Шкловского района, на телевидении обнаружилась комната, сверху донизу нашпигованная аппаратурой для прослушивания телефонов. Судя по всему, именно в этой комнате в советские времена Большие Братья слушали разговоры сотрудников Гостелерадио по служебным телефонам. Потом, когда финансирование столь деликатных и бессмысленных проектов стало сокращаться, слухачи ушли, забыв демонтировать аппаратуру или просто не получив приказа. Давняя история — уже апокриф. Но другая история — приезд после телефонного звонка гэбэшной опергруппы (это еще были 80-е годы) — не легенда.

Интересно, сколько комнат такого рода еще будет найдено в здании телецентра после смены власти?

В 1994 году среди телевизионных ментов, все еще охраняющих телевизионные посты, произошло три самострела. Причем не на входе в здание, а в будке возле гаража. При каких обстоятельствах это случилось, установить теперь наверняка будет трудно. Сотрудникам телевидения выдали версию, будто милиционеры пьянствовали на рабочем месте и стрелялись по пьяни. Как оно было на самом деле, никто и не пытался проверить, но после третьего самострела, говорят, у оставшихся в живых отобрали пистолеты, выдав взамен каучуковые муляжи, которые легко ложатся в кобуру и выглядят как настоящие. Собственно, и без муляжей было понятно, что охрана телевидения по полномочиям — вполне игрушечная. Ее власть проявлялась разве что в выходные дни, если кто-нибудь из сотрудников забывал заранее выписать самому себе пропуск. Дело в том, что в выходные дни появляться на работе было «не положено», и в случае записи передачи, к примеру, следовало заранее заказывать в бюро пропусков все нужные бумажки и для штатных сотрудников, и для участников передачи. Если хоть одна фамилия не была обозначена в пропуске, передача оказывалась на грани срыва. «Не положено» звучало, как сегодня навязшая в зубах фраза из телерекламы. Но — только в выходные. А в рабочие дни милиционерам ничего не оставалось кроме как ковырять в зубах и здороваться с идущими на работу. К этому успели привыкнуть все. Но, как выяснилось, зря расслаблялись…

От тех ментов не осталось даже памяти. Их просто в определенный день перебросили на другие объекты, поскольку телевидению понадобились ребята покруче — с «калашниковыми» за плечами.

Телевидение особого режима. Хронология

1994 год, весна (еще при В.Ф.Кебиче). Первый заместитель председателя Белтелерадиокомпании г-н Поволяев откомандирован из Совмина контролировать освещение предвыборной кампании. Вместе с большими полномочиями он получает личное оружие от власти и прозвище «человек с ружьем» от телевизионных хохмачей.

1995 год, весна (уже при А.Г. Лукашенко). Президентская охрана впервые после выборов сама осуществляет пропускной режим в студию-600 телецентра. На предыдущем прямом эфире президента был обычный режим для входа сотрудников и участников телепрограммы. В это же время арестован генеральный директор БТ Бахтияр Бахтияров. Повод — получение взятки в баре телевидения. Надежные источники в прокуратуре сообщают, что есть санкция на прослушивание телефонов руководящего персонала редакций и дирекций. Возрождается внутренняя цензура. Первой снята с эфира по политическим мотивам программа «Теледебаты» студии «Политика».

1996 год, зима-весна. Появляется «черный список» тех, кому запрещен вход на БТ. Это прежде всего те, кто ушел с телевидения по причинам его профессиональной и политической деградации.

1997 год, зима-весна. Идеологические и специальные службы начинают операцию против собкоров российских телеканалов. Руководство БТ также участвует в спецоперации: российским каналам закрывают перегоны видеоматериалов по каналам релейной связи. Запрет неэффективен — журналисты перегоняют материалы через смоленскую «релейку». В центральную аппаратную БТ поступает указание: перегон разрешить, но параллельно копировать передаваемые «картинку» и звук на дубль-магнитофоны.

2001 год, весна. Ужесточен пропускной режим. Приглашение любого человека со стороны для участия в телепрограмме или для деловой встречи требует череды виз, вплоть до санкции высшего руководства.

2001 год, осень. Создан режимный отдел.

2002 год, зима. Режимный отдел действует. Установлена компьютеризированная система контроля входа-выхода. Изготовлены магнитные карточки (себестоимость каждой — Usd 5). Отныне все передвижения «телевизионного населения» фиксируются компьютером. Для внеурочного входа-выхода — например, сбора сценарного материала, работы в архиве, встречи с героем передачи и так далее — необходимо письменно обращаться в руководящие инстанции.

2002 год, весна. Телевизионные «левши» нашли способы, как надуть систему считывания информации с магнитных пропусков. Мы сохраним в тайне эти ноу-хау. Они ведь еще пригодятся обитателям телезоны. Но и у телевизионной власти есть сюрпризы. Последняя весенняя новость: на телезоне появился собственный нарколог. Судя по всему, к осени «пятому этажу» понадобится штатный психиатр.

Тайна пятого этажа

В здании по ул.К.Маркса,38 Батьку помимо электронных систем охраняют личные секьюрити. И хотя телевизионному начальнику-«сынку» нечто подобное не положено по чину, тем не менее компьютеризированный электронный КПП он заслужил. Наряду с персональным туалетом и персональным автомобилем «Вольво».

Вход-выход через этот номенклатурный КПП требует особой тренировки. Вызванный на прием к председателю НГТРК сотрудник чуть не заблудился однажды в электронных лабиринтах. К слову, прежде на пятый этаж можно было просто попасть по лестнице или доехать лифтом.

Но самая главная тайна пятого этажа: почему чем круче режим, тем хуже телепрограммы и телеинформация? Впрочем, в ближайшем будущем уровень внутреннего вещания значительно поднимется, ведь председатель НГТРК с помощью своего экс-пограничника сможет увидеть белорусский аналог теле-шоу «За стеклом». Для этого уже закуплены 20 телекамер внутреннего наблюдения и мониторы. Поистине увлекательное зрелище для избранных обещает соглашение о поставках спецтехники, заключенное с ИВО «Просвет» и ЗАО НПП «БелСофт».

Итак, «пятый этаж» хочет все видеть, все слышать и все знать о своем теленароде. Ему бы, «пятому этажу», учиться телевизионному менеджменту, заниматься реформированием телевещания. Но эта тайна для «пятого» непостижима: «заочные» экономисты управляют экономикой, полковники — идеологией и социологией. Время непрофессионалов, время невежд. И на самом деле, зачем постигать, учиться, реформировать, если на крайний случай под рукой — свой режимный девятый этаж?

Кстати, вернемся к режимному отделу. Такого рода структуры развиваются по одной схеме: чтобы блюсти порядок и благонадежность, им нужно знать все и обо всех. То есть иметь право на сбор информации. А это требует все новых полномочий — на использование технических средств и прочих специфических методов. Рано или поздно, формально или неформально спецслужба БТ-1 займется оперативной деятельностью, сбором информации. Без этого она не сможет выполнять свои функции. По нашим данным, режимному отделу БТ уже пытались дать право на открывание кабинетов — то есть на негласный обыск. Правда, местные юристы категорически отказались завизировать такой документ. Но какую спецслужбу останавливало отсутствие визы? "Если нельзя, но очень хочется, то можно». В общем, как сказал один бывший сотрудник службы безопасности президента: «Вы что, не знаете, в какой стране живете?..»

Вместо эпилога

В 1995 году в связи с арестом генерального директора БТ Бахтияра Бахтиярова газета «Советская Белоруссия» в одном из материалов намекала на некие «тайны Белорусского телевидения». Чужие тайны, крутой сюжет, как известно, любят все — и зрители, и читатели. Особенно если и тайна, и интрига многосерийны. Поэтому мы решили продолжить наш газетно-телевизионный сериал. Будем искать сюжеты для следующих серий, тем более что в коридорах Белорусского телевидения эти сюжеты просто валяются под ногами, но от страха за собственное мнимое благополучие их пока еще никто из самих сотрудников БТ не удосужился поднять и использовать. И небанальных сюжетов для следующих серий — сюжетов, завязанных на больших «бабках», предостаточно. К примеру, удивительная история приобретения телерадиокомпанией передвижной телевизионной станции SONY. Места действия — Великобритания, Беларусь…

Возможно, в связи с этим речь пойдет также об исчезнувших миллионах долларов, об интриге, связанной с невозвращенным кредитом, о финансовой стороне сотрудничества НГТРК и приватных телекомпаний или о таинственном тендере, который так и не состоялся на БТ в апреле. Мы пока еще сами не решили, о чем пойдет речь в следующей серии. Но в одном уверены: сценаристами станут сами телевизионщики. Увлекательное это дело — телесериал!

Сохранить для истории

Элеонора Езерская: «Жить надо так, чтобы тебе завидовала даже сволочь»

Мы продолжаем публикацию глав из книги известной телеведущей

Коля Селищук

Сколько себя помню, в нашем доме всегда висели картины. Не подлинники, но и не репродукции — копии с картин известных художников, выполненные достаточно профессионально и почти в величину оригинала. Правда, выбор сюжетов был довольно странный. Мы с сестрой, можно сказать, выросли под «Игрой в бабки» Маковского, «Тремя богатырями» Васнецова, «Сиренью» Кончаловского. Кстати, «Сирень» очень любила мама.

Мама была женщиной красивой — брюнетка с голубыми глазами. И к нам в дом зачастил известный московский художник, лауреат Сталинской премии Александр Шурпин. Славу ему принесли многочисленные портреты вождя. Особенно растиражирована была картина «Утро нашей Родины» — Сталин на фоне бескрайних российских просторов. Говорили, Шурпин не на шутку увлекся мамой, все уговаривал ее позировать. Но она была непреклонна. Хотя, в принципе, я не о том, что мама любила папу, я о картинах. Тем более что в моей домашней галерее много картин моих друзей. Леонид Щемелев, Иван Рей, Александр Кищенко, Николай Селищук…

Коля Селищук был не просто модным художником. Он был очень хорошим художником. Крестьянский сын, едва ли не в 15 лет впервые увидевший поезд, он превратился в художника европейского уровня, большого эстета. В 90-е стал общительным, с удовольствием посещал вечеринки — нас всех закрутила до того неведомая светская жизнь. Хотя больше всего на свете Коля любил писать картины и из мастерской мог не выходить сутками. «Творчество — процесс интимный», — любил повторять Селищук. И в свой мир пускал очень неохотно. Думаю, и друг настоящий у него был только один — тоже художник, Володя Толстик.

Я всегда называла Селищука Коленькой и имела редкое право навещать его в мастерской, что находилась на улице Козлова в доме, где магазин «Океан», в любое время — одна или с друзьями.

В последние годы Коля много выставлялся, у его работ собиралась толпа, Селищука называли белорусским Сальвадором Дали. Да, «сюра» в его картинах предостаточно, и рассматривать их можно бесконечно. Но магия и прелесть работ Селищука, как мне кажется, в другом. Невероятный, карнавальный, сказочный мир, в котором много детских снов. Он и сам, что называется, носил детство в кармане.

Помимо любви к живописи у нас с Колей была общая страсть — кошки. Его черно-белую кошку, которая жила в мастерской, звали Милашка. И завел он ее, по-моему, от одиночества. Селищук не производил впечатления счастливого человека. Ему нравились девушки с длинными ногами и внешностью топ-моделей. На одной из таких, продавщице (правда, из книжного магазина), он женился. Но никогда не появлялся со своей красивой женой, никогда не говорил о ней. В общем, я думаю, там была какая-то проблема…

А вот свою Милашку Коля обожал. И смею утверждать, что еще больше он любил моего огромного рыжего кота Марчелло. Кстати, Марчелло в моем доме появился как напоминание о замечательном рыжем коте с картины Селищука — картину я так и не купила, но запомнила.

Коля с удовольствием расспрашивал меня о Марчелло: что ест, как себя ведет, с чем любит играть…

С Николаем Селищуком

Даже приглашение в гости, как мне казалось, он принимал, чтобы пообщаться с Марчелло. Помню, как-то жаловалась Селищуку на жизнь: мол, в своем доме я — кухарка, целый день занимаюсь хозяйством, кормлю кота…

— А спит Марчелло с вами? — спрашивает Коля.

— Ну да, разбежалась!

— Правильно, — глубокомысленно заметил Селищук. — Кто же спит с кухарками!

Коля долго уговаривал меня привезти Марчелло в его мастерскую. Наконец, этот визит состоялся. Милашка весь вечер просидела за батареей, а потом насквозь прокусила хозяину палец. Селищук неделю не мог работать. Но, к моему удивлению, он по памяти написал портрет Марчелло, и спустя некоторое время картина была продана в Голландию.

Кстати, дарить картины Коля не любил. Потому я считаю себя одной из немногих, у кого имеется подаренное им самим полотно.

Картины Селищука всегда стоили дорого. И покупали их в основном иностранцы. У него появились деньги. Он, наконец, смог купить квартиру в центре города, предстоял невероятный ремонт.

1996 год для Селищука оказался страшным. Весной Коля был у меня дома — я все время пыталась его накормить, а он ел, как птенчик. Обратил внимание на мою большую фотографию, сказал, что ему не нравится рама, предложил ее поменять.

Потом было жаркое лето. Мне все было недосуг забежать к Коле и забрать фотографию в новой раме. Потом сентябрь — я совсем закрутилась, готовилась к бенефису. В середине месяца позвонила Селищуку, чтобы пригласить его, и узнала, что он собирается в Италию. Поездка показалась мне чудовищной: на автобусе, не в сезон, чтобы жить в дешевой гостинице?! Как я уговаривала его не ехать! Сколько раз в разговоре называла это число — 30 сентября, день моего бенефиса! Мне так хотелось, чтобы Коля присутствовал на нем.

30 сентября он был в Минске. Из Италии его привезли в гробу.

Так получилось, что последним человеком, которому Селищук сам открывал двери своей мастерской, была я. Тут какая-то мистика. Полгода я не могла забрать фотографию, но именно накануне его отъезда решила обязательно это сделать. Поздно вечером мы нашли получасовую «форточку». Я бегу в его мастерскую… Вначале почему-то путаю подъезд, потом — этаж… Наконец, звоню в дверь, и Коля, такой элегантный (в последние годы он носил одежду самых дорогих фирм), стоит на пороге… В мастерской на роскошном дорогом джемпере спит Милашка. Я даже что-то сказала по этому поводу. «Но ведь ей так удобно», — улыбнулся он.

Коля достает мое фото и… Что это? Внизу на стекле — большая трещина. Почему-то в форме трилистника. «Странно! Портрет никто не трогал…» Коля предлагает мне оставить фото, обещает, что вернется через две недели и вставит новое стекло. Но я категорически отказываюсь. Мы прощаемся на две недели. Оказалось — навсегда.

Коля утонул в Италии, в море, стоя по колено в воде. Купальный сезон закончился, начался сезон морских приливов. Набежавшая волна закрутила Селищука и унесла. Говорят, в день его гибели оставленная в мастерской Милашка кричала и выла…

А стекло я так и не вставила. Висит портрет за разбитым стеклом в новой раме. Как память о Коле.

Мой друг Гена Карпенко

Дружить мы начали тогда, когда Гену еще никто не знал. Это потом он станет известен на всю страну, выделится из депутатского корпуса. А когда мы познакомились, Гена и не думал ни о какой политике. Была крепкая советская власть, я только начинала работать на белорусском ТВ, а Карпенко занимался порошковой металлургией, писал докторскую диссертацию, мечтал о Государственной премии, которую тогда так и не получил. А познакомились мы так.

У меня есть железный принцип: никогда не знакомлюсь с мужчинами в общественном транспорте: мужчина, который мне может понравиться, в общественном транспорте не ездит. Но с Карпенко я познакомилась в троллейбусе. И вот погожий апрельский день, я захожу в троллейбус, крепко прижимая к груди сумочку (ехала к Коле Селищуку покупать понравившуюся мне картину, так что с собой была энная сумма денег). И тут — улыбающийся мужчина. Он так хорошо шутил, что уже через остановку номер моего телефона был у него в кармане.

Это была интересная дружба. С легким флером романа, хотя романа быть не могло: Гена всегда любил свою Люду, у меня тоже было разное. Но время от времени он появлялся на моем горизонте. Я в то время жила в отцовской квартире на проспекте Машерова, вечерами здесь часто собирались гости. Гена (а жили мы, как оказалось, рядом) иногда, увидев свет в окнах, заходил на огонек. Иногда один, иногда с каким-нибудь другом. Моя сестра часто была этим недовольна: тут гости, а эти — в спортивных костюмах. Однажды у меня в гостях был Армен Джигарханян — в те годы мы дружили, и, приезжая в Минск, Армен Борисыч всегда приходил в мой дом. Человек огромного ума, обаяния и мудрости, в застольной беседе ему невозможно составить конкуренцию... И тут звонок в дверь — Гена с другом. Оправившись от первого смущения (все-таки Джигарханян за столом), несмотря на спортивный костюм и даже, по-моему, «вытянутые коленки», Гена садится за стол — и Джигарханян меркнет. Гена шутил, рассказывал анекдоты, байки, произносил тосты… Громче всех, по-моему, смеялась моя сестра Мила. А еще, помню, друг Гены от волнения не мог произнести фамилию артиста. «Ничего страшного, — сказал Армен, — меня вся страна называет Армян Джавахарнян».

Завязался спор. Армен Борисыч утверждал, что человек с авоськой не может быть предметом большого искусства. Карпенко возражал, вспомнив гоголевского Акакия Акакиевича. В общем, Гена был на высоте, щеголял шутками и эрудицией.

Уже став известным политиком, Карпенко не забывал позвонить и поздравить с праздником — все равно каким, будь то Пасха или Первомай. Мог позвонить просто так и, почувствовав плохое настроение, развеселить. Шутил он по каждому поводу. Помню, незадолго до смерти Гена позвонил с рассказом, что дома ему не дают есть. «Идет борьба за каждый кусок мяса, ем только на приемах…» Я хохотала.

Кстати, о приемах. На них Гена никогда не ел — ему просто было некогда: постоянно подходили какие-то люди с разговорами. Но однажды… Существует протокол: когда в начале приема произносят приветственные речи, к столам никто не подходит, никто не пьет и не закусывает. Однако выступающий от белорусской стороны так не понравился Карпенко, ему было так противно слушать, что говорит наше «официальное лицо», что он демонстративно стал выпивать и закусывать.

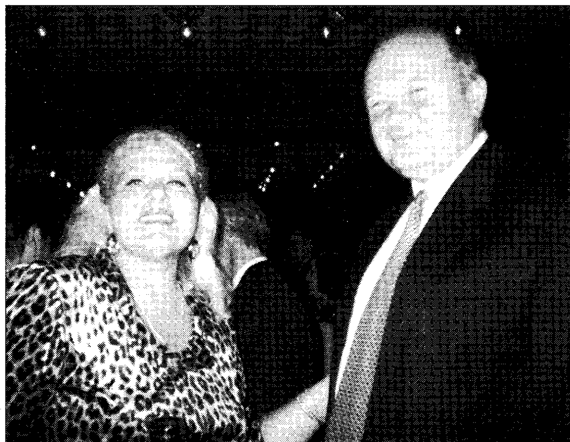
Гена вообще умел шокировать. Прием. Вокруг Карпенко, как всегда, роится толпа. Подхожу и я. «Знакомьтесь, — говорит он. — Моя любовница». Я сгибаюсь от смеха, и Люда, его жена, где-то рядом. А люди не знают, как реагировать.

За Геной всегда увивались самые хорошенькие актрисы Купаловского театра, его полюбила великая Стефания Станюта, общением с ним гордились Алексей Дударев и Михаил Финберг. А он, такой большой и щедрый, став мэром маленького Молодечно, подарил своим друзьям сразу два больших фестиваля — театральный и музыкальный. Эти фестивали существуют и поныне, а некоторые «друзья», которые клялись Карпенко в вечной дружбе, забыли даже его имя.

Осенью 1996-го, когда состоялся мой бенефис, я была уверена, что не только в первом ряду, но и на сцене будет мой замечательный друг Гена Карпенко. А он не пришел. Сказать, что я была сердита — это ничего не сказать. Я швыряла телефонную трубку, я не хотела слушать объяснений. А оказалось, в тот день у него был сильнейший гипертонический криз, давление зашкаливало за 200. «Я не мог поднять голову», — извинялся Гена.

…Хоронили Карпенко тоже в апрельский день. Я никогда не видела в Минске сразу столько одухотворенных, красивых даже в печали лиц. Помню потемневшее от горя, «перевернутое» лицо Людмилы. И еще всегда буду помнить тихую песню на стихи Арсеньевой над свежей могилой.

Так случилось, что теперь я часто бываю на Московском кладбище, на участке №27. Там похоронена и моя мама. И каждый раз, проходя мимо могилы Карпенко и памятника, к которому никак не могу привыкнуть, хотя делал его наш друг, скульптор Иван Миско, я говорю ему хорошие слова. А обращаясь к маме, всегда добавляю: «Мамочка, у тебя здесь замечательная компания…» А слезы льются...

С Геннадием Карпенко

Обсудить в коллективе

Допинг употребляют все

только одни попадаются, а другие — нет

А. Стриючик
Людмила Лукьянская

Сергей ЯКОВЛЕВ

В апрельском номере «БДГ. Для служебного пользования» на 23-й полосе был опубликован материал «Хочу добавки!» о расследовании скандала, связанного с участием шорт-трековички Юлии Павлович на Олимпийских играх в Солт-Лейк-Сити. Пришлось выслушать много отзывов на сей счет. Одной из первых в редакцию обратилась бывший заместитель главврача Республиканского диспансера спортивной медицины Людмила Лукьянская. Она была очевидцем тех олимпийских событий и к тому же является лечащим врачом нашей ведущей конькобежки Анжелы Котюги, имя которой также упоминалось нами в связи с сомнительными пищевыми добавками.

— В вашей статье «Хочу добавки!» говорится, что Анжела Котюга якобы применяла злосчастный инозин. Я как ее врач с этим категорически не согласна, — заявила Людмила Анатольевна. — Дело в том, что до декабря 2001 года в диспансере и республике не было этой пищевой добавки. Поэтому мы составили для Анжелы фармакологическую схему, в которую инозин не входил.

Во время этапов Кубка мира ее, одну из немногих конькобежек, 8 раз вызывали пройти сквозь сито допинг-контроля. Подобную физическую и моральную нагрузку выдержать очень сложно.

— Столь пристальное внимание к Анжеле неудивительно. Ведь только в этом сезоне она ворвалась в элиту мировых коньков.

— Думаю, причина не только в этом. Возможно, определенную роль сыграло здесь и то, что в ноябре на допинге засветилась одна наша юниорка. Поэтому в медкомиссии МОК, наверное, решили, что и у взрослых не все чисто.

— Другие претензии к материалу «Хочу добавки!» у вас имеются?

— Материал написан достаточно хорошо.

— Можно ли было избежать столь громкого олимпийского скандала?

— Наверное. Считаю, что руководителям нашей делегации в Солт-Лейк-Сити не хватило опыта участия в таких ситуациях, умения контактировать с представителями Международного олимпийского комитета. Если бы поехал прежний шеф миссии Александр Владимирович Григоров, может быть, этого скандала не было бы вовсе. Он человек опытный в этих вопросах, гибкий. За его плечами несколько Олимпиад.

— Доводилось слышать, что именно вам ставят в вину «заряженность» Павлович?

— Во-первых, я — врач. Мне надо соблюдать кодекс чести. Я не могла советовать спортсменке употреблять стероидные гормоны. Здесь, видимо, совершенно другая история.

— Какая?

— У нас спортсмены и их тренеры имеют больше возможностей общаться со своими иностранными коллегами. В отличие от нас, врачей, которых берут на соревнования только в исключительных случаях. Поэтому атлет и его наставник владеют большей информацией в вопросах спортмедицины, чем врачи...

Спортсмены знают, какие препараты и в какие периоды надо применять. А это уже этическая сторона вопроса...

— Но зачем было принимать анаболики Павлович, если она изначально не претендовала на высокие места?

— Наверное, менталитет такой. Может быть, ей было важно финишировать, условно говоря, не сороковой, а двадцатой.

— Во время Олимпиады прошла информация, распространенная медкомиссией МОК, что во многих пищевых добавках содержатся запрещенные препараты.

— Конечно. Но случай с Павлович неоднозначен. Было зафиксировано, что допустимая норма норандростерона превышена в 380(!) раз. Получается, что пищевую добавку надо было ведрами принимать. Однако вместе с тем мы не знаем гормональный фон Юлии до приема препаратов и после. У нас нет возможности проследить это. Вот почему мы добиваемся создания у нас современной антидопинговой лаборатории. Пока мы вынуждены пользоваться услугами Минздрава, чтобы определить уровень гормонов в крови. В 10-й клинической больнице Минска берут сразу только 100 пробирок. На обработку анализов уходит месяц. Для спортсменов это очень большой срок.

— А как обстоят дела с этим вопросом в Республиканском научно-техническом центре «Экомир»? Ведь сначала он был создан для изучения экологической обстановки на военных базах, а позже с ним подписало соглашение о сотрудничестве Министерство спорта и туризма. Насколько я знаю, именно там перед Олимпиадой в Солт-Лейк-Сити обследовались все наши спортсмены.

— Добавлю, что «Экомир» одобрили представители Кельнской антидопинговой лаборатории. Однако и там пока не могут воспользоваться последними гормональными ноу-хау. Для этого необходимы большие деньги.

— Можно ли добиться выдающихся результатов, не употребляя запрещенных препаратов?

— На данный вопрос я отвечу словами президента МОК Жака Рогге: «Допинг применяют все. Только одни попадаются, а другие — нет».

Впрочем, есть группа растительных препаратов, обладающих стероидным действием. Они повышают работоспособность спортсмена, но не запрещены. Ведь после напряженной тренировки надо восстанавливать потраченные силы.

— Как я понимаю, главная беда — это анаболические стероиды, производные тестостерона — мужского полового гормона?

— Да. На мужчин и женщин они действуют по-разному, но в обоих случаях капитально подрывают здоровье. После их введения мужской организм прекращает выработку собственных гормонов. В связи с этим меняются многие обменные процессы в организме, требуется постоянная подпитка извне. Когда же препарат перестает вводиться, силовые и половые качества мужчин ухудшаются. Вплоть до атрофирования сексуальной функции.

У женщин наоборот. У них в крови также содержится тестостерон. Но когда он поступают дополнительно, то прекрасная половина теряет женственность, становится более мускулистой. Естественно, стираются женские половые качества. К тому же возникают болезни печени, почек, сердца. Таким образом, женщина превращается в некое существо среднего пола.

— Объясняют ли сегодня юным дарованиям, к чему может привести злоупотребление запрещенными препаратами?

— Наверное. Зато в Советском Союзе была следующая практика: посовещались тренер и врач — и атлет «кушает», что ему велят, в приказном порядке.

Случается, что спортсмены не всегда доверяют врачу, а сами принимают решение, употреблять допинг или нет, гробить ли ему здоровье ради места на олимпийском пьедестале.

— Вам не кажется, что большинство положительных результатов на допинг выявлены у спортсменов постсоветского пространства и восточноевропейских стран?

— Так оно и есть. На анаболических стероидах обычно попадаются атлеты из слаборазвитых стран. Им не по карману покупать качественные современные препараты. В передовых странах все уже работают на уровне генной инженерии. Следят за развитием клетки вне организма, а потом вводят ее спортсмену.

— Спасение видится в создании антидопинговой лаборатории?

— Однако для этого надо усовершенствовать нормативно-правовую базу по данной проблеме. У нас же пока не принят на государственном уровне ни один закон. Вроде бы сейчас, когда в Солт-Лейк-Сити петух клюнул, зашевелились и в Минспорта, и в правительстве.

Послесловие

На сегодня запрещены к применению пять групп препаратов: стимуляторы, наркотики, анаболические стероиды, диуретики, пептиды и их аналоги. Есть еще группа так называемых препаратов ограниченного применения: алкоголь, марихуана, кортикостероиды, бета-блокаторы, местные обезболивающие. Запрещено также пользоваться двумя методами: допингом крови и фармакологическими, химическими и физическими манипуляциями.

Всего же запрещено около 11 тысяч препаратов.

Контроль ведут приблизительно 25 антидопинговых лабораторий, аккредитованных по всему миру. Стоимость одной пробы составляет Usd 300-500.

Любопытно проследить, как развивалась допинг-индустрия. Медицинская комиссия МОК была создана в 1967 году. Через год на Олимпиадах в Мехико и Гренобле начали проводить допинг-контроль. Из 668 взятых проб положительный результат дала лишь одна. Спустя четыре года выявили уже семь «грязнуль». В Монреале-76 случился первый громкий скандал. Тяжелоатлеты поляк Збигнев Качмарек и болгарин Валентин Христов лишились золотых медалей, так как были уличены в применении анаболиков.

Известно, что следующие Игры в Москве проигнорировали американцы и некоторые западноевропейские страны. Прибыли в основном спортсмены из развивающихся государств. И что удивительно, не было зафиксировано ни одного случая применения допинга. Впрочем, очевидцы это связывают с тем, что организаторы на протяжении всей Олимпиады хорошо обхаживали председателя медицинской комиссии МОК — принца Александра де Мерода. Спустя же несколько месяцев Кельнская антидопинговая лаборатория провела повторный анализ московских проб. Итог — примерно в каждой шестой содержался тестостерон. Кстати, Кельнская лаборатория — первая из созданных под патронатом МОК. Она до сих пор является одной из самых современных и престижных. А репутацию неподкупной приобрела во время Панамериканских игр-83, где 16 (по другим данным — 18) атлетов были лишены наград. Эта лаборатория не прославилась бы, если бы не ее толковый руководитель — биохимик Манфред Донике. Это он утверждал, что новые технологии будут опережать средства их обнаружения. И если спортсмены за большие деньги согласны подвергать свой организм экспериментам, что и кто их может остановить?

Многие утверждают, что с вводом в эксплуатацию лабораторий количество допинговых разоблачений резко возрастет. Это заблуждение! Ведь одной из негласных задач лабораторий является наблюдение за тем, чтобы допинг не был выявлен во время соревнований и контрольных тестов. Кроме того, в этих самых заведениях и открывают новые разновидности... допинга. Да-да. Ведь кто пользуется услугами антидопинговых центров? Национальные федерации. А кто платит, тот, как известно, и заказывает музыку!

Что на нынешнем этапе «кушают» белорусские атлеты? Да все те же анаболические стероиды и препараты с подобными свойствами. Для пущей убедительности приведем названия препаратов, из-за которых подверглись дисквалификации наши спортсмены за последнее время. В 2000-м засветились гребчихи Наталья Лавриненко и Наталья Стасюк, а также молотобоец Вадим Девятовский. У Лавриненко нашли эпиметендиол, у Стасюк — метилтестостерон, у Девятовского — ретаболил (нандролон). За применение анаболиков девушки получили пожизненную дисквалификацию, парень — двухлетнюю. В прошлом году велосипедистку Зинаиду Стагурскую дисквалифицировали за применению нандролона. Сейчас у Юлии Павлович выявили норандростерон, производную нандролона.

Какова же у большинства белорусских спортсменов методика применения запрещенных препаратов? За несколько недель до старта употребление прекращается. «Грязь» выводится из организма. Спортсмен едет чистым на соревнование. Но случается, что неправильно рассчитают календарный период, и тогда уже на турнире приходится нервничать: проверят или нет? Некоторые же, чтобы свести риск к минимуму, специально не занимают призовых мест или вовсе отзаявляются с состязаний.

Впрочем, а что качественного можно приобрести для «подкормки», если Министерство спорта и туризма на фармакологию выделяет всего Usd 15 в день? А надо как минимум Usd 70-100.

К сожалению, работа в этой области спорта ведется у нас на уровне каменного века. А нужна научная система, использующая достижения современной фармакологии.

«Каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение».

Статья 33 Конституции Республики Беларусь

БГ Для служебного пользования
Ежемесячное приложение к «Белорусской деловой газете»
№ 4 29.04.2002 года
Редактор Светлана Калинкина

Газета зарегистрирована в Министерстве информации, регистрационное свидетельство №1758 от 21.03.2002г. Редакция может опубликовать материалы, отражающие только мнение авторов, в порядке обсуждения. Перепечатка со ссылкой на «БДГ. Для служебного пользования». Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений и за ошибки в них.

Подписные индексы ДСП:
индивидуальная подписка **63568**
ведомственная подписка **635682**

Главный редактор «БДГ» **Петр Марцев**
Учредитель и издатель **Издательское частное унитарное предприятие «Марат»**
Отпечатано с диапозитивов заказчика на полиграфическом РУП «Красная звезда», 220073, г. Минск, 1-й Загородный переулок, 3.
Материалы, помеченные знаком печатаются на правах рекламы.
Тираж 25000
Заказ 2075
Подписано в печать 29.04. 2002г. в 17.00
Выходит 1 раз в месяц

Размещение рекламы: тел/факс (017) 216-25-87, 216-25-88,285-08-93,285-08-94. **Отдел распространения:** тел/факс (017) 226-87-99, 222-27-20. **Адрес редакции:** 220039,Минск,ул.Чкалова,12,4-й этаж. **Телефоны редакции:** 216-25-85, 285-08-92, 224-95-70, 216-25-84